

A 521

КД.
Б 1218349

АЛТАЙ

1. 1985

1218349

09

A521
17

АЛТАИ

1985

1

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ АЛЬМАНАХ
АЛТАЙСКОЙ КРАЕВОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Издается с 1947 года

СОДЕРЖАНИЕ

Информационное сообщение о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза 5

Обращение Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР к Коммунистической партии, к советскому народу 8

ПРОЗА

Федор КОЖЕВНИКОВ. Миссия добра. Мемуарная повесть 10
Эдуард ПРУТКОВСКИЙ. Вам служу, люди! 50

ПОЭЗИЯ

Людмила КОЗЛОВА. Всею дается срок. Стихи 45
Станислав ЯНЕНКО. Остается работа. Стихи 47
Николай БАЖАН. Тепло в обычном, задушевном слове... Стихи 49
Фридрих БОЛЬГЕР. Дерево памяти. Стихи 80

К 800-ЛЕТИЮ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Владимир СТЕЛЛЕЦКИЙ. Творцу «Слова». Стихи 83
Святослав ВОИНОВ. Сладок хмель веков 84

ОЧЕРК, ПУБЛИЦИСТИКА

Виктор СЛИПЕНЧУК. Грибы и ягоды 106
И. КАЛИНИНА. Признание в любви 119

(см. на обороте)

БАРНАУЛ. АЛТАЙСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО. 1985

Сергей КАШИРИН. Глубинные родники 11

Николай БУДАНОВ. Каткины уши 121

Редактор И. П. КУДИНОВ

Редакционная коллегия:

В. М. БАШУНОВ, П. А. БОРОДКИН, В. Ф. ГОРН,
 Е. Г. ГУЩИН (зам. редактора), В. В. ДУБРОВСКАЯ, Л. И. КВИН,
 Я. Е. КРИВОНОСОВ, Г. П. ПАНОВ, И. М. ПАНТЮХОВ,
 Н. М. ЧЕРКАСОВ.

Б1218349

АЛЬМАНАХ «АЛТАЙ» 1985 № 1

Художественный редактор В. Ерапкин. Технический редактор М. Сафонова.
 Корректоры Н. Тырышкина, Г. Ульченко.

Рукописи не возвращаются

АГ 00024. Сдано в набор 25. 01. 1985 г. Подписано к печати 18. 03. 1985 г. Формат
 70x108/16. Бумага тип. № 2. Усл. печ. л. 10,85. Усл. кр.-отт. 11,2. Уч.-изд. л. 13,25.
 Тираж 7000 экз. Заказ № 305. Цена 50 коп.

Алтайское книжное издательство Государственного комитета РСФСР по делам изда-
 тельств, полиграфии и книжной торговли — 656015, Барнаул, Ленина, 76.

Производственное объединение «Полиграфист» управления издательств, полиграфии
 и книжной торговли крайисполкома — 656023, Барнаул, Г. Титова, 3.

Адрес редакции: 656099, Барнаул, пр. Строителей, 11-а. Тел. 2-14-53.

© «Алтай», № 1, 1985.

нова.

Формат
13,25.

и изда-

графии

-14-53.

, 1985.

Михаил Сергеевич ГОРБАЧЕВ

Михаил Сергеевич Горбачев родился 2 марта 1931 года в селе Привольном Красногвардейского района Ставропольского края в семье крестьянина.

Вскоре после Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. в возрасте 15 лет он начал свою трудовую деятельность. Работал механизатором машинно-тракторной станции. В 1952 году вступил в члены КПСС. В 1955 году окончил Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (юридический факультет), а в 1967 году — Ставропольский сельскохозяйственный институт, получив специальность ученого агронома-экономиста.

С 1955 года М. С. Горбачев — на комсомольской и партийной работе. Работает в Ставропольском крае: первым секретарем Ставропольского горкома ВЛКСМ, заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации, а затем вторым и первым секретарем крайкома комсомола.

В марте 1962 года М. С. Горбачев был выдвинут парторгом Ставропольского территориально-производственного колхозно-совхозного управления, а в декабре того же года утвержден заведующим отделом партийных органов крайкома КПСС.

В сентябре 1966 года он избирается первым секретарем Ставропольского горкома партии. С августа 1968 года М. С. Горбачев работает вторым секретарем, а в апреле 1970 года избирается первым секретарем Ставропольского крайкома КПСС.

М. С. Горбачев — член Центрального Комитета КПСС с 1971 года. Был делегатом XXII, XXIV, XXV и XXVI съездов партии. В 1978 году избран секретарем ЦК КПСС, в 1979 году — кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС. В октябре 1980 года М. С. Горбачев переведен из кандидатов в члены Политбюро ЦК КПСС. Депутат Верховного Совета СССР 8—11-го созывов, председатель Комиссии по иностранным делам Совета Союза, Депутат Верховного Совета РСФСР 10—11-го созывов.

Михаил Сергеевич Горбачев — видный деятель Коммунистической партии и Советского государства. На всех постах, которые ему поручает партия, трудится со свойственными ему инициативой, энергией и самоотверженностью, отдает свои знания, богатый опыт и организаторский талант претворению в жизнь политики партии, беззаветно служит великому делу Ленина, интересам трудового народа.

За заслуги перед Коммунистической партией и Советским государством М. С. Горбачев награжден тремя орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» и медалями.

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза

11 марта 1985 года состоялся внеочередной Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

По поручению Политбюро ЦК Пленум открыл член Политбюро, секретарь ЦК КПСС т. Горбачев М. С.

В связи с кончиной Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко участники Пленума почтили память Константина Устиновича Черненко минутой скорбного молчания.

Пленум отметил, что Коммунистическая партия Советского Союза, весь советский народ понесли тяжелую утрату. Ушел из жизни выдающийся партийный и государственный деятель, патриот и интернационалист, последовательный боец за торжество идеалов коммунизма и мира на земле.

Вся жизнь Константина Устиновича Черненко до конца была отдана делу ленинской партии, интересам советского народа. Куда бы ни направляла его партия, он неизменно, с присущей ему самоотверженностью, боролся за претворение в жизнь политики КПСС.

Много внимания уделял Константин Устинович Черненко последовательному проведению курса на совершенствование развитого социализма, на решение крупных задач экономического и социального развития, повышение благосостояния и культуры советского народа, на дальнейший подъем творческой активности масс, улучшение идеологической работы, укрепление дисциплины, законности и порядка.

Большой вклад внес Константин Устинович Черненко в дальнейшее развитие всестороннего сотрудничества с братскими странами социализма, осуществление социалистической экономической интеграции, упрочение позиций социалистического содружества. Под его руководством твердо и последовательно проводились в жизнь принципы мирного сосуществования государств с различным общественным строем, давался решительный отпор агрессивным замыслам империализма, велась неустанная борьба за прекращение навязанной империализмом гонки вооружений, устранение

угрозы ядерной войны, за обеспечение надежной безопасности народов.

Как зеницу ока берег Константин Устинович Черненко единство нашей Коммунистической партии, коллективный характер деятельности Центрального Комитета и его Политбюро. Он всегда стремился к тому, чтобы партия на всех уровнях действовала как сплоченный, слаженный и боевой организм. В единстве мыслей и дел коммунистов видел он залог всех наших успехов, преодоление недостатков, залог поступательного движения вперед.

Пленум подчеркнул, что в эти скорбные дни коммунисты, весь советский народ еще теснее сплавляются вокруг Центрального Комитета партии и его Политбюро. В партии советские люди с полным основанием видят руководящую и направляющую силу общества и полны решимости беззаветно бороться за реализацию ленинской внутренней и внешней политики КПСС.

Участники Пленума ЦК выразили глубокое соболезнование родным и близким покойного.

Пленум ЦК рассмотрел вопрос об избрании Генерального секретаря ЦК КПСС.

По поручению Политбюро с речью по этому вопросу выступил член Политбюро тов. Громыко А. А. Он внес предложение избрать Генеральным секретарем ЦК КПСС тов. Горбачева М. С.

Генеральным секретарем Центрального Комитета КПСС Пленум единодушно избрал тов. Горбачева М. С.

Затем на Пленуме выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Горбачев М. С. Он выразил глубокую признательность за высокое доверие, оказанное ему Центральным Комитетом КПСС, отметил, что очень хорошо понимает, сколь велика связанная с этим ответственность.

Тов. Горбачев М. С. заверил Центральный Комитет КПСС, что он приложит все силы, чтобы верно служить нашей партии, нашему народу, великому ленинскому делу, чтобы неуклонно осуществлялись программные установки КПСС, обеспечивалась преемственность в решении задач дальнейшего укрепления экономического и оборонного могущества СССР, повышения благосостояния советского народа, упрочения мира, чтобы настойчиво воплощалась в жизнь ленинская внутренняя и внешняя политика Коммунистической партии и Советского государства.

На этом Пленум ЦК закончил свою работу.

ОБРАЩЕНИЕ

Центрального Комитета КПСС,
Президиума Верховного Совета СССР,
Совета Министров СССР
к Коммунистической партии,
к советскому народу

Дорогие товарищи!

Коммунистическая партия Советского Союза, Советское государство, весь советский народ понесли тяжелую утрату. Ушел из жизни Константин Устинович Черненко — выдающийся партийный и государственный деятель, патриот и интернационалист, последовательный борец за торжество идеалов коммунизма и мира на земле.

Вся жизнь Константина Устиновича Черненко до конца отдана делу ленинской партии, интересам советского народа. Куда бы ни направляла его партия, он неизменно, с присущей ему самоотверженностью, боролся за претворение в жизнь политики КПСС, в рядах которой состоял более пятидесяти лет.

От комсомольского вожака и парторга пограничной заставы до Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР — таков жизненный путь К. У. Черненко. На высших постах в партии и государстве во всей полноте раскрылся его талант организатора, руководителя ленинского типа. Центральный Комитет партии, Политбюро ЦК КПСС во главе с К. У. Черненко вели большую и плодотворную работу по мобилизации трудящихся на выполнение решений XXVI съезда КПСС, последующих Пленумов Центрального Комитета.

Последовательно проводился курс на совершенствование развитого социализма, на решение крупных задач экономического и социального развития, повышение благосостояния советского народа, дальнейший подъем творческой активности масс, улучшение идеологической работы. В центре внимания партии постоянно находились вопросы укрепления дисциплины, законности и порядка, кадровой политики, активизации деятельности Советов, комсомола, народного контроля, школьной реформы, повышения общественной роли литературы и искусства. Ведется активная работа по подготовке к очередному, XXVII съезду КПСС, разработке новой редакции Программы партии.

На международной арене усилия партии концентрировались на дальнейшем развитии всестороннего сотрудничества с братскими странами социализма. С деятельностью К. У. Черненко связаны переход к новому этапу социалистической экономической интеграции, упрочение позиций социалистического содружества.

ЦК КПСС, Советское государство твердо и последовательно проводили в жизнь принцип мирного сосуществования государств с различным общественным строем, решительно противодействовали агрессивным замыслам и устремлениям наиболее реакционных кругов империализма, неустанно боролись за прекращение навязанной империализмом гонки вооружений, устранение угрозы ядерной войны, за обеспечение надежной безопасности народов.

В связи с тяжелой утратой Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР обращаются к коммунистам, к советскому народу с призывом еще теснее сплотиться вокруг ленинского Центрального Комитета партии и его Политбюро. В Коммунистической партии Советского Союза трудящиеся нашей стра-

ны с полным основанием видят руководящую и направляющую силу советского общества. Все дела и помыслы партии направлены на беззаветное служение коренным интересам советского народа, делу коммунизма.

КПСС вооружена бессмертным революционным марксистско-ленинским учением. Она неуклонно следует по пути, указанному Лениным, и с этого пути не свернет никогда.

Партия и впредь будет проводить курс на всестороннее совершенствование развитого социализма. Она считает высшим смыслом своей деятельности дальнейшее повышение материального и культурного уровня жизни народа на основе интенсификации экономики, всемерного ускорения научно-технического прогресса. Со всей настойчивостью будет все более полно осуществляться во всех сферах нашей жизни присущий социализму принцип социальной справедливости, неотступно проводится одобренная и поддержанная трудящимися страны линия на укрепление дисциплины, порядка, организованности. Партия и дальше будет укреплять союз рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции, братскую дружбу советских народов, составляющих основу жизнедеятельности нашего общества, будет развивать социалистическую демократию. Партия считала и считает высшими духовными ценностями советских людей марксистско-ленинскую убежденность, коллективизм, патриотизм, пролетарский социалистический интернационализм.

КПСС, Советское государство делали и делают все возможное и необходимое для укрепления социалистического содружества, упрочения позиций социализма на мировой арене, для предотвращения ядерной катастрофы и обеспечения прочного мира. Мы хотим и настойчиво добиваемся прекращения гонки вооружений, предотвращения милитаризации космоса. Наша конечная цель — полное уничтожение ядерного оружия повсюду на планете, полное устранение угрозы ядерной войны. Советский Союз неизменно выступал и выступает за конструктивный диалог, за практические меры, ведущие к снижению международной напряженности, к установлению атмосферы доверия, сотрудничества и взаимопонимания между всеми народами и государствами.

Советский Союз никому не угрожает и не стремится к военному превосходству. Но он не допустит того, чтобы какая-либо другая страна или коалиция государств получили такое превосходство. Вот почему мы и впредь будем неустанно повышать бдительность, крепить оборонноспособность нашей социалистической Родины.

Наши симпатии и наша поддержка на стороне народов, борющихся за свободу и национальную независимость. В борьбе за мир и социальный прогресс КПСС неизменно верна последовательному курсу на всемерное сплочение сил международного коммунистического и рабочего движения.

Цели партии ясны и благородны. Они позволили КПСС снискать безграничное доверие трудящихся. В единстве с народом — сила партии. В единстве с партией, в ее руководстве — сила народа.

Константин Устинович Черненко, посвятивший всю свою жизнь верному служению партии, советскому народу, навсегда останется в памяти коммунистов, всех советских людей. Он останется в нашей памяти как страстный пропагандист марксистско-ленинских идей, как отзывчивый и требовательный руководитель, как человек чуткий и внимательный к нуждам и заботам людей труда.

Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР твердо уверены в том, что коммунисты, все советские люди, проявляя высокую сознательность и организованность, будут трудиться с еще большим энтузиазмом и самоотверженностью, крепить экономическое и оборонное могущество нашей Родины, достойно нести знамя Великого Октября.

Федор Иванович Кожевников родился в 1903 году в г. Смоленске. В 1927 году окончил Московский государственный университет. Специалист по международному праву. Доктор юридических наук. Член КПСС. В 1952—1953 гг. — член Комиссии международного права, а в 1953—1961 гг. — член Международного Суда ООН. С 1966 г. член Постоянной палаты третейского суда в Гааге. С 1960 г. профессор Московского государственного института международных отношений, с 1969 года — бессменный декан международно-правового факультета. Награжден тремя орденами и многими медалями СССР.

Федор КОЖЕВНИКОВ

МИССИЯ ДОБРА

МЕМУАРНАЯ ПОВЕСТЬ*

Вечер. В кабинете тишина. Всюду книги, кругом книги. У стены — большая пишущая машинка «Ундервуд». Она приобретена хозяином еще в далекие времена, в бытность его в Иране. Кабинет украшают различные художественные предметы, дорогие ему по воспоминаниям. Они также привезены им в разное время из европейских и восточных стран. Здесь и изящные греческие статуэтки, и миниатюрный портрет голландского юриста XVII века, и изображение на шелку великого поэта Востока Фирдоуси, и фигурка Жанны д'Арк...

Ученый сидит у письменного стола, углубившись в чтение рукописи. Почувствовав усталость, он откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и глубоко задумался. Перед его мысленным взором промелькнули отдельные картины далекого прошлого, видения детства и юности. Почудилось, будто чьи-то глаза пристально смотрят на него. Он вскинул голову и увидел, что это глаза матери, устремленные на него с портрета. Ему даже померещилось, что она смотрит несколько задорно, как бы дразня: «А может, попробуешь?»

Прожито, видано и прочувствовано немало, а кое-что и сделано. Правда, он не участвовал в штурме Зимнего дворца в октябрьскую ночь, не мчался на лихом коне с шашкой наголо в гражданскую... но он знает (не только по книгам) и старую Русь, и первые борозды новой революционной жизни, и ожесточенные схватки с теми, кто пытался разными способами затушить ярко вспыхнувшую зарю будущего.

Он знает комсомольскую жизнь 20-х годов — и ЧОН, и рабфаковское утро восхождения по ступеням знаний, и аудиторию Московского университета, и многое-многое другое...

Автору суждено было дожить до старости. Настоящее... Прошрое... В их сочетании как бы вновь обретается молодость, как бы снова звучит труба молодая...

Повествование задумано в третьем лице. Такая форма, представляется, лучше позволяет, оставаясь на почве фактов, выходить иногда за рамки чисто мемуарного произведения, допуская порой такой литературный прием, который вместе с тем в своей основе органически связан с реальными событиями, современником и участником которых был автор.

* Журнальный вариант.

1. НАЧАЛО

Федор Иванович стал с некоторых пор особенно остро чувствовать то, что испытывают, вероятно, очень многие мемуаристы: по мере «отхода» от времен далеких и приближения к более близким все труднее становится писать воспоминания. Такова своеобразная диалектика труда этого рода. Как, возможно, скажут философы, юристы и дипломаты, — в этом есть и субъективные, и объективные причины.

Далекое прошлое чаще всего воспринимается и, главное, осмысливается более отчетливо, чем недавние события, для освещения которых даже в личном плане фактор времени играет осложняющую роль. Надо иметь в виду и различные субъективные, но важные моменты — состояние здоровья, настроение.

Потекли воды — далеко уже не вешние. Сердце начинает «сигнализировать»... Диспансерный врач все настойчивее рекомендует больше отдыхать, чаще бывать на воздухе и меньше работать. Добрые пожелания.

Но его многогранная деятельность — организационная, научная, педагогическая и общественная — отнюдь не сокращается, а, скорее, наоборот.

Однажды заместитель министра иностранных дел СССР А. Л. Орлов и тогдашний директор Института международных отношений Рыженко уговорили его перейти из МГУ в МГИМО, где условия работы обещали быть более интересными, но оказались и более сложными.

Много сил требует организация и непосредственное участие в учебной и научной работе кафедры международного права, которую он возглавляет. К тому же пришлось согласиться стать деканом факультета международных отношений, а затем международно-правового факультета.

Вместе с тем переход в этот институт дал возможность познакомиться и сотрудничать с новым кругом ученых — старшего и молодого поколения, например, Л. Н. Кутаковым, С. А. Тихвинским, В. Г. Трухановским, А. Ф. Шишкиным, Н. И. Лебедевым, А. А. Ахтамзяном, В. С. Сидориним... Все это очень интересные, глубоко талантливые и широко образованные люди. Это и ученые, и преподаватели, и дипломаты, и общественные деятели.

Любовь к литературе и искусству, естественно, сблизила Федора Ивановича с Василием Семеновичем Сидориним, тонким, одухотворенным знатоком русской и советской классики.

Личные творческие иллюстрации и знакомство с многими выдающимися представителями художественного мира придавали всегда особую прелесть его рассказам на эти темы.

Федора Ивановича к тому же объединяла с ним и некоторая общность судьбы. Оба они в туманной заре своей жизни прошли суровую и безрадостную школу «мальчишками» у купцов дореволюционной России — один в Саратове, другой в Смоленске.

* * *

В начале 1950 г. Федора Ивановича пригласили в ЦК партии. Говорили с ним о том, чтобы войти в состав редколлегии журнала «Советское Государство и Право» — основного теоретического органа в области права. Затем он был вызван в секретариат ЦК на заседание. Ему предложили возглавить редакцию этого журнала.

О назначении ответственного редактора журнала был издан приказ президента Академии наук СССР С. И. Вавилова 15 марта 1950 г. Это имело большой резонанс, так как предшественником Федора Ивановича по руководству журналом был А. Я. Вышинский, игравший в то время особую роль в области права и внешней политики.

Федор Иванович встречался с ним, слушал его выступления не один раз. Это был талантливый и огромной работоспособности человек, но часто резкий и безапелляционный в своих суждениях. Рассказывали, что в обращении со своими сотрудниками Вышинский бывал иногда грубоват.

Федору Ивановичу особенно запомнилась одна встреча с А. Я. Вышинским в бытность того министром иностранных дел СССР. Министерство находилось тогда на Кузнецком мосту. Они были одни и сидели друг против друга. Федор Иванович читал проект своей статьи, с которой он должен был выступить в газете «Известия». Она разоблачала извращения основных принципов международного права американскими империалистами в их преступной агрессии против корейского народа.

Вышинский слушал внимательно и почти не сделал никаких существенных замечаний. Текст одобрил, и статья вскоре была опубликована.

В то время Федор Иванович вошел в состав Бюро правовой секции ВОКС, а затем стал президентом этой секции. Был назначен председателем экспертной комиссии по юридическим наукам, избран членом Советского комитета защиты мира. Вел большую партийную работу, был делегатом многих партийных конференций Краснопресненского района. На одной из них ему представилась возможность познакомиться с А. Т. Твардовским — его земляком, поэтом, которого он глубоко уважал и ценил. Вспомнили Смоленск, поговорили о его достопримечательностях. Вместе они оказались представителями от этой конференции на собрании партактива Министерства путей сообщения.

Федор Иванович начал выступать с публичными лекциями в лектории МГУ и в Политехническом музее. Здесь он выступал, например, 28 августа 1947 г. на тему «О мирных средствах разрешения международных конфликтов» и 19 ноября 1948 г. с докладом «Принцип единогласия великих держав в Организации Объединенных Наций — основа международного сотрудничества».

2. ВЕНСКИЙ КОНГРЕСС

В первой половине декабря 1952 г. советская делегация выехала в Вену для участия в работе Конгресса народов в защиту мира. В ее состав входили видные ученые Амбарцумян, Несмеянов, Опарин, писатели Н. Тихонов, А. Корнейчук, В. Василевская, К. Федин, А. Сурков, В. Кожевников, общественные, религиозные деятели, юристы.

Федор Иванович ехал в одном купе с Александром Ивановичем Опариним. Это были люди разного возраста, профессии и личной судьбы. Опарин был старше своего коллеги на семь лет, специалист в области биохимии растений. Но, разумеется, нашлись общие темы для оживленного разговора, особенно о Московском университете. Один кончал его в 1917 г., а другой — десять лет спустя. Один стал профессором в 1929 г., а другой — в 1934 г. Пили чай и угощали друг друга вкусными домашними пирожками, которыми их в дорогу снабдили супруги.

Рядом в купе ехал митрополит Николай. В коридоре у окна между ним и Федором Ивановичем не раз завязывалась беседа на религиозные и историко-церковные темы.

Известно, что многие руководящие деятели русского православия имели высшее советское образование, в том числе юридическое. В молодости Алексей — патриарх Московский и всея Руси — кончал юридический факультет Московского университета.

Юрист как-то тихо спросил своего собеседника: «Неужели вы лично верите в то, что проповедуете с амвона? Помните поэму Ивана Ка-

рамазова о Великом инквизиторе?» Митрополит пристально на него посмотрел, улыбнулся, но ничего не ответил.

На этот вопрос он дал своеобразный ответ в другой раз. На одном из приемов они оказались почти рядом. Николай Крутицкий в связи с каким-то тостом непринужденным жестом выпил рюмку крепкого вина. Юрист внимательно и с любопытством на него посмотрел. Заметив это, митрополит улыбнулся: «Э, кто же из русских попов не ценит в Христе и то, что ничто человеческое ему не было чуждо...»

Наконец, прибыли в Вену. Поезд подошел к перрону. Пассажиры уже двинулись к выходу. А Федор Иванович никак не мог закрыть свой чемодан. Жена, как обычно, очень хорошо все уложила. А теперь — у него все разваливалось, ничего не получалось — как будто вещей стало вдвое больше... В это время мимо его купе проходила Ванда Василевская. Заметив, что бедный профессор бестолково возится со своим чемоданом, она засмеялась и сказала:

— Ну, разве так делают? Вот как надо!

И спокойно переложила некоторые вещи так, как полагалось. Чемодан легко закрылся. Потом этот случай, незначительный в общем-то, не раз ему припомнился, и Федор Иванович думал: да, да, безвыходных положений не бывает, и всякая проблема при желании и умении может быть решена... Должна быть решена.

* * *

Конгресс народов в защиту мира проходил с 12 по 19 декабря. Он явился крупным событием того времени. История не знала еще такого широкого представительного собрания. Характерной особенностью Конгресса было то, что в нем приняли участие представители буквально всех стран мира.

В Конгрессе участвовало 1857 человек, прибывших из 85 стран, из них: 326 рабочих, 55 крестьян, 156 служащих, 63 представителя деловых кругов, 189 писателей, 76 артистов и художников, 157 научных работников и врачей, 94 преподавателя, 65 служителей культов, 84 юриста.

Конгресс заседал в огромном Концертхаузе. В его холле — величественная статуя Бетховена, обрамленная цветами. Образ композитора очень выразителен: густая шевелюра, плотно сжатые губы, высокий лоб, широко открытые глаза, горящие вдохновением и полные глубокой мысли. Кажется, что в этот миг он творит новую героическую симфонию в честь торжества жизни, победы человеческого духа над мраком во имя мира и счастья всех людей труда на земле.

На трибуне Конгресса ораторы сменяют друг друга. Звучат горячие голоса в защиту всеобщего мира. Зал внимательно слушает.

В кулуарах во время перерывов царит большое оживление. Три известных женщины: Ванда Василевская, Анна Зегерс (ГДР) и Мелпо Аксиоти (Греция) обмениваются впечатлениями. Настоятель Кентерберийского собора Хьюлетт Джонсон беседует с делегатами, один из которых — в черном церковном облачении. Известный французский деятель Ив Фарж с неизменной трубкой во рту приветственно улыбается и горячо о чем-то говорит окружившим его делегатам. Бразильский писатель Жоржи Амаду раздает автографы. Вьетнамская женщина-мать с доброй улыбкой берет на руки австрийского ребенка. Элегантной походкой проходит по залу знаменитая бразильская артистка Мария Делла Коста. Журналисты берут интервью у индийской домашней хозяйки, собравшей 60 тысяч подписей в защиту мира. Шестьдесят тысяч! Если бы каждая женщина на земле последовала ее примеру...

Советские делегаты принимали самое деятельное участие в работе Конгресса, а некоторые из них, в том числе Николай Семенович Тихонов, были избраны в президиум этого высокого собрания.

Советские писатели пользовались большой популярностью. То здесь, то там слышался громкий голос Алексея Суркова. Степенный и сдержанный Вадим Кожевников находился все время в деловом контакте со своими коллегами из многих стран. Углубленный в себя, Константин Федин вел частые беседы с немецкими писателями. Он хорошо знал Германию.

Как-то в обеденный перерыв во время одной из кратких прогулок около Концертхауза он с интересом и красочно рассказывал о посещении им Веймара — прославленного города Гете, Шиллера, Баха и других великих сынов Германии. Рассказывал о том, как он писал свои «Города и годы».

В перерывах Федор Иванович проводил иногда время и с другими советскими участниками конгресса, особенно часто с М. И. Лазаревым — очень интересным и остроумным собеседником, ныне известным ученым юристом-международником.

Конгресс в защиту мира единодушно принял два важных акта: Воззвание в защиту мира и Обращение к правительствам пяти великих держав. Он призвал народы мира вести совместную борьбу за недопущение войны и обеспечение мира.

В Воззвании говорилось, что нет таких разногласий между государствами, которые не могли бы быть разрешены путем переговоров. В Обращении указывалось, что соглашение между пятью великими державами и заключение Пакта Мира положит конец международному напряжению и спасет мир от величайших бедствий, чего требуют все народы.

Конгресс потребовал немедленного прекращения всех военных действий в Корее, а также во Вьетнаме, Лаосе, Камбодже и Малайе.

Особое внимание Конгресс уделил борьбе за национальную независимость народов, за право всех народов распоряжаться своей судьбой и выбирать свой образ жизни без какого бы то ни было вмешательства в их внутренние дела, какими бы мотивами это вмешательство ни оправдывалось.

Конгресс высказался за мирное разрешение германской и японской проблем, а также за необходимость возобновить переговоры о заключении государственного договора, обеспечивающего восстановление Австрии как свободного, независимого, демократического государства.

Выражая волю миролюбивых народов, Конгресс потребовал немедленного запрещения бактериологической и химической войны, безусловного запрещения атомного оружия и других видов оружия массового истребления, немедленных переговоров о разоружении, которое должно быть всеобщим, а не односторонним, скорейшего возобновления обмена материальными и культурными ценностями между государствами.

С трибуны Конгресса вновь прозвучало справедливое требование народов мира о том, чтобы Организация Объединенных Наций представляла гарантию безопасности всем государствам мира, чтобы дух и буква ее Устава не нарушались. Своими решениями Конгресс внес неоценимый вклад в дело борьбы за мир, за укрепление международной законности.

Венский Конгресс народов в защиту мира закончил свою работу в ночь на 20 декабря 1952 г.

С 16 по 21 декабря проходили совещания юристов — участников Конгресса. Состоялось также заседание Бюро Международной ассоциации юристов-демократов (МАЮД). В совещании приняли участие юристы от 21 страны. От СССР — Е. Л. Зейдин, В. В. Журавлев, М. И. Лазарев, М. А. Крутоголов и Федор Иванович.

Обсуждались вопросы об активном участии юристов в работах Конгресса и его комиссиях, о задачах юристов по реализации решений этого конгресса, об оказании правовой защиты лицам, подвергающимся

ся преследованиям в капиталистических странах за свою благородную деятельность в защиту мира. Совещания проходили под лозунгом тех идей, которым были посвящены работы Конгресса народов и которые вдохновляли всех его участников, — идей защиты мира.

Конгресс и совещания юристов, созданные и действовавшие в полном соответствии с общепризнанными принципами современного международного права, своими решениями подтвердили и укрепили, придали им еще больший авторитет. Известно, что основные общепризнанные принципы современного международного права заключаются в требовании мирного разрешения межгосударственных споров, в осуждении применения силы в международных отношениях, в запрещении агрессивных войн, в признании необходимости строго соблюдать принятые международные обязательства, в обеспечении суверенитета и суверенного равенства государств, в недопустимости вмешательства во внутренние дела других народов, в праве народов свободно избирать свой образ жизни, в запрете варварских средств ведения войны.

После завершения работы Конгресса советским делегатам посчастливилось ознакомиться с некоторыми достопримечательностями прекрасной столицы Австрии.

Что и говорить, хороша Вена, расположенная на Дунае у подножья Венского леса! Великолепна охватывающая центр города кольцевая улица Рингштрассе. Много дворцов в стиле пышного барокко, например, Бельведер, Шенбрунн. Заметно выделяется средневековый собор св. Стефана, основанный еще в XII веке. Обилие памятников и фонтанов в парках и на площадях.

Долго ходили по великолепным залам Шенбруннского дворца. В одном из них великий Моцарт еще в возрасте четырех лет блестяще провел свой дебют.

А вот большая галерея — зал, который был центром Венского конгресса 1815 г. Здесь важно прогуливался русский император Александр I, перед которым склоняли головы венценосцы многих стран тогдашней Европы. Он был в ореоле своей международной славы. Как отмечено в Истории дипломатии, истинным властелином на Конгрессе был «именно этот царь, ласково улыбающийся, якобы мягкий, на самом же деле упорный, никому не доверяющий, но хорошо понимающий теперь свою силу. Царь, который изредка очень злобно бранится, но опаснее всего бывает тогда, когда особенно любезен».

Венский конгресс 1815 г. оставил надолго реакционный след в истории международных отношений. Но для международного права некоторые его решения имели объективно положительное значение. Имеются в виду акты о свободе судоходства по рекам, об образовании новых государств, о постоянном нейтралитете, о рангах дипломатических представителей.

В окрестностях Вены посетили Пантеон великих композиторов — Моцарта, Иоганна Штрауса и др.

Один из дней пребывания в Вене совпал с днем рождения жены Федора Ивановича — Алины Алексеевны. Махнули в Венский лес. Он блистал в своем весеннем очаровании. Вот аллея, по которой не раз прогуливался Иоганн Штраус... В трепетном шелесте листья поэтического леса как бы слышались волнующие гармонии венского вальса...

Вечер провели в концертном зале. Слушали Моцарта, Бетховена, а во втором отделении — музыку Иоганна Штрауса.

3. ВО ДВОРЦЕ НАЦИЙ

Современная международная законность представляет собой весьма сложную систему различных юридических принципов и конкретных норм. Среди них существует немало таких положений, которые характеризуются неясностью и вызывают споры. Отсюда еще в прошлом веке

ученые, в первую очередь русские, выступали с инициативой научной и практической систематизации правил международного общения в различных формах — инкорпорации, т. е. простого объединения международных законов, кодификации с той целью, чтобы провести известное их усовершенствование, а также попытаться изменить их направление.

Большая Октябрьская социалистическая революция положила начало принципиально новому подходу к кодификации и прогрессивному развитию международного права. Советские ученые и практика СССР вносят свой крупный вклад в это сложное дело.

Большая работа по кодификации и прогрессивному развитию международного права началась в рамках ООН вскоре после ее создания. Задача советских юристов заключалась и заключается в том, чтобы проводить социалистическую концепцию права и противодействовать попыткам использования кодификационной работы в целях, ничего общего не имеющих с подлинным развитием международной законности.

Еще в 1947 г. Генеральная Ассамблея ООН учредила Комиссию международного права, которая с 1949 г. стала проводить свои ежегодные сессии. Первая сессия состоялась в Лей-Саксесе (под Нью-Йорком) с 12 апреля по 9 июня 1949 г. Последующие сессии проходили в Женеве: вторая — с 5 июня по 29 июля 1950 г.; третья — с 16 мая по 27 июля 1951 г.; четвертая — с 4 июня по 8 августа 1952 г.; пятая — с 1 июня по 14 августа 1953 г.

Федор Иванович был избран членом этой Комиссии и принял участие в ее четвертой и пятой сессиях. Тогда члены Комиссии избирались сроком на три года в количестве пятнадцати человек* из числа лиц, «пользующихся признанным авторитетом в области международного права». В своей совокупности Комиссия должна обеспечивать представительство главнейших форм цивилизации и основных правовых систем мира.

Большинство членов Комиссии были юристами с мировым именем. В ее состав входили, например, француз Ссель, американец Хадсон, англичанин Лаутерпахт, индус Редабинод Паль, панамец Альфаро, бразилец Амадо, нидерландец Франсуа и др. Некоторые из них, например, Альфаро и Лаутерпахт, были потом избраны членами Международного Суда ООН.

В те годы путь в Западную Европу лежал обычно через Прагу. По странной случайности, на этот раз Федор Иванович оказался единственным пассажиром. Любопытное ощущение... В то время сервис в наших самолетах был весьма скромным: полагался небольшой пакетик с сухим пайком.

В Праге его встречал советский консул. Встретились как старые знакомые. Из Праги на Цюрих летели местным рейсом. Там опять встреча с советским консулом. До Берна — на автомашине, а оттуда до Женевы два с половиной часа поездом.

Итак — за работу!

На четвертой и пятой сессиях Комиссии обсуждались сложные вопросы международного права, касающиеся межгосударственного арбитража, гражданства и безгражданства, режима открытого моря и другие.

Проект об арбитражной процедуре был подготовлен профессором Сселем. Советский представитель подверг критике этот документ. Дело в том, что проект французского юриста представлял собой определенный шаг назад в области международного права, поскольку им предусматривалось создание такого международного арбитражного органа,

* Потом со сроком на пять лет состав Комиссии увеличили до 21, затем до 25, а ныне до 34 членов.

который по своей компетенции, порядку образования и процессуальным правам вступал в резкое противоречие с принципом суверенитета — основным началом современного международного права. Пришлось показать, что данный проект прямо и непосредственно отражал реакционную космополитическую идею мирового правительства. Советскую точку зрения поддержали и некоторые другие члены Комиссии. И хотя с небольшими изменениями проект Сселя был принят на пятой сессии прозападным большинством Комиссии, на практике он так и остался мертворожденным актом, так как его практическая неприемлемость была очевидна с самого начала.

Профессор Хадсон, а затем мексиканец Кордова представили доклады по вопросам гражданства. И они же подготовили (каждый в отдельности) проекты соответствующих конвенций. Эти проекты страдали существенными недостатками. Советский и некоторые другие юристы выступили с возражениями против самой идеи таких конвенций. Они убедительно подчеркивали, что вопросы гражданства и безгражданства являются делом внутренней компетенции государства.

Некоторые вопросы, относящиеся к режиму открытого моря, также служили предметом обсуждения Комиссии на основе предложений, внесенных профессором Франсуа.

Работать приходилось очень много. В международных конференциях заседания — не самое главное. Есть еще и «не видимые миру слезы» — подготовка к этим заседаниям, обдумывание и составление проектов выступлений, выработка предложений, обоснований, аргументаций, составление справок по тому или иному вопросу, в общем, весь круг деятельности на конференции, который заставляет ее участников волноваться, не спать по ночам, встречаться в кулуарах, доказывать свою точку зрения в частных беседах, убеждать сторонников, разоблачать козни оппонентов — словом, заниматься всем тем, что на будничном языке звучит очень просто — «участвовать в международном соещании».

На заседаниях приходилось принимать активное участие в дискуссиях. В частности, после долгих прений было принято советское положение о том, что государства не должны устраивать различные сооружения и зоны безопасности в узких проливах и на общепринятых морских путях, которые весьма существенны для международного судоходства. И все же разработка юридических аспектов режима открытого моря осталась тогда незавершенной и лишь впоследствии привела к некоторым положительным выводам, что дало основание для заключения ряда международных конвенций.

Работа Комиссии международного права проходила во Дворце наций — Европейском отделении Организации Объединенных Наций. Здесь же не раз заседала и Экономическая комиссия ООН для Европы.

Комиссия международного права проводила свои совещания ежедневно, кроме субботы и воскресенья, в первой половине дня. Вторая отводилась для обработки материалов и подготовки выступлений.

На каждой сессии избирались председатель, два вице-председателя и докладчик. На пятой сессии председателем был избран профессор Франсуа, а вице-председателями — профессор Амадо и советский представитель. Докладчиком избрали профессора Лаутерпахта.

Во время пребывания в Женеве советские делегации тогда обычно останавливались в особняке, расположенном на улице Мира, почти напротив Дворца наций. Вокруг особняка — большой тенистый парк, бассейн для плавания, цветники, фруктовые и ореховые деревья. Из окон особняка открывается прекрасный вид на Женевское озеро. В ясные дни видны вершины Монблана. В общем, обстановка внешне спокойная, и если бы не напряженная работа, которую обычно ведут все советские участники дипломатических конференций и встреч в Женеве,

то можно было бы подумать, что этот дом — типичный для города, где идет тихая, размеренная жизнь.

Летом 1952 г. во время работы четвертой сессии Комиссии советский дом казался пустым. Действительно, в нем проживали только комендант с семьей, Федор Иванович и еще один сотрудник из дипломатического представительства СССР в Берне.

Летом 1953 г. во время заседаний пятой сессии Комиссии положение несколько изменилось, так как приехала большая советская делегация по экономическим вопросам, которая участвовала в другой международной конференции.

Федор Иванович не раз бывал в Берне. В дипломатической миссии СССР он выступал перед сотрудниками с докладами и лекциями. Советником миссии и поверенным в делах был в 1952 г. Николай Иванович Корюкин. С ним установились добрые отношения. Николай Иванович в 1952—53 гг. состоял советником посольства СССР во Франции, в 1959—60 гг. занимал пост посла СССР в Швейцарии, затем возглавлял посольство СССР в Греции. В 1953 г. посланником СССР в Швейцарии был Федор Федорович Молочков, известный в нашей стране в качестве многолетнего заведующего Протокольным отделом МИД СССР.

Берн — старинный город. Он основан в 1191 г. В нем сохранилось немало памятников старины, например, Ратуша, построенная в 1405 г., и величественный собор — Мюнстер, воздвигнутый в 1421 г. Интересны большие башенные часы — куранты. В своей старой части Берн напоминает средневековый немецкий купеческий город. Своеобразный вид ему придают скульптурные фонтаны, сооруженные в ряде мест посередине улиц. Характерны длинные торговые ряды-галереи с навесами.

Эмблема города Берна — медведь. Изображения этого животного встречаются повсюду, они украшают собою различного рода сувениры — музыкальные шкатулки, пепельницы, часы и т. п. В самом центре города сооружена большая каменная медвежья яма, в которой находится несколько медведей и медвежат. Этот «музей» содержится за счет городского управления. Здесь всегда толпятся посетители.

В начале XX века Берн был одним из центров русской революционной эмиграции. В этом городе и в его окрестностях в период первой мировой войны жил и работал В. И. Ленин. В 1915 г. в Берне проходила конференция заграничных секций РСДРП. В. И. Ленин в своем докладе указал на пути превращения империалистической войны в войну гражданскую.

В Циммервальде 5—8 сентября 1915 г. собралась международная социалистическая конференция с участием В. И. Ленина. По его определению, эта конференция была первым шагом в развитии интернационального движения против войны.

В деревне Кинталь, расположенной среди Альпийских гор, в апреле 1916 г. состоялась вторая международная социалистическая конференция против империалистической войны. В. И. Ленин участвовал и в этой конференции, отстаивая последовательную большевистскую позицию против войны.

В одной из гостиниц сохранилась книга записи, в которой значится фамилия Владимира Ильича.

Но особое значение в деятельности Ленина в период эмиграции имела Женева. Здесь он жил в 1895, 1900, 1903—1905, 1908 годах — всего около четырех лет.

Отчетливо запомнилось, например, кафе «Ландольт» в центре города, на улице Кандоль, 2. В этом кафе хранился столик, за которым часто сживал В. И. Ленин. Столик исписан автографами. Здесь собирались русские большевики. Бывали Н. К. Крупская, Н. Э. Бауман, В. В. Воровский, В. Д. Бонч-Бруевич...

* * *

Свое пятидесятилетие Федор Иванович отметил на небольшом пароходе, курсировавшем в районе Женевского озера. Его спутником был первый секретарь нашего посольства Николай Васильевич Смолин. Устроились за столиком у широкого окна. Заказали обед с бутылочкой красного французского вина.

Смолин был интересным собеседником, уже хорошо изучившим политику, экономику, культуру и быт страны.

— Смотрите, какая живописно-идиллическая картина вырисовывается за окном! — сказал Федор Иванович.

— Да, внешне многое выглядит так в этой стране. Но в ее социальных глубинах идет острая борьба — политическая и экономическая. Сталкиваются интересы крупных внешних сил. Недаром это — трехязычная страна. Официально признаны французский, немецкий и итальянский языки. Возможно, баланс иностранного влияния лежит в основе постоянного нейтралитета Швейцарии, — в некотором раздумье заметил советский дипломат.

— Я еще мало знаю эту страну. Но мои впечатления совпадают, в общем, с тем, что вы говорите, — согласился Федор Иванович. — Что касается постоянного нейтралитета этой страны, установленного Венским конгрессом 1815 г., то ведь под этим актом стоит и подпись России. Но поскольку СССР является преемником прав России, то с юридической точки зрения никакое изменение правового статуса Швейцарии не может иметь место без его согласия.

Федор Иванович бывал потом в Швейцарии и с женой. На Алину Алексеевну особое впечатление произвели красоты живописного Женевского озера. Очарователен фонтан, водяные брызги которого серебристой вуалью ложатся на гладкую поверхность озера. Своеобразной особенностью озера являются периодические колебания его уровня, оно медленно поднимается в течение 30—40 минут, а затем медленно опускается. На маленьком островке стоит памятник Жан Жаку Руссо, который родился в Женеве и жил здесь до шестнадцатилетнего возраста. Вокруг островка плавают белоснежные лебеди.

Федор Иванович с женой побывал у домика, где родился известный сподвижник Петра I Франц Лефорт, ставший адмиралом русского флота. На стене дома мемориальная доска. Осмотрели они и международный монумент Реформации. Наиболее крупным деятелем Реформации XVI века был Жан Кальвин. Он был настоящим диктатором в Женеве. Ввел суровые правила церковной дисциплины и нравственности для горожан. Это вызвало, в конце концов, сильный протест с их стороны, и они добились изгнания Кальвина из Женевы.

Побывали они и в других городах Швейцарии.

Монтре — один из крупных климатических курортов в кантоне Во. Этот швейцарский городок хорошо известен в истории международных отношений. Летом 1936 г. здесь заседала конференция по вопросу о режиме проливов — Босфор и Дарданеллы. Была заключена с участием СССР конвенция о проливах, которая до настоящего времени определяет правовой режим прохода торговых и военных кораблей. Для торговых судов всех стран сохраняется свобода прохода через проливы. Для военных кораблей нечерноморских стран проход ограничен определенными условиями. Эта конвенция в то время делала некоторый шаг вперед на пути признания приоритета прав черноморских держав. Однако полностью она не обеспечивает их безопасность и нуждается в пересмотре с учетом уроков второй мировой войны и интересов всех черноморских держав.

В Монтре много интересных исторических памятников. Наиболее значительным из них является средневековый Шильонский замок. Он живописно расположен на восточном берегу Женевского озера на фоне

Альпийских гор, местами покрытых блестящим на солнце снегом. Яркий колорит этого места усиливается картиной традиционных лебедей на глади озера. Федор Иванович и Алина Алексеевна осмотрели замок и его башни. Древние залы, комнаты и камеры. Старинное оружие. Спустились в подземную тюрьму. Остановились перед колонной, к которой был прикован в XVI веке Бонивар — бесстрашный борец за политическую свободу родины. Известно, что английский поэт Байрон воспел мужество этого человека в своей поэме «Шильонский узник».

На колонне Бонивара отчетливо видна фамилия Байрона, начертанная им лично. Внизу колонны до сих пор сохранились углубления, которые, по преданию, представляют собой отпечатки ступней ног узника, стоявшего здесь прикованным к столбу.

Известно, что в «Сонете Шильону» Байрон писал:

Шильон! Твой каменный настил,
Ты свят, холодный пол твой, как трава лесная,
Твой след неистребимый сохранил,
Что Бонивар оставил здесь, шагая...

Лозанна. Вот отель, где 10 мая 1923 г. трагически оборвалась жизнь В. В. Воровского — выдающегося советского дипломата, публициста и литературного критика. Он был из тех большевистских деятелей, которые первыми прокладывали широкую дорогу для дипломатического признания Советского государства.

Цюрих. Мировой банковский центр. Целые кварталы сохраняют до наших дней средневековый облик. Интересен памятник Иоганну Песталоцци — выдающемуся швейцарскому педагогу-демократу. Он изображен с мальчиком, стоящим рядом. Педагог вдумчиво смотрит на ребенка и, кажется, что-то говорит ему. Нежно придерживает его левой рукой, а на правую доверчиво положена рука мальчика, который, приподняв голову, внимательно вслушивается в то, что ему говорит учитель.

Побывали также в Люцерне, в Локарно, в Лугано.

Но особо сильное впечатление осталось от поездки на Сен-Готард и к «Чертову мосту». Машину вел сотрудник нашего посольства Г. Ф. Борзов. Поднялись на значительную высоту Альпийских гор. Были в районе Глетчера — истока ряда европейских рек, в том числе Роны, пересекающей в своем течении Женевское озеро. Это уже был район вечных снегов.

Спустились по дороге к «Чертову мосту». Высоко в скале изображены черт и козленок. Сохранилась легенда о том, что мост когда-то был непроходимым для людей из-за козней черта: Люди прибегли к хитрости. Они пустили козленка через мост. Черт испугался его — и с тех пор мост стал проходим.

Теперь это фундаментальный автомобильный мост. Прошлись по нему туда и обратно. Остановились посредине и посмотрели вниз. По-прежнему, как и во времена героического перехода суворовских войск, там, в узком ущелье, бешено kloкочет пенный горный поток.

В скале выбит грандиозный памятник в форме креста с надписью в его основании:

«ДОБЛЕСТНЫМ СПОДВИЖНИКАМ ГЕНЕРАЛИССИМУСА
ФЕЛЬДМАРШАЛА ГРАФА СУВОРОВА РЫМНИКСКОГО
КНЯЗЯ ИТАЛИЙСКОГО,
погибшим при переходе через Альпы в 1799 году».

Тут же, у дороги, ресторан под названием «Teufelsbruchl», т. е. «Чертов Мост». Зашли в него. На стенах литографии, изображающие сцены перехода русских войск в этом месте. Портрет Суворова. В отдельной комнатке собраны и бережно хранятся оружие тех времен и другие реликвии.

В этом районе Альп находится городок Альтдорф, знаменитый тем, что в нем воздвигнут памятник Вильгельму Теллю — герою средневековой народной легенды «Сказание о стрелке». События относятся к началу XIV века. Шла освободительная народная война. Предание гласит, что жестокий австрийский наместник приказал Вильгельму Теллю стрелять в яблоко, положенное на голову его маленького сына, за то, что Телль отказался поклониться шляпе австрийского герцога, поднятой на шесте в качестве символа его власти. Вильгельм Телль убивает наместника, и это служит сигналом к народному восстанию.

Вильгельм Телль изображен горным стрелком с мальчиком в огромной рамке — арке на фоне альпийских гор. Этот памятник представляется символом свободолюбивого духа народов Швейцарии.

4. СТОБАШЕННАЯ ЗЛАТА ПРАГА

В октябре 1953 г. Федор Иванович выехал в Прагу для участия в Чехословацком съезде по мирному урегулированию германской проблемы. Делегацию возглавлял известный советский кинорежиссер Сергей Аполлинарьевич Герасимов. Он показал себя умелым и опытным руководителем.

Конференция имела большое значение. Она обсудила и приняла ряд конструктивных предложений для правильного политического урегулирования германской проблемы, имеющей столь важное значение для безопасности Чехословакии и других социалистических стран. Она исходила из реального исторического факта: существования на территории Германии двух независимых германских государств — ГДР и ФРГ, нормализация отношений между которыми составляет предпосылку для безопасности в Европе. Было подчеркнуто, что социалистическая ГДР является миролюбивым государством, общее юридическое признание которого — лишь вопрос времени. Руководители ФРГ должны отказаться от своей агрессивной и реваншистской политики, строго соблюдать Потсдамские соглашения о демократизации, денацификации и демилитаризации страны.

Советские делегаты активно участвовали в работе конференции, исходя из миролюбивой позиции СССР, жизненно заинтересованного в спокойствии на европейском континенте.

Президент Республики Запотоцкий устроил во Дворце в Градчанах прием в честь делегатов конференции.

Состоялся ряд полезных и взаимно теплых встреч в ряде городов, промышленных центров, в сельских районах Чехословакии. Побывали в селении Новые Лидицы, на известном автомобильном заводе «Татра», в Братиславе, в одном из центров пивоварения — Пльзене.

Недалеко от Новых Лидиц находилось прежнее селение того же названия. Слово «Лидице» остается в памяти всего мира как олицетворение ужасов, которые испытал чехословацкий народ во время нацистской оккупации. В этом горняцком селении 10 июня 1942 г. было совершено преступление, которое возмутило все передовое человечество. Селение было стерто гитлеровцами с лица земли. Официальное сообщение гестапо цинично гласило: «Селение, состоящее из 95 домов, было сожжено дотла; 199 лиц мужского пола в возрасте старше 15 лет были на месте расстреляны; 184 женщины были отправлены в концентрационный лагерь Равенсбрюк, 7 женщин направлено в тюрьму Терезин; 88 детей было отправлено в Лодзь...»

Интересны были беседы с представителями интеллигенции. Особенно памятными остались встречи с известной чехословацкой общественной деятельницей Густой Фучиковой — вдовой выдающегося чехословацкого писателя и журналиста, национального героя страны.

Юлиус Фучик 24 апреля 1942 г. был арестован фашистами и заключен в Пражскую тюрьму. Там, на пороге своей смерти, он написал

«Репортаж с петлей на шее». Он заканчивается знаменательной фразой: «Люди, я любил Вас. Будьте бдительны!»

Юлиус Фучик был казнен 8 сентября 1943 г. Листки рукописи были тайно вынесены из тюрьмы. Густа Фучикова опубликовала его книгу в 1945 г.

Федор Иванович бережно хранит один из экземпляров этого произведения в черном переплете. На нем изображена тюремная решетка со свисающей смертоносной веревкой... На первой странице книги — дарственная надпись Густы Фучиковой.

5. ДРУГИЕ СОБЫТИЯ

После возвращения из командировки Федор Иванович активно включился в свою повседневную жизнь — научную работу, чтение лекций, руководство аспирантурой, общественную деятельность. 29 мая 1952 г. он выступал на общегородском митинге трудящихся Москвы в зале имени Чайковского с гневным протестом против кровавых злодеяний американских агрессоров в Корее.

В 1953 г. участвовал в научной сессии Института права АН СССР, посвященной пятидесятилетию КПСС, а также в заседании Ученого Совета юридического факультета МГУ в связи с 300-летием воссоединения Украины с Россией. В том же году был опубликован впервые в нашей стране «Юридический словарь» при его соавторстве и сотрудничестве с другими учеными по главному редактированию.

В конце 1953 года произошло очень важное событие в жизни Федора Ивановича. Он был выдвинут кандидатом в члены Международного Суда ООН*.

Избрание его в этот главный судебный орган ООН состоялось 28 ноября 1953 года в Совете Безопасности и в Генеральной Ассамблее ООН. В Совете Безопасности вначале было выдвинуто 9 кандидатов на одно вакантное место. Но затем некоторые сняли свои кандидатуры. В результате тайного голосования советский юрист получил 9 голосов, кандидат Перу — 1 голос, один бюллетень оказался незаполненным**. На Генеральной Ассамблее в результате тайного голосования он получил 52 голоса из 57.

Для юристов Запада членство в Международном Суде ООН — предел их карьеры. В этот орган избирают юристов признанных — и факт избрания означает подтверждение их международного авторитета. Как правило, членами Суда являются люди весьма почтенного возраста, обычно не моложе 60. Советскому судье исполнилось только пятьдесят. Он оказался самым молодым в составе Суда.

Федор Иванович понял свое выдвижение в Международный Суд ООН как новую ступень и как более сложную форму борьбы за советскую концепцию международного права, за мир и подлинную международную законность.

Итак, мантия международного судьи...

Новые задачи, новая ответственность.

В 50-х годах вновь со всей остротой встал вопрос об обеспечении коллективной безопасности, как одной из форм гарантии мира. Советский Союз, исходя из своей традиционной ленинской политики, и на этот раз выступил с важной инициативой.

К предварительной подготовке проекта по этому вопросу были привлечены и дипломаты и юристы, в том числе Я. Малик, А. Солдатов, С. Голунский, Федор Иванович и др. Потом состоялось совещание под председательством В. М. Молотова по обсуждению составленного документа. Участвовали ответственные работники МИД — А. А. Гро-

* Вместо С. А. Голунского, избранного членом Суда в 1952 г. и вышедшего в отставку по состоянию здоровья в 1953 г.

** В Совете Безопасности тогда было 11 членов, в настоящее время — 15.

мыко, А. А. Солдатов, С. А. Голунский и др. Был приглашен и Федор Иванович. Председательствующий обратился к последнему с просьбой высказать свое мнение. Им было выражено некоторое сомнение по поводу одного аспекта. В. М. Молотов корректно заметил, что в этой части, в крайнем случае, можно сделать оговорку.

Федор Иванович вспоминает и первую встречу с В. М. Молотовым. Обсуждалась информация Н. Г. Пальгунова, тогдашнего ответственного руководителя ТАСС. Выступали А. Вышинский, К. Коровин, Федор Иванович.

* * *

До Великой Октябрьской социалистической революции, открывшей новую страницу в истории международных отношений, война являлась законным средством разрешения межгосударственных споров. Однако государства уже с древнейших времен использовали мирные способы разрешения международных разногласий и конфликтов в форме непосредственных переговоров, согласительных комиссий и третейского суда.

Большой вклад в разработку мирных способов урегулирования международных споров внесла Россия и русская наука. Гагская конференция мира 1899 г., созванная по инициативе России, впервые привела к учреждению постоянного третейского суда. Каждый из участников первой Гагской конвенции 1899 г., а затем 1907 г. имеет право назначать в этот суд четырех судей сроком на шесть лет.

Помимо арбитража русские ученые-юристы еще в прошлом столетии выдвигали идею создания постоянно действующего международного суда. Профессор Л. Комаровский, один из последних дореволюционных деканов юридического факультета Московского университета, опубликовал в 1881 г. специальную монографию, посвященную организационным принципам международного правосудия.

Но создать международный суд оказалось практически возможным только после первой мировой войны в связи с образованием Лиги Наций. Суд имел название — Постоянная Палата Международного Правосудия. Деятельность этого судебного органа была мало эффективной. Распад Лиги Наций привел к ликвидации Палаты. СССР не принимал участия ни в организации, ни в деятельности прежнего суда.

Создание Организации Объединенных Наций привело к учреждению нового международного суда, который входит в число ее главных органов и является основным судебным органом организации. СССР, как и все члены ООН, — участник Статута этого суда.

Суд состоит из коллегии независимых судей, избранных, вне зависимости от их гражданства, из числа лиц высоких моральных качеств, удовлетворяющих требованиям, предъявляемым в их странах для назначения на высшие судебные должности, или являющихся юристами с признанным авторитетом в области международного права. В состав суда входят 15 членов, избираемых сроком на 9 лет Генеральной Ассамблеей и Советом Безопасности из числа кандидатов, предлагаемых национальными группами Постоянной Палаты Третейского Суда.

При первых выборах 6 февраля 1946 г., чтобы сохранить преемственность, было установлено, что срок полномочий пяти судей первого состава истекает через три года, а срок полномочий еще пяти судей — через шесть лет. Первый судья от СССР С. Б. Крылов был избран на шестилетний срок. Таким образом, каждые три года происходит обновление состава суда. Ранее были часты случаи переизбрания одних и тех же лиц, но с конца 1960 г. наметилась тенденция почти полного обновления суда.

Основная задача суда состоит в осуществлении международного правосудия. Только государства могут быть сторонами по делам, разбираемым судом. К его ведению относятся все дела, которые будут пе-

реданы ему сторонами, и все вопросы, специально предусмотренные Уставом ООН или действующими договорами и конвенциями. Он решает переданные ему споры на основании международного права. Решения суда обязательны для спорящих сторон, но обращение к его услугам имеет обоюдно добровольный характер.

Суд может давать также консультативные заключения по любому юридическому вопросу, по запросу любого учреждения, уполномоченного делать такие запросы самим Уставом ООН или согласно этому Уставу. Заключения суда не имеют обязательного характера.

Постоянная Палата Третейского Суда и Международный Суд ООН находятся в Гааге во Дворце Мира. Избрание Гааги для такой миссии не было случайностью. Оно объясняется тем, что Голландия является родиной одного из основоположников науки международного права — Гуго Гроция. Сооружение же Дворца Мира связано с русской инициативой.

6. ДВОРЕЦ МИРА

Идея сооружения специального здания для органов международной юстиции была высказана известным русским ученым-международником Ф. Ф. Мартенсом во время конференции мира в Гааге в 1899 г. Именно благодаря его усилиям был организован необходимый денежный фонд для постройки Дворца. Строительство здания, его оборудование и убранство, а также самый денежный фонд приобрели международный характер.

В 1905 г. правительство Нидерландов предоставило в дар соответствующий участок земли. Любопытно отметить, что, по преданию, в этом месте когда-то стояла русская православная церковь. Русский посол во Франции, председатель второй конференции мира в Гааге, А. И. Нелидов заложил 30 июля 1907 г. первый камень здания Дворца Мира. Его торжественное открытие состоялось 28 августа 1913 г.

В начале 1978 г. к этому зданию пристроили новый флигель, где разместили часть помещений суда.

При входе во Дворец, в левой части вестибюля обращает на себя внимание колоссальная ваза зеленой яшмы. Она весит три тонны. Это подарок России. Большое впечатление производит великолепная лестница почета, моделью для которой послужила центральная лестница Большого оперного театра в Париже. Это дар города Гааги. На площадке лестницы — статуя женщины, символизирующая «мир через право», — подарок США.

Ценные дары исходили и из многих других стран, например, шесть больших канделябров — из Австрии, четыре декоративные фаянсовые вазы — из Венгрии, ряд витражей — из Великобритании, изящная мраморная статуэтка «Мир» — из Польши, бюст Ганди — из Индии, башенные часы — из Швейцарии, огромная статуя Христа — из Аргентины, изящная парковая ограда — из Германии, великолепные ковры — из Румынии и Геджаса, настенные панно — из Японии...

Публичные заседания суда происходят в Большом зале юстиции. Интересны витражи этого зала. На них изображено развитие человечества с древних времен до наших дней, когда война запрещена в качестве инструмента международной политики. На картине — молодая женщина разъединяет двух воинов, чтобы между ними не началась вооруженная борьба. Фигуры мужей, дающих согласие разрешить спор с помощью арбитража. Скульптуры двух женщин, символизирующих «Истину» и «Право».

На возвышении — длинный стол, покрытый зеленым сукном. Позади него — высокие кресла для судей, одетых в судейские мантии, без головных уборов. Место справа от председателя занимает вице-председатель, а остальные судьи — слева и справа от председателя в порядке старшинства. Члены суда, избранные на одной и той же сессии

Генеральной Ассамблеи, имеют старшинство в соответствии с их возрастом. Судьи, избранные на предшествующей сессии, имеют старшинство по отношению к вновь избранным. При переизбрании судья сохраняет свое прежнее старшинство.

Судьи *ad hoc*, то есть временные судьи, располагаются по обеим сторонам за постоянными судьями, а секретарь суда или его заместитель занимает самое крайнее место справа от председателя.

Закрытые заседания суда происходят в Совещательной комнате. Верхнюю часть дверей этой комнаты увенчивают изваянные из дерева головы двух знаменитых голландских юристов — Гуго Гроция и Корнелия Бинкерсхука.

Помещение Совещательной комнаты известно как «зал Бол». Оно названо так по имени крупного голландского живописца XVII в. Фердинанда Бола (1616—1680). В зале три его больших панно: «Ахилл и его мать», «Вениамин, ложно обвиненный», «Моисей, спасенный из Нила».

Прекрасные полотна изображают известные древние сюжеты, взятые из «Илиады» и Библии.

Древнегреческий герой Ахилл принимал участие в Троянской войне. Из-за ссоры с Агамемноном он отказался участвовать в битве и передал оружие своему другу Патроклу. Патрокл был убит Гектором, который и завладел этим оружием. Ахилл решил отомстить за смерть друга. По просьбе матери Ахилла бог огня Гефест выковал для него новое оружие...

7. ГОЛОС ВЕКОВ

Во время своего многолетнего участия в работе суда Федор Иванович не раз сидел за столом в Совещательной комнате так, что прямо перед его глазами оказывались полотна Фердинанда Бола — то «Вениамин, ложно обвиненный», то «Моисей, спасенный из Нила». Особенно крепко врезалась в его память именно эта картина. Он ее изучил до мельчайших деталей.

Однажды он вновь вспомнил о ней, и она породила своеобразные ассоциации.

Это было в Египте. Весной 1969 г. в составе советской делегации во главе с известным государственным и общественным деятелем Л. Н. Смирновым он побывал в Сирии и ОАР. Видели многое. Обездали Дамаск, Александрию, Каир, долину Нила, Асуан. Везде — следы израильской агрессии, палестинские беженцы...

Посетили Луксор, осмотрели Карнакский храм, на одной из стен которого начертан подлинный текст международного договора XIII века до н. э. Долина царей. Колоссы Немнона — две монолитные статуи египетского фараона Аменхотепа III. Храм знаменитой царицы Хатшепсут — энергичной женщины, сыгравшей важную роль в истории Древнего Египта. Посетили Каирский музей, в залах которого собраны многие памятники Древнего Египта — мумии, предметы быта, статуи богов, бюст известной Нефертити, жены выдающегося фараона Эхнатона: сокровища гробницы Тутанхамона (зятя Эхнатона), открытой в 1922 г. Особо сильное впечатление производит золотая маска, изображающая молодого фараона. Он умер в возрасте 18 лет... Вся экспозиция сокровищ поражает свежестью и яркостью красок. А ведь с тех пор прошло 3300 лет!

Побывали у древних пирамид.

Стоя на берегу сказочного Нила, пересекая его с одного берега на другой на моторной лодке, не раз вспоминал Федор Иванович о картине Бола, и перед ним возникали видения тростниковой корзинки с младенцем...

Спотыкаясь о черные камни, увязая в песчаных наносах, брел Федор Иванович от одной пирамиды к другой в Саккаре и в Гизе.

Вот самая древняя из египетских пирамид — ступенчатая... Она родилась в тумане веков. Была сооружена на много ранее Хеопсовой. Он проводит по ней дрожащей от волнения рукой, прикасается к первым кирпичам мировой истории, пережившим многие религии и царства.

Спустился в одну из усыпальниц. Незабываемое и странное ощущение... Подземный мир открыл ему столько чудес былого с его живыми красками бессмертного искусства! Жизнь и быт далеких предков человечества. Иероглифы, «ключ от Нила», торжественно-скорбные проводы усопшего, ладья из папируса.

Гиза — пирамиды Хеопса, Хефрена, Менкера. И среди них колоссальный Сфинкс...

Вечер. Жара спала. Повяло прохладой от песчаных просторов пустыни и вод Нила. Все стихло — как бы в ожидании чего-то необычного...

Вдруг, словно из глубины веков, раздался человеческий голос, повествующий о далеких событиях древнего царства... Послышались восторженные крики ликующей толпы, приветствующей победителя и его колесницу, шелест торжественного шествия жрецов в причудливых одеждах... Вспыхнул яркий красочный свет, озаривший своими переливчатыми волнами и пирамиды, и Вечного Сфинкса, его красноватый исполинский безносый лик, его немигающие глаза...

Федор Иванович замер в смятении нахлынувших чувств. Он понимал, что это спектакль «Свет и звук», искусственно сделанный, но впечатление было столь сильно — выше рационального восприятия зрелища.

В памяти всплыла опять та же картина из зала Бол... Снова возник библейский образ. На какой-то миг ему показалось, что перед Сфинксом стоит человек. Феерический сноп света упал в это место. Отчетливо обрисовалась фигура высокого роста человека с длинной библейской бородой... Он был удивительно похож на Моисея, каким его гениально изобразил великий Микеланджело. Но перед колоссом он выглядел карликом.

Снова послышался голос, на этот раз как будто изнутри самого Сфинкса. Что именно говорилось, понять было трудно. Создавалось даже впечатление, что говорит сам Сфинкс, и его речь была понята нашим современником по-своему.

Вечный Сфинкс говорил, обращаясь к Моисею:

— Почему твой бог, его злые слуги и ты сам так люто ненавидите мой народ? Я — живой свидетель и очевидец всех чудовищных преступлений, которые совершались и совершаются против моей страны!

— Ты молчишь!

— Враги наши любят ссылаться на выгодные им места Библии, составленные тенденциозно, в том числе и тобой. Но ты хорошо знаешь, как было в действительности, и что в самом Ветхом Завете есть другие факты, прямо свидетельствующие и против тебя!

— Ты смущен!

— Вспомни Иосифа, проданного в рабство своими братьями. А ведь он стал в большом почете именно в нашей стране. А кто спас тебя? Само имя твоё означает, что ты младенцем был вынут из вод Нила, священных для нас! Ты возмужал в довольстве и... совершил преступление. Ты помнишь безобразную сцену между египтянином и евреем? Помнишь, что записано в Библии: «Посмотрев туда и сюда и видя, что нет никого, он убил Египтянина и скрыл его в песке». Это о тебе идет речь! Ты сам грубо нарушил главную из тех заповедей, которые тебе возвестил голос с горы Синайской — «не убивай».

— Ах, ты согнулся и низко опустил голову! Но это не все.

— Я не одобрял и не одобряю то, что вопреки воле египетского народа фараон самодично задерживал «исход» твоего племени. Но как свирепо и бесчеловечно отплатил за это Иегова — бог Авраама, Исаа-

ка и Якова и ты сам! На весь наш народ были обрушены неслыханные бедствия и совершены против него небывалые злодеяния. Я видел эти ужасы, и само священное писание свидетельствует о них. Ты был тогда уже древним стариком, но это не смутило тебя. Ты стал пособником и соучастником страшных преступлений...

— Вот что сказано в Вечной книге: и ударил жезл по воде речной пред глазами фараона так, что «вся вода в реке превратилась в кровь... И рыба в реке вымерла, и река восмердела, и Египтяне не могли пить воды из реки; и была кровь по всей земле Египетской».

— А помнишь, как ты взял пепел из печи и бросил его в небо, «и сделалось воспаление с нарывами на людях и скоте»? Выполняя волю своего жестокого бога, ты добился того, что были поражены все первенцы в земле Египетской, «от первенца фараона, сидевшего на престоле своем, до первенца узника, находившегося в темнице, и все первородное из скота».

— Я вижу — ты еще ниже опустил свою седую голову и еще более сгорбился! Но и это не все!

— И самый «исход» ты совершил вероломно, растоптав все законы человечности, поправ и другую синайскую заповедь — «не кради». В Библии сказано, что в самом начале «исхода», когда он был разрешен, ты «обобрал Египтян»...

— А в тот миг, когда опасность для тебя и твоих соплеменников уже миновала и можно было ограничиться лишь водным заслоном, ты простер руку свою — и море потопило всех египтян. «И вода возвратилась и покрыла колесницы и всадников всего войска фараонова, вошедших за ними в море; не осталось ни одного из них».

— О, ты в изнеможении опустился на колени и пал ниц! Встань, оглянись, и посмотри вдаль на берега Нила и на дорогу пустыни! Ты увидишь там новые следы преступлений и циничного глумления еще над одной из синайских заповедей — «не желай дома ближнего твоего». Некоторые «вожди» твоего племени снова пришли к нам и к нашим соседям с огнем и мечом и захватили наши земли и бесчинствуют на них...

— Но я, тысячелетия встречающий утреннюю зарю и провожающий живительное солнце в пурпурный закат, я знаю не только прошлое и настоящее, но я вижу и будущее! Такова моя Судьба... Уже близко то время, когда чужеземных захватчиков постигнет неизбежно позорная участь! Ты слышишь, это я говорю!

И возглас его могучим эхом прокатился по пустыне и замер в песках...

Бывший международный судья вздрогнул от внезапного легкого прикосновения и насмешливого восклицания:

— Федор Иванович, вы что — уснули? Мы вас ждем. Пойдемте!

Только теперь он полностью пришел в себя. Действие уже окончилось. Все разошлись. Он сидел один перед пирамидами и Сфинксом... А над ним вечным звездным блеском сияло бесконечное южное небо, и бескрайняя земля пустыни дышала уверенно и спокойно за будущее Египта...

8. СУДЕЙСКОЕ КРЕСЛО

Конечно, особенно остались в памяти первые впечатления от Гааги, пребывания во Дворце Мира и от работы в Суде.

Гаага — небольшой, тихий, благоустроенный, зеленый городок. Маленькие площади, неширокие улицы; трамваи, автобусы, такси и особенно велосипеды — основной транспорт. Голландцы приучаются пользоваться велосипедом с раннего детства. Ловко и изящно управляют им, сидят на нем прямо и непринужденно.

Визит к нашему послу С. П. Кирсанову. С первой же встречи с ним установились прекрасные отношения. Он познакомил со своей

семьей — женой Розой Ефимовной и дочерью Таней. Порекомендовал остановиться в гостинице Виттебруг, что значит «Белый мост». Это недалеко от Схевенингена — комфортабельного курорта на берегу Северного моря. В этой гостинице жил в свое время и первый советский судья С. Б. Крылов. Здесь также останавливались и многие другие международные судьи: француз Бадеван, американец Хэкворт, египтянин Бадави, англичанин Лаутерпахт, панамец Альфаро и другие.

Второй этаж — большие комнаты со всеми удобствами, два балкона. Полный пансион с трехразовым питанием. Членам Международного Суда предоставлялась скидка. Это делалось из соображений рекламы. И все же Виттебруг считался дорогой гостиницей. Судьи предпочитали жить на отдельных квартирах. Так поступил потом и Федор Иванович.

Во Дворце Мира каждому судье предоставляется постоянная отдельная комната, скромно обставленная, но имеющая все необходимое для спокойной работы над судебными материалами.

Члены Суда при исполнении ими судебных обязанностей пользуются дипломатическими привилегиями и иммунитетами, о чем Генеральная Ассамблея ООН 13 февраля 1946 г. приняла специальную резолюцию. Дипломатический статус предоставляется в интересах отправления международного правосудия и распространяется не только на пребывание в Нидерландах, но и на случай транзита для въезда и выезда из этой страны. Жены судей также пользуются этими привилегиями и иммунитетами.

Каждый член суда обязан до вступления в должность сделать на первом открытом заседании суда, в котором он принимает участие после своего избрания, торжественное заявление, что он будет отправлять свои функции беспристрастно и добросовестно.

Этот день особенно запомнился советскому судье. Гардеробная комната. Длинный стол, кресла, на которых накинуты персональные судейские мантии. Служащий «облачает» в эти одежды судей. Аккуратно повязывает широкий, веерообразный кружевной белый воротник типа «жабо». Затем судьи отправляются в соседнюю комнату, где под руководством председателя они обсуждают предварительно различные вопросы перед выходом в большой зал юстиции. В этой комнате на стенах портреты бывших председателей суда. Перед выходом в зал судьи чинно выстраиваются в порядке старшинства во главе с председателем, который занимает место посередине между ними. Открывается дверь в Большой зал юстиции, и клерк провозглашает: «Za lair», что значит — «Суд идет!» В зале все встают. Судьи рассаживаются, председатель опускает молоток и объявляет заседание открытым.

Предоставляется слово советскому судье. Он встает и читает установленный стандартный на французском языке* текст следующего содержания: «Я торжественно заявляю, что буду осуществлять все мои обязанности и пользоваться всеми правами судьи честно и добросовестно, с полной беспристрастностью и преданностью делу».

Чтение закончено, и суд переходит к рассмотрению текущего дела.

При избрании судей должно быть принято во внимание, что не только каждый из них должен удовлетворять необходимым требованиям, но что состав суда в целом призван обеспечить представительство главнейших форм цивилизации и основных правовых систем мира.

Знакомясь со своими коллегами по суду, наблюдая стиль их работы, изучая их взгляды, сидя с ними рядом в Совещательной комнате и в Большом зале, Федор Иванович все более убеждался в том, что общий состав суда не удовлетворяет тем требованиям, которые предъявляются Уставом ООН и Статутом Суда.

В его состав входят видные и очень опытные юристы, некоторые с

* Официальными языками Суда являются французский и английский.

большим судебским стажем. Герреро, например, свыше двадцати лет, если считать и его членство в Постоянной палате международного правосудия, состоял международным судьей. Но в большинстве своем эти люди воспитаны на старых юридических канонах определенной идеологической закваски.

Примером этого может служить рассмотрение индо-португальского спора по существу о праве прохода через территорию Индии. После окончания публичных прений сторон, продолжавшихся почти полтора месяца, суд удалился в Советательную комнату. Это было в ноябре 1959 г. Предварительный общий устный обмен мнениями между судьями выявил значительные расхождения между ними, и стало очевидным, что дело невозможно решить до конца данной сессии. Ввиду этого дальнейшее обсуждение решено было перенести на следующую сессию. Суд собрался вновь 29 февраля 1960 г. и приступил к обсуждению вопроса председателем. Другие части указанной процедуры были выполнены в период между сессиями суда.

Индо-португальский спор является одним из самых крупных в истории Международного Суда. Прохождение дела и решение по нему отражают, как в зеркале, борьбу двух линий, которой характеризуется часто деятельность суда ООН — линий прогрессивной и реакционной, антиколониалистской и колониалистской.

Положение советского судьи в этих острых случаях очень трудное. Обычно он, отстаивая правое дело, оказывается среди меньшинства. Как правило, его поддерживают только представители социалистической системы права и тех стран, которые освободились от колониальной зависимости и прониклись духом прогрессивных начал современного международного права.

Судьи дают торжественную присягу осуществлять свои обязанности «с полной беспристрастностью». Но в эти моменты представители буржуазной системы права оказываются не на высоте: сильно довлеют классовые интересы, хотя иногда и в противоречивой форме. В этом смысле решение суда по индо-португальскому делу является наиболее показательным.

Это дело было возбуждено правительством Португалии 22 декабря 1955 г. Оно требовало предоставления Португалии права прохода через индийскую территорию к районам Дадра и Нагар-Авели, которые считало своими, а также между этими районами. Правительство Индии, оспаривая претензии Португалии, выдвинуло ряд обоснованных предварительных возражений против самой компетенции Международного Суда рассматривать это дело по существу. Так, например, оно совершенно правильно указывало на то, что предмет данного спора, согласно международному праву, принадлежит исключительно внутренней компетенции Индии. Однако заявление о некомпетентности Суда было отклонено. Судьи от СССР, Польши, ОАР и Индии не согласились с таким решением.

По существу спора правительство Португалии, ссылаясь на одно из соглашений XVIII века, утверждало, что последнее якобы установило португальский суверенитет над указанными районами и что право прохода автоматически вытекает из этого юридического положения. Правда, Суд не согласился с такой точкой зрения. Он установил, что данный акт представлял собой лишь временную и условную форму пожалования в фискальных целях, которое могло быть односторонне взято обратно.

Однако Суд не сделал правильного юридического вывода. Он признал, что помимо соглашения существовало якобы молчаливое признание португальского суверенитета и права прохода, хотя и ограничительного характера. Это право могло осуществляться лишь с разрешения и под контролем правительства Индии и только в отношении частных лиц, гражданских чиновников и для целей торговли. В то же вре-

мя Суд был вынужден признать, что Португалия не имеет права прохода ни для вооруженных сил, ни для вооруженной полиции, ни для армии и военного снабжения. Решение было принято 12 апреля 1960 г. Советский судья последовательно и твердо поддерживал справедливую антиколониальную позицию Индии.

Вскоре это решение потеряло свое значение в связи с объединением с Индией в декабре 1961 г. бывших португальских владений Гоа, Ламана и Лну.

* * *

Надо признать, что одним из самых позорных фактов в истории Суда является его решение по спору между Эфиопией и Либерией, с одной стороны, и Южно-Африканской Республикой, с другой. Оно было вынесено голосом председателя Суда австралийца Спендера, ибо голоса судей разделились поровну: семь против семи. Это пример вопиющего пристрастия буржуазного судьи.

Эфиопия и Либерия в качестве одной стороны перед Судом просили признать, что Южно-Африканская Республика нарушила свои обязательства по мандату Лиги наций и Уставу ООН относительно Юго-Западной Африки. При этом отмечалось, что ЮАР осуществляет апартеид. Начало дела относится к 4 ноября 1960 года.

Эфиопия и Либерия в своем обращении в Суд выражали мнение и требования всей прогрессивной общественности африканского континента. Дело это являлось совершенно очевидным. Однако Международный Суд 18 июля 1966 г. отверг требования этих правительств под тем необоснованным предлогом, что якобы они не доказали своей юридической и фактической заинтересованности в данном деле.

Решение Суда по существу игнорировало общепризнанные принципы и нормы международного права, Устава ООН и даже положения мандата Лиги наций, а также вступало в явное противоречие с прежним решением самого Суда о компетенции, принятым 21 декабря 1962 г.

Однако, несмотря на теневые стороны в деятельности Международного Суда, в целом он является полезным учреждением в деле мирного урегулирования международных споров. В его активе немало правильных решений и заключений.

Так, например, по запросу Совета Безопасности Суд в своем заключении от 21 июня 1971 г. обоснованно признал неправомочность пребывания властей ЮАР в Намибии.

Советский Союз относится к нему в принципе положительно. Более того, по ряду международных соглашений он признает даже обязательной для себя юрисдикцию этого органа. Но советская наука и практика выступает против тенденции произвольного расширения компетенции Международного Суда, стремящейся придать ей автоматически обязательный характер общего значения. Это вступило бы в явное противоречие с фундаментальным началом современного международного права — принципом суверенитета.

9. ПРИЕМЫ И ВСТРЕЧИ

Деятельность члена Международного Суда ООН не ограничивается только его непосредственно судебной работой. Положение обязывает принимать участие в различных встречах и приемах как в помещении Суда, так и вне его.

Стало традицией, что к концу публичного заседания Суда председатель устраивает официальный прием, на котором с женами присутствуют все судьи, секретарь Суда, представители спорящих сторон и их адвокаты. Мужчины — в смокингах, дамы — в вечерних платьях. Ужин при зажженных свечах. На столе — цветы и необходимая сервировка. Подача блюд и вин происходит по строгим правилам дипломатического

протокола. Беседы за столом носят общий характер. Деловые контакты имеют место обычно после ужина в другой комнате в непринужденной обстановке за кофе.

Каждые три года состоится прощальный коктейль в связи с истечением срока мандата одной трети состава Суда. Уходящим судьям вручаются памятные серебряные блюда с автографами остальных коллег.

Время от времени судьи с женами встречаются друг у друга на обедах или ужинах. Конечно, прием у советского судьи дается по русскому обычаю: зернистая икра, заливная рыба, водка, пирожки. Судья Лаутерпахт произносил это слово с ударением на втором слоге — пирожки...

Во Дворце Мира бывают с визитами вежливости государственные и общественные деятели, посещающие Нидерланды. В этих случаях устраиваются небольшие приемы, на которых присутствуют члены Суда. С такими визитами в Суде были, например, король Таиланда и тогдашний генеральный секретарь ООН Даг Хаммаршельд.

Интересно отметить прием членов Суда с женами у голландской королевы Юлианы. Конечно, мужчины во фраках, а их жены — в вечерних платьях. Это происходило в королевском дворце в Амстердаме. По установленному ритуалу все судьи с женами в порядке старшинства были представлены королеве в Приемном зале. Затем в том же порядке, по очереди, состоялась беседа с ней в другой комнате. Беседа имела непродолжительный и весьма общий характер: о погоде в Москве, об особых сложностях русского языка и т. п. Велась она на французском языке. После был дан обед.

Королеву Юлиану представилось видеть и в сугубо официальной обстановке. Это было при открытии сессии парламента. В Рыцарском зале XIII века в Гааге происходила традиционная церемония в связи с тронной речью королевы. Судьи с женами находились в дипломатической ложе.

Члены Суда, будучи на положении посланников, входят в состав дипломатического корпуса Нидерландов и в этой связи они часто приглашаются на различные приемы в иностранные посольства в Гааге и на другие официальные мероприятия.

Интересно и содержательно проходили приемы в советском посольстве, особенно в связи с праздником Великого Октября.

На таких приемах всегда было многолюдно. Присутствовали государственные и общественные деятели страны, ответственные работники МИД во главе с министром иностранных дел, представители посольств в Гааге тех стран, с которыми СССР находится в дипломатических отношениях. Неизменно бывали на этих приемах председатель и секретарь Международного Суда.

Федор Иванович и его жена активно участвовали во всей внутренней жизни посольства СССР: выступали с докладами и лекциями по различным вопросам. Алина Алексеевна не раз делала сообщения на темы об искусстве.

Во время пребывания в Нидерландах в период сессий Суда в праздничные и выходные дни Федор Иванович с женой знакомился с достопримечательностями Гааги и других мест. Особой трудности это не представляло при наличии машины и сравнительно малой территории страны. Совершали поездки с послом и его семьей, с сотрудниками посольства, с некоторыми судьями. Особенно теплые отношения установились, кроме Степана Павловича Кирсанова, с Иваном Матвеевичем Кузнецовым, Александром Григорьевичем Каталовым, Александром Тихоновичем Жуковым.

Естественно, советского юриста интересовали прежде всего места, связанные с именем знаменитого голландского юриста Гуго Гроция. Гроций родился 10 апреля 1583 г. в семье бургомистра г. Делфта. Уже

в раннем возрасте он проявил исключительные научные дарования. Гуго Гроций поражал своими знаниями ученых и правителей. Будучи в свите посланника Голландии в Париже, он в возрасте 14 лет так удивил своими обширными знаниями французского короля Генриха IV, что тот воскликнул в присутствии своих придворных: «Вот чудо Голландии!»

В молодости он принял участие в религиозно-политическом движении, которое потерпело поражение. Гуго Гроций был осужден на пожизненное заключение в замке Ловенстейн (на реке Маасе). С помощью своей хитроумной жены ему удалось выбраться из тюрьмы. Он был вынесен в ящике с книгами и в одежде каменщика бежал во Францию, где король Людовик XIII назначил ему пенсию.

Во Франции Гуго Гроций написал свой знаменитый трактат «Три книги о праве войны и мира». Труд этот, изданный в самый разгар тридцатилетней войны, имел необычайный успех. Шведский король Густав-Адольф во время походов имел всегда с собой две книги: Библию и труд Гроция.

Ученый голландец получил затем пост шведского посланника при французском дворе. Ему покровительствовала дочь Густава-Адольфа Христина, ставшая шведской королевой. Все же придворная клика добилась его освобождения от должности шведского посланника. Гроций возвращался в Швецию, но корабль, на котором он плыл, потерпел крушение близ Ланцига. Гроций спасся, но сильно простудился и заболел. Он скончался в августе 1645 г. в г. Ростоке и был похоронен в Делфте, недалеко от Гааги.

Делфт — старинный голландский городок, знавший героическую эпоху борьбы против испанского владычества и известный всему миру производством фарфора и фаянса. Он является родиной выдающегося голландского художника XVII века Вермеера, посвятившего ему ряд своих чудесных работ.

Живописные тихие каналы с переброшенными через них горбатыми мостиками, готические здания, маленькие уютные площади. На центральной площади — статуя Гуго Гроция. Тут же протестантская церковь постройки XIV века. Вошли в нее. Вот и надгробная плита Гроция. Чтобы разобрать надпись на ней, надо было низко нагнуться и даже преклонить колена... Своеобразная символика: советский профессор — в почтительной позе перед памятью родоначальника новой для той эпохи науки международного права. Этот невольный жест как бы выражал собой то известное положение, что советские люди глубоко уважают и ценят представителей прошлой культуры, которая не потеряла своего значения и до наших дней. Действительно, идеи Гроция о мирных принципах международных отношений, о справедливой войне, о свободе открытого моря, о нейтралитете актуальны и ныне.

В музее Делфта находится тот легендарный ящик, в котором Гроций был вынесен из тюрьмы.

— По-видимому, он был не очень большого роста, что смог поместиться в этом ящике? — заметила жена Федора Ивановича. — Пожалуй, и ты, Федя, мог бы расположиться здесь? — с улыбкой присовокупила она.

— А что ты думаешь — втиснулся бы! — согласился Федор Иванович.

— И я уверен, что Алина Алексеевна с меньшей находчивостью, чем жена Гроция, организовала бы успешный побег! — со смехом сказал добродушный Иван Матвеевич Кузнецов.

В Делфте советский юрист заказал себе на память миниатюрный портрет Гроция на фарфоре.

А вот и суровый замок — тюрьма Ловенстейн. Высокие массивные стены. Окно, из которого спустили ящик... Камера, где томился Гроций.

Сохранился стол, за которым он работал. Портрет Гроция. В рамке под стеклом — краткое описание его жизни.

Алину Алексеевну особенно влекло к местам, связанным с именем великого Рембрандта. Он родился в семье мельника в Лейдене в 1606 г. Этот город является одним из крупных культурных центров страны. Здесь находится знаменитый университет, основанный в XVI в. Известно, что Петр I, побывавший в Голландии, слушал ряд лекций в этом университете. В Лейдене некоторое время проживал знаменитый философ Декарт. Но главную славу этому городу принес Рембрандт. Сохранился домик, где он родился. В Лейденском университете имеется запись о том, что в числе поступивших сюда был и Рембрандт в возрасте четырнадцати лет.

Творческая жизнь Рембрандта расцвела в Амстердаме. Амстердам является официальной столицей Нидерландов. Экономический, культурный и общественный центр страны. Разветвленная сеть каналов, вследствие чего голландцы называют его «Северной Венецией».

Но главная достопримечательность Амстердама — Национальный музей, известный всему миру шедеврами искусства. Здесь находится величайшее творение Рембрандта «Ночной дозор». Обширное полотно занимает всю стену отведенного для него зала. Перед ним всегда много посетителей. Это национальная гордость голландцев.

В этой связи можно привести любопытный факт. Как-то утром 1 апреля голландское радио сделало сообщение, буквально потрясшее всю страну. Оно оповестило, что картина «Ночной дозор» продана и должна быть отправлена за границу. Немедленно после этой передачи сотни возмущенных любителей искусства собрались перед зданием музея, чтобы помешать вывозу картины за границу. Пришлось вмешаться полиции, чтобы сдерживать напор толпы. В это время швейцар музея, совершенно оторопевший, беспрестанно отвечал на телефонные звонки... В конце концов, выяснилось, что это сообщение оказалось простой первоапрельской шуткой.

Рембрандт дал своей картине название «Выход стрелков под командованием капитана Банинга Кока». Выход был показан при дневном солнечном свете. Но, как считают, непризнанная невежественными заказчиками картина свыше ста лет пролежала в абсолютно неблагоприятных условиях и поэтому потемнела до черноты. Поэтому она и получила потом свое нынешнее наименование.

На улице Бреестраат находится знаменитый дом, в котором Рембрандт прожил почти двадцать лет. Здесь много его замечательных офортов. Из них особо сильное впечатление на Федора Ивановича произвел «Моисей, превращающий воды Нила в кровь».

Побывал советский юрист с женой и в Заандаме, где в маленьком домишке в 1697 г. Петр I под именем Петра Михайлова проживал с Меншиковым и другими своими спутниками. Домик ныне под капитальным футляром и полностью сохранился в первоначальном виде. Две маленькие комнатки, деревянные столы, лавки, изразцовая голландская печь, ряд картин. На одной из них изображен Петр. С топором в правой руке, придерживая левой большую доску, которую обтесывает, он что-то диктует Меншикову, сидящему за столом.

Обычно всех посетителей поражает весьма маленькая для человека такого гигантского роста постель, помещенная в нише. У многих возникает вопрос, как это он мог спать в такой не по его росту постели? Гид объясняет, что Петр имел привычку лежать, сильно поджавши колени. И как бы дополнительным пояснением звучит знаменитая надпись на мраморной доске: «Ничто не является слишком малым для великого человека».

В центре Заандама, недалеко от этого домика, стоит памятник Петру I. Он в одежде простого плотника трудится над сооружением морского ботика.

Нидерланды дали культурному человечеству и великого философа Спинозу, который один из первых начал критический пересмотр Библии.

Как известно, одним из первых, кто дал образ Спинозы в скульптуре, был выдающийся русский художник М. М. Антокольский. Он предложил свою работу Гааге, когда там решили установить памятник Спинозе в связи с двухсотлетием со дня смерти. Голландцы предпочли своего мастера. Памятник был установлен напротив домика, в котором Спиноза провел последние годы своей жизни и где он умер 21 февраля 1677 г. Философ сидит с книгой в высоком кресле.

Алина Алексеевна изучала творчество М. М. Антокольского и, в частности, историю создания им скульптурного образа Спинозы. Она обратила внимание на то, что в голландской трактовке чувствуется влияние резца русского мастера. Но представляется, что русский скульптор выразительнее подчеркнул то душевное состояние, в котором находился мыслитель перед своей кончиной.

Во дворе одной из церквей в Гааге — могила Спинозы. Враги преследовали его при жизни и кощунственно мстили ему после смерти. Зарыли в общей могиле, которая была потом заброшена и забыта. И только спустя много времени после его смерти было установлено место захоронения. Теперь здесь сооружено надгробие.

В небольшом городке Ринсбурге, недалеко от Лейдена, сохранился домик, в котором некоторое время жил Спиноза. На полках хранятся книги, которыми он пользовался. В маленьком садике около домика — бюст философа.

Голландия является также родиной одного из крупнейших гуманистов эпохи Возрождения — Эразма Роттердамского. Знаменитый автор «Похвалы глупости» родился в Роттердаме. Здесь ему поставлен памятник. Все культурное человечество отмечало пятисотлетие этой даты. В Роттердаме 1969 год был торжественно объявлен годом Эразма.

Роттердам — самый крупный экономический центр страны, а по числу заходящих сюда кораблей — один из первых портов в мире. В минувшей войне Роттердам почти полностью был разрушен гитлеровской бомбардировкой. Напоминанием того жуткого времени является памятник жертвам нацистских преступлений. Он изображает человеческую фигуру с руками, вознесенными в небо, ртом, оскаленным от ужаса, и дырой посередине груди — от вырванного сердца. Скульптура является грозным осуждением тому, что было, и предостережением, чтобы подобное никогда больше не повторилось.

Стоит отметить, что памятник этот является работой смоленского уроженца Осипа Цадкина.

В порядке взаимного контакта Федор Иванович иногда посещал достопримечательные места Гааги совместно с некоторыми судьями, а также совершал с ними поездки по стране.

Однажды спутником по Гааге был Роберто Кордова. Он занимал ранее крупные дипломатические посты. Был представителем Мексики на ряде международных конференций американских государств. Состоял членом комиссии юристов по подготовке проекта Статута Международного Суда, а затем членом Комиссии международного права ООН. Входил в состав мексиканской делегации на VI сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 7 октября 1954 г. его избрали членом Международного Суда.

Судьи посетили очень любопытный музей. Он находится недалеко от отеля «Виттебруг». Это — «Мадуродам». Он построен в память о Мадуро — юном партизане, герое сопротивления, убитом фашистами.

Под открытым небом на большой площади представлена Голландия в миниатюре. Все характерные аспекты жизни этой страны и основные особенности ее архитектуры продемонстрированы с потрясающей достоверностью. Общественные здания, домики, магазины, каналы, мельницы, поезда, вокзалы, аэродромы, порт — все это точное воспро-

изведение действительности. Транспортные средства показаны в движении. Вечером, при красочном освещении этот городок сооружений-лилипотов и прогуливающихся среди них гулливеров представляется особенно живописным.

В натуральном виде каналы, мельницы, плантации цветов и тучные пятнистые черно-белые коровы на лугах придают особый колорит Голландии. Своим сыром и тюльпанами эта страна пользуется всемирной известностью.

Особенно значительным районом по маслоделению, сыроварению, а также продаже сыра и масла является Алкмаар. В пятницу утром на обширном рынке этого города можно наблюдать живописное зрелище торговли сыром. Крестьяне-продавцы — в белоснежных костюмах с широкими поясными красными шарфами и в оригинальных головных уборах красного цвета. Шумная, красочная толпа покупателей.

Сыр из барж переносят на широкие деревянные носилки и укладывают его в виде пирамид. Затем двое рослых голландцев с большой ловкостью перемещают сыр на площадь. Вся она пестрит яркими фигурками пирамид из сыра.

Федор Иванович с женой побывал в ряде живописных, типично голландских уголков — Харлеме, Волейдаме и на островке Маркен.

В окрестностях Харлема — обширные поля тюльпанов. Эти и другие цветы самолетами доставляются во многие страны мира, в том числе и в СССР. В Харлеме имеется дом-музей известного голландского живописца XVII века Франца Гальса.

В Волендаме и на Маркене голландки и голландцы, отчасти ради рекламы для туристов, одеваются в живописные национальные костюмы. В Волендаме, например, юные голландки носят крахмальные кружевные чепчики, широкие юбки до пят, черные узорчатые жилетки. Голландцы красуются в черных широчайших шароварах невообразимого покроя. Масса лавчонок с сувенирами, на каждом шагу фотографии.

В связи с делом в Суде по спору между Нидерландами и Бельгией относительно двух пограничных участков Федор Иванович и судья Винярский совершили поездку в район этих мест. Здесь сохранились до наших дней переплетающиеся между собой своеобразные анклав. Местами не только дома были на разных сторонах границы, но даже квартиры в некоторых из них оказывались юридически одни — в Голландии, другие — в Бельгии. Любопытная ситуация!

Правительства указанных стран никак не могли договориться между собой по вопросу о суверенной принадлежности двух пограничных участков. Они согласились передать в начале 1957 г. данный спор в Международный Суд. Большинство членов Суда признало неубедительной точку зрения нидерландского правительства. Юридическая аргументация Бельгии оказалась более основательной. Решение Суда в ее пользу было принято 20 июня 1959 г. десятью голосами (включая голос судьи от СССР) против четырех.

Этот случай также может послужить примером беспристрастной позиции, которую всегда занимали в Суде советские представители.

Судейская работа и пребывание в Нидерландах явились очень важным этапом в жизни и деятельности Федора Ивановича. Ему очень хотелось иметь об этой стране какой-нибудь существенный сувенир. Он решил приобрести в оригинале картину, чтобы она изображала, по возможности, такой уголок в Гааге, который часто приходилось видеть, и чтобы автор работы был бы голландским мастером. Много лет он искал такое произведение.

Как известно, кто ищет — тот находит...

Незадолго до прощального отъезда из Голландии удалось, наконец, найти искомую вещь. Однажды на витрине антикварного магазина он увидел то, что его интересовало. Это была картина, изображав-

шая один из самых живописных уголков Гааги недалеко от Дворца Мира. Вид пруда с небольшим островком на фоне старинных замков и музея. Он часто проходил и проезжал мимо этого места. Не раз с женой совершал здесь прогулки.

Автор картины Адрианус Якобус Фролик родился в Гааге 9 марта 1834 г. и умер здесь 21 марта 1862 г. Интересна судьба картины. Она была приобретена в 1857 г. неким голландцем Манлей Ханкером и подарена затем сыну. Позже перешла в другие руки. От времени потемнела и авторство ее забылось. И только в 1935 г. после тщательной очистки в левом углу картины отчетливо выявилась подпись самого художника.

Эта картина висит в кабинете Федора Ивановича как память о пребывании в Гааге.

* * *

В августе 1956 г. Федор Иванович выезжал в Японию. Нашим самолетом до Стокгольма, а оттуда — шведским рейсом окружным путем через Юго-Восточную Азию до Токио. Довольно утомительное турне — двое суток в самолете. Краткие остановки в аэропортах в Афинах, Каире, Карачи, Бангкоке, Маниле. Обратное — тем же путем, но несколько иным маршрутом — через Калькутту, Абадан. Таким образом, спустя двадцать лет на краткое время советский юрист снова оказался на иранской земле.

В Японии он принял активное участие в составе советской делегации на Второй международной конференции за запрещение атомного и водородного оружия. Конференция открылась в Токио и продолжалась в Хиросиме и Нагасаки. На открытии конференции на стадионе, вмещавшем 20000 человек, Федор Иванович выступил от имени делегации СССР. Подчеркнул, что советский народ рука об руку с японским народом будет всегда добиваться того, чтобы страны мира конвенционно объявили вне закона оружие массового уничтожения. На следующий день прибыл глава советской делегации писатель А. В. Софронов.

В городе Хиросима состоялась церемония по случаю одиннадцатой годовщины со дня американской атомной бомбардировки города. Были возложены венки у памятника жертвам атомного преступления. В 8 час. 15 мин. в тот самый момент, когда в тот трагический день была сброшена атомная бомба, все жители города молчанием почтили память жертв этого злодеяния.

В больницах советские делегаты видели людей, которые были свидетелями преступной американской бомбардировки, выжили, но остались жертвами атомного безумия. Смерть все время продолжает косить этих несчастных.

Япония — во многих отношениях исключительно интересная и своеобразная страна. Знакомились на месте с ее историей, политикой, государственным строем, экономикой, бытом и культурой. Страна богата достопримечательностями и памятниками, архитектурой — культовой и гражданской.

Исключительно своеобразна архитектура японских храмов в районе Мийайима. Их окрашенные в красный цвет с мягкими изгибами крыши, стройные столбы, ворота на широкой водной глади оставляют незабываемые впечатления. Много буддийских храмов в форме пагод. Встречаются огромные статуи Будды, изображающие его в мистически-созерцательных позах.

Побывали в японских домиках с раздвижными легкими стенками, с толстыми циновками на полу. Почти никакой мебели. Угощение национальными блюдами происходило в традиционной манере. Сидеть на полу по-японски было непривычно. Особые трудности испытывал грузный, высокого роста А. В. Софронов. Кушанья подавали миловидные японские девушки в кимоно и в высоких воздушных прическах. Одна-

ко кимоно выходит из моды. Женщины появляются в них только в официальных случаях, в театрах, на концертах, на приемах с участием иностранцев.

Все интересовало советских людей — и традиционная вежливость японцев, и удивительное их трудолюбие, их миниатюрные дворники, на которых они ухитряются размещать маленькие вишневые деревца, кусты хризантем, лозы винограда, фигурные сооружения из небольших камней. Трогала их любовь к музыке, танцам и пению. Поражало то, что они очень хорошо знают и прекрасно исполняют русские и советские песни.

Советские делегаты встречались со многими интересными людьми. Федор Иванович познакомился с известным японским профессором международного права Каору Ясуи. Спустя два года, 5 сентября 1958 г., ему была вручена в Кремле международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами». На этом торжестве с приветственными речами в адрес японского профессора выступили писатель Н. С. Тихонов, академик Е. М. Жуков, профессор И. А. Каиров, Федор Иванович и студентка МГУ Инесса Квиткина.

Японцы проявили большой интерес к советской науке международного права. Перевели на японский язык советский учебник по международному праву.

Поездка в Японию была увлекательной и полезной для дальнейшего развития дружественных отношений между советскими и японскими деятелями науки и культуры.

10. В ПОСЛЕСУДЕБНЫЕ ГОДЫ

В начале 1961 года истек срок членства в Международном Суде, и Федор Иванович снял судейскую мантию*. Международная судебная деятельность явилась крупной вехой в его жизни. С тех пор он не был в Гааге, но связь с Судом ООН продолжается. По установленному порядку, все бывшие судьи постоянно информируются о текущей судебной работе, получают извещения, необходимые материалы, тексты решений и консультативных заключений. Таким образом, они всегда в курсе официальной работы этого органа.

В последующие годы Федор Иванович опубликовал ряд работ по международному праву. В «Советском ежегоднике международного права. 1965» была помещена его статья «История и организация Международного Суда ООН». В сотрудничестве с Г. В. Шармазанашвили он издал книгу о Международном Суде ООН. С В. И. Менжинским подготовил работу «Агрессия США во Вьетнаме и международное право», переведенную затем на английский и французский языки. Всесоюзное общество «Знание» удостоило авторов этого труда дипломами. Федор Иванович — член главной редакции и соавтор шеститомного академического Курса международного права.

В соавторстве с И. П. Блищенко в юбилейном апрельском номере журнала «Советское государство и право», посвященном 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, он опубликовал статью «Социализм и современное международное право». В сборнике МИД СССР, подготовленном к XXIV съезду КПСС, была помещена его статья «В. И. Ленин и развитие советской теории международного права».

Федор Иванович продолжает активно участвовать в общественной жизни. Он принимал участие во Всемирном конгрессе за всеобщее разоружение и мир в Москве, был участником научной конференции Института международных отношений и ряда институтов Академии наук СССР, посвященной 25-летию Организации Объединенных Наций,

* После него членом Суда был избран В. М. Корецкий. Ныне членом Суда от СССР состоит П. Д. Морозов.

где выступил с докладом о Международном Суде ООН, периодически выступает по актуальным вопросам внешней политики и международного права по радио, телевидению, в журналах и газетах — в «Правде», «Известиях», «Советской России», «Комсомольской правде» и др.

Так, в соавторстве с И. Л. Блищенко опубликовал в «Правде» от 24 ноября 1968 г. статью «Израиль попирает решения ООН». В той же газете от 3 декабря 1969 г. с группой общественных деятелей — Н. Тихоновым, А. Корнейчуком, М. Шолоховым, В. Чхиквадзе, С. Герасимовым, Д. Шостаковичем и др. выступил с письмом «Преступников — к ответу!», в котором был выражен протест против американских злодеяний в южно-вьетнамской деревне Сонгми. На страницах журнала «Международная жизнь» было помещено (совместно с В. П. Пархитко) обращение в поддержку греческих демократов, с протестом против злодеяний хунты «черных полковников».

Особенно часто в качестве комментатора по международным вопросам Федор Иванович выступал на страницах «Советской России». За активную работу в этой газете он был награжден Почетной грамотой.

Были поездки на многие международные конференции. Участвовал в двух международных встречах «Круглого стола» — в Варшаве и Белграде. Был в составе советской делегации во главе с академиком Александром Топчиевым на Пагуошской конференции в Лондоне и Кембридже. Пагуошское движение — одно из крупных явлений международной общественности в борьбе за мир на современном этапе. Лондон, Кембридж и поездка по Шотландии оставили большое впечатление. Единбург, грандиозный памятник Вальтер Скотту. Замок Марии Стюарт. Ландшафты, воспеты Робертом Бернсом.

В Лондоне представилась возможность побывать несколько раз. Так что удалось хорошо изучить все достопримечательности этого города.

Вот Британский музей — сокровищница ценностей. Хотелось собственными глазами видеть знаменитый акт из истории права XII века — Великую хартию вольностей. Известно, что в библиотеке этого музея работали К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин. Стояли у памятника К. Марксу на Хайгетском кладбище, открытого в 1956 г. Посетили национальную галерею, где хранятся величайшие произведения искусств. Задержались перед картинами Гольбейна — «Послы», Веронеза — «Смья Дария перед Александром», Веласкеса — «Венера с зеркалом», Рубенса — «Сюзанна Фоурмен».

Впечатлительно было посещение Парламента — Палаты Общин и Палаты Лордов. Выйдя оттуда, слушали бой знаменитого Биг-Бена. Отправились затем в Вестминстерское Аббатство, которое, как говорят, представляет собою одновременно по значению Сен-Дени, Реймс и Пантеон. Здесь усыпальницы великих людей — Ньютона, Дарвина, Диккенса; государственных деятелей и королей. Обращает на себя внимание то символическое обстоятельство, что гробницы Елизаветы I и Марии Стюарт — непримиримых соперниц в политическом и личном отношении — находятся почти рядом.

Конечно, побывали в любопытном музее восковых фигур мадам Тюссо.

Сильное впечатление осталось от посещения Тауэра, бывшего в средние века политической тюрьмой, где содержались и некоторые знатные узники, например, Анна Болейн, ее дочь Елизавета I, Томас Мор — знаменитый автор «Утопии».

В Лондоне интересны и содержательны были встречи с нашими послами — Я. А. Маликом, А. А. Солдатовым и М. Н. Смирновским.

В составе советской делегации выезжал на международную ассамблею «Мир без бомбы» в Аккру (Гана). Возглавлял делегацию тогдашний заместитель Председателя Президиума Верховного Сове-

та СССР Ю. И. Палецкис. Участие в работе этого международного форума обогатило опытом деятельности с учетом особенностей жизни и борьбы представителей передовой общественности на африканском континенте.

Весьма волнующее впечатление оставило в памяти торжество вручения в Государственном дворце выдающемуся политическому деятелю Африки тогдашнему президенту Республики Гана д-ру Кваме Нкрума международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» за 1961 г. Диплом и медаль лауреата вручал академик Д. В. Скобельцын. Присутствовали государственные, политические, общественные деятели, дипломатический корпус, участники Ассамблеи «Мир без бомбы», в том числе советские делегаты.

С профессионально-юридической и дипломатической точек зрения особый интерес представляет поездка в Нью-Йорк в составе советской делегации во главе с А. А. Громыко на XXII сессию Генеральной Ассамблеи ООН. Это было осенью 1967 года. В состав делегации входил ряд известных дипломатов — В. В. Кузнецов, А. А. Солдатов, Л. М. Замятин. Федор Иванович участвовал в работе многих пленарных заседаний Ассамблеи. Особенно запомнилось то заседание, на котором выступил глава нашей делегации. Его речь была выслушана с огромным вниманием и произвела на участников сильное впечатление. Впервые в истории ООН в этом зале в этой речи прозвучало символически обращение «Товарищ председатель...» Дело в том, что незадолго до этого на высокий пост председателя XXII сессии Генеральной Ассамблеи ООН был избран министр иностранных дел социалистической страны — Румынии — Корнелиу Мэнеску.

Совместно с советским дипломатом О. Н. Хлестовым и другими товарищами Федор Иванович принимал участие в подготовке нашей точки зрения на вопрос об определении агрессии*.

Было много интересных и полезных встреч и бесед в кулуарах Генеральной Ассамблеи с делегатами различных стран, с известными дипломатами и юристами-международниками.

В свободные часы осматривали Нью-Йорк и его достопримечательности. Посетили знаменитый музей Метрополитен, где хранятся ценные памятники древности и произведения многих выдающихся мастеров: Родена, Пикассо, Давида, Франса Хальса, Рембрандта, Веласкеса, Гудона, Гольбейна Младшего и др. Побывали в известном спиралеобразном музее Гугенхейма с его модернистской скульптурой. Конечно, поднимались на знаменитый небоскреб в 102 этажа, откуда отчетливо виделось, какая густая пелена «смога» покрывает этот город. Совершили поездку на т. н. «Остров Свободы». Побывали в известном «негритянском гетто» — Гарлеме, наблюдали там неприкрытую реальность жизни «свободной и богатой» Америки...

Интересны были поездки в Вашингтон, а затем в Канаду, в Монреаль на Всемирную выставку ЭКСПО-67. Позже — на международные совещания в Югославию (Загреб), ГДР (Лейпциг), Англию (Оксфорд), Сирию и др. Во многих городах Ближнего Востока Федору Ивановичу довелось выступать в поддержку справедливой борьбы арабских народов против израильской агрессии. И он лично убедился в том, что арабы твердо уверены в конечном торжестве их правого дела.

Особенно показателен в этом отношении Дамаск, недалеко от границ которого стоят вражеские войска. Жители города всегда начеку, но спокойно занимаются своими обычными делами. Люди работают, учатся. В знаменитой мечети Омейядов Федор Иванович обратил внимание на одного юношу, который с книгой в руках медленно ходил взад-вперед.

* Ныне, наконец, в итоге более чем полувековой борьбы советской дипломатии и всех прогрессивных сил дано определение агрессии. XXIX сессия Генеральной Ассамблеи ООН приняла без голосования соответствующую резолюцию.

«Интересно, что он так внимательно читает? Возможно, коран?» — заинтересовался Федор Иванович. И подошел к юноше, заговорил с ним. Выяснилось, что это был студент первого курса физического факультета Дамасского университета. Молодой человек готовился к экзамену по химии. Сюда приходят многие студенты. Здесь удобно заниматься: никто не мешает.

Юношу звали Мустафа Ходжали. Он — из крестьянской семьи. Подавал заявление в Университет Дружбы Народов, но не прошел. Он говорил, что снова будет пытаться поступить туда. Очень хочется побывать и особенно поучиться в Советском Союзе.

Сирия, как и Египет, исключительно богата и следами древних мифов, и реальными фактами бурных событий разных времен. Ведь здесь были места Эдема — родины нашего прародителя. В 35 километрах от Дамаска находится могила Авеля, убитого своим братом Каином. Первый криминал в истории человечества.

— Не хотелось бы повторить участь Авеля, — грустно улыбается Мустафа Ходжали. — Но хуже того — оказаться на месте Каина...

В Дамаске находится и мавзолей Саладина — смелого противника Ричарда Львиное Сердце во время 3-го Крестового похода. А в 155 километрах от сирийского города Хомса лежат руины великолепных памятников культуры сказочной Пальмиры, разрушенной римлянами в III в. н. э. — страницы легенд и суровой исторической действительности.

11. КРАСНЫЙ КРЕСТ НА БЕРЕГАХ БОСФОРА

Известно, что практика войн древних времен, средних веков и даже в эпоху капитализма до середины XIX века не знала организованного ухода за больными и ранеными, и на полях сражения они оказывались в ужасных условиях. Впервые обратил на это внимание великий русский ученый-хирург Н. И. Пирогов, который во время Крымской войны стал организовывать оказание действенной помощи раненым и больным русским воинам. Он привлек к этому гуманному делу широкую общественность. По его инициативе была создана Крестовоздвиженская община врачей и сестер милосердия. В своей книге «Курс военной хирургии», опубликованной в 1862 году, он выдвинул идею создания международной организации по оказанию помощи раненым и пострадавшим во время войны. Таким образом, приоритет России и русской науки в этой области не подлежит сомнению.

Однако, как это бывало не раз в прошлом, официальная пальма первенства перешла к Западу. Она связана со швейцарцем Анри Дюнаном, который в том же 1862 г. опубликовал свои «Воспоминания о Сольферино», посвященные кровопролитному сражению в этом итальянском городе 24 июня 1859 г., а также с англичанкой Флоренс Найтингейл, которая в период Крымской войны, используя пример русских, организовала уход за больными и ранеными в Турции.

Огромный вклад внесли Россия и русская наука в дело гуманизации законов и обычаев войны. Достаточно упомянуть только декларацию об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль, заключенную в С.-Петербурге 29 ноября (11 декабря) 1868 г., и созданные по инициативе России Гаагские конференции мира 1899 и 1907 гг., которые привели к принятию обширного кодекса гуманных принципов и норм, призванных смягчить жестокости войны.

Но особенно велика роль Советского государства, которое с первого же дня своего существования выдвинуло идею осуждения агрессивных войн, запрета войны как средства международных споров, а в случае ее фактического возникновения предложило целую систему гуманных правил. Представители советского правительства неизменно принимают самое активное участие во всех международных мероприя-

тиях, направленных на дальнейшую гуманизацию норм ведения войны. СССР является участником всех Женевских конвенций 1949 г.

Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР входит во Всемирную федерацию (лигу) обществ Красного Креста, Красного Полумесяца, Красного Льва и Солнца, сотрудничает с Международным комитетом Красного Креста (МККК) и осуществляет мероприятия, вытекающие из Женевской конвенции 1949 г.

Осенью 1969 года в Стамбуле состоялась Международная конференция Красного Креста. Федор Иванович был в составе советской делегации.

4 сентября из Шереметьево самолет взял курс на Анкару и через три часа приземлился в столичном аэропорту Турции. Жарко и душно. Транзитников угощают прохладительными напитками и черным кофе по-турецки.

Наконец, рейс на Стамбул и через 45 минут — на берегах Босфора. Делегацию встречают советский вице-консул В. А. Кулик и представитель турецкого общества Красного Полумесяца. Гостей поселили в гостинице «Централь». Узкие улицы, многоязыкая толпа, рекламные огни, масса машин, особенно американских марок, — и почти полное отсутствие правил уличного движения.

На другой день посетили Генеральное консульство СССР. Оно помещается на Истикляль, прежняя ул. Пера, здесь же находится и Отделение Торгпредства СССР. Встретились с генеральным консулом Н. И. Серегиним.

А вечером присутствовали на церемонии 50-летия Лиги обществ Красного Креста.

6 сентября торжественное открытие конференции во Дворце культуры. Здание в стиле модерн. Много стекла. Строилось в течение ряда лет и было закончено к открытию конференции.

Конференцию приветствовал президент Турецкой Республики Джевдет Сунай.

Были оглашены принятые XX Международной конференцией Красного Креста основные принципы деятельности этой организации: гуманность, беспристрастность, нейтралитет, независимость, добровольность, единство, универсальность.

До заседаний, в ходе их, в перерыве и после них советская делегация находилась в постоянном контакте с представителями других социалистических стран.

Основная же работа проходила в комиссиях. Федор Иванович участвовал в заседаниях комиссии международного гуманитарного права, принял участие и в работе редакционной группы общей комиссии по редактированию проекта одного из основных документов конференции: «Красный Крест как фактор мира». Интересно отметить, что в основу этого акта, принятого затем подавляющим большинством конференции, был положен советский текст. Это первый случай в истории конференции Красного Креста.

В комиссии международного гуманитарного права советский юрист выступил от имени делегации СССР с основным докладом. Первостепенное внимание в нем было уделено изложению советской точки зрения по одному из главных пунктов конференции, а именно — по вопросу о подтверждении и развитии законов и обычаев, относящихся к вооруженным конфликтам.

На конференции определились две линии. Представители американо-западногерманской ориентации добивались того, чтобы конференция высказалась в пользу существенной ревизии действующих норм, что могло бы облегчить в необходимых случаях вмешательство во внутренние дела других стран. Советская сторона, представители других социалистических стран и ряд делегатов т. н. «третьего мира», выступали против коренного пересмотра позитивных норм международного

права и за такое их совершенствование, которое сделало бы еще более действенными Женевские, Гаагские и др. запретные императивы, особенно относящиеся к оружию массового уничтожения, в интересах гуманности и всеобщего мира.

В конечном счете большинство резолюций, принятых конференцией, шли именно в этом направлении. Вот почему советские делегаты голосовали за них.

Стамбульская конференция Красного Креста имела большое положительное значение. Она призвала все международные и национальные общества краснокрестного движения, а также правительства строго соблюдать законы и обычаи, стремиться к их более эффективному применению во всех международных и немеждународных военных конфликтах.

В рамках правил процедуры и с учетом фундаментальных принципов Красного Креста на конференции весьма отчетливо прозвучали голоса советских делегатов, представителей других социалистических стран, а также ряда развивающихся государств, осуждающие агрессивные действия США во Вьетнаме и Израиля на Ближнем Востоке.

В воскресный день организаторы конференции устроили для ее делегатов прогулку на теплоходе по Босфору и Мраморному морю, где подошли к берегу одного из Принцевых островов.

Прекрасный вид на Стамбул и его окрестности. Отчетливо выделялась на европейском берегу Босфора древняя крепость Хисар. Она представляет большой исторический интерес.

К концу работы конференции представилась возможность ознакомиться с городом. Организовал это вице-консул В. М. Алексеев. Сам он был и гидом.

До 1923 г. Стамбул был столицей Турции, и ныне он является первым по величине городом страны, насчитывающим свыше двух миллионов жителей.

Босфор и бухта Золотой Рог (Халич) делят город на три части: собственно Стамбул — старый город, расположенный на месте бывшего Константинополя между бухтой Золотой Рог и Мраморным морем; Бейоглу — по другую сторону Золотого Рога, и Ускюдар — на азиатском берегу. Берега бухты Золотой Рог соединены двумя разводными понтонными мостами (Галатским и Ататюрка); на Босфоре действуют паромные переправы, имеется парходное сообщение.

Владимир Михайлович Алексеев рассказывал, что в промышленности города ведущими отраслями являются текстильная (хлопчатобумажная, шерстяная, трикотажная), пищевая (мукомольная, консервная, спиртоводочная). Имеются также предприятия машиностроительной, судостроительной, химической и других отраслей промышленности.

Он заметил, что политическая ситуация является сейчас сложной. Чувствуется давление американцев. Но народ в целом хорошо относится к нашей стране. Усиливается влияние прогрессивной общественности. Заметно стремление возродить традиционный курс Ататюрка. Советский Союз неизменно оказывает политическую, экономическую и культурную помощь стране*.

В Стамбуле Федор Иванович и Иван Николаевич Трушин завтракали и обедали обычно вместе. В 8 часов утра они заходили в маленький бакалейный магазин, хозяином которого был пожилой турок, и там брали по порции кислого молока, а Иван Николаевич, кроме того, булочку белого хлеба. Вообще, хлеб он заказывал ко всякому блюду.

— Салам алейкум! — говорили они, входя в магазин. Хозяин с улыбкой отвечал: «Ва алейкум ассалам!» И не говоря далее ни слова, подавал две банки кислого молока.

* См. Совместное советско-турецкое коммюнике. («Правда», 22 ноября 1969 г.) Визит Дживдета Суная был первым случаем в истории советско-турецких отношений посещения СССР главой турецкого государства.

Потом они отправлялись в маленькую кофейную, хозяином которой был югослав. Один заказывал кофе с молоком, а другой — большой стакан крепкого чая.

Обедали чаще всего в одном небольшом ресторане недалеко от площади Таксим. В центре этой площади возвышается монумент, посвященный героям войны за независимость Турции (1919—1922).

13 сентября поздно вечером рейсовым самолетом вылетели на Анкару, а оттуда — в Москву.

12. МИССИЯ ДОБРА

Летом 1973 года Федор Иванович отметил свое семидесятилетие. В Институте международных отношений, где он проработал много лет, состоялось чествование юбиляра. Были многочисленные устные и письменные поздравления от МИД СССР, Советского комитета защиты мира, Комиссии международного права ООН, от советских и иностранных ученых, друзей и коллег. Поздравил его лично и генеральный секретарь ООН Курт Вальдхайм. Он писал: «По случаю вашего 70-летия хочу выразить мои самые теплые поздравления. Ваши качества выдающегося ученого и юриста-международника широко известны и по достоинству высоко оценены международным сообществом».

Юбиляр был награжден Орденом Октябрьской революции. Эту высокую награду ему вручил от имени Президиума Верховного Совета СССР заместитель министра иностранных дел СССР Н. М. Пегов.

Федор Иванович шутил: «Итак, наш герой вступил в общество «долгожителей»... Естественно, деятельность его несколько сужается. Таков неумолимый закон бытия. Но все же жизнь его продолжает быть весьма интенсивной. Руководит кафедрой, деканствует, состоит членом четырех советов, а в двух из них — председательствует. Является членом двух партбюро. Выступает по радио, в газете «Известия», был делегатом советской конференции сторонников мира.

Читает лекции, руководит аспирантурой, ведет научную работу и т. п. Дал письменные отзывы на ряд докторских диссертаций. Сдал в печать в качестве соавтора и ответственного редактора учебное пособие. Опубликовал в БСЭ статью о Международном Суде.

В институте международных отношений, где он продолжает работать, за последнее время произошли важные события — пришел новый ректор. Институт отметил свой юбилей.

Состоялся торжественный вечер в Колонном зале Дома Союзов. На стендах выставки — научные достижения института, в том числе ряд работ Федора Ивановича. Сидя в президиуме, он испытывал волнующие чувства. Этот великолепный и прославленный зал всегда производит на него огромное впечатление. Много раз он бывал здесь. Но всегда как бы впервые. Волна воспоминаний нахлынула на него. Да, все-таки жизнь проходит.

Иногда ему становится как-то не по себе... Однажды, будучи на даче в Балашихе, он испытал такое же волнение. И пока бродил по лесным тропкам, сложились как бы сами собой стихи:

Листва покрылась желтизной
И падает шурша.
Тот звук внизу и надо мной,
Звенит в моих ушах.
Неужто прошлого так жаль?
Тоскую о былом?
Не осень, нет, — моя печаль,
То грусть — во мне самом...

Под влиянием этого минора и пришло вдруг решение: подать в отставку, уйти с поста декана международно-правового факультета. А чем кончилось? Ректор уговорил его не делать этого. Более того, Фе-

дор Иванович был переизбран на новый пятилетний срок руководителем кафедры международного права.

Итак, жизнь продолжается и работы с годами ничуть не становятся меньше.

В июле Федор Иванович и Алина Алексеевна отметили золотую свадьбу. Решили устроить «свадебное путешествие» — и отправились в Мураново, где бывали не раз. Этот уголок Подмосковья — одно из любимых мест. В Мураново, расположенное километрах в пятидесяти от Москвы, идет хорошо асфальтированное и живописное автомобильное шоссе.

Вот на пологом холме, спускающемся к задумчивой запруде миниатюрной речки Талицы, показался знакомый двухэтажный дом. Построенный поэтом Евгением Баратынским еще в самом начале XIX столетия и перешедший потом к Ф. И. Тютчеву, дом этот стал музеем. Сейчас второй этаж был закрыт для посетителей. Поэтому осматривали только комнаты первого. Но и «здесь бывшее чудно вест обаянием своим». Анфилады мурановского дома приводят к шкафам книг на многих языках, к письменному столу, в уютную зеленую гостиную, в небольшую столовую, в спальню к кровати, на которой скончался Ф. И. Тютчев, к старинным портретам самого поэта и близких ему лиц. Как известно, много лет Тютчев отдал дипломатической службе. Не раз в лирической форме выражал свои мысли, немало строк посвятив тем, кто изображен на этих портретах...

А лето между тем шло на убыль. Август Федор Иванович провел в Балашихе. Погода не баловала в тот год москвичей — частые дожди и в городе, и в его окрестностях. На даче — довольно сыро, и поэтому почти не было ни ягод, ни фруктов, ни овощей.

Зато трава своею буйной пышностью радовала глаз и делала весь огромный участок весьма живописным — и это тем более было заметно, что он становился все запущеннее, с каждым годом все больше и больше зарастая... Вон сколько выгнало за одно лето юных отростков старое дерево.

И крона орешника так разрослась в излюбленном уютном уголке, что там можно спокойно скрываться от дождя.

А вот и самое памятное место, к которому Федор Иванович подходит с особым волнением. Здесь когда-то стоял крепкий дубовый пен, который в дни, когда собирались гости, был и столом, и «шашлычной»... Но уже давно он истлел и, казалось, жизнь от него ушла навечно. И вдруг Федор Иванович заметил, что на месте истлевшего пня появилось несколько крохотных побегов... Значит, корни живы — и отдают свои соки новым деревцам. Растрогало это Федора Ивановича до слез. И о себе он подумал с каким-то внутренним спокойствием и удовлетворением: жизнь прожита не зря — и если в мире хоть чуточку стало надежнее и спокойнее жить, есть в этом и его доля труда.

Итоги обнадеживающие. Хотя итоги подводить он не спешит... Впереди — новые заботы, очередные дела. И, как прежде, занятия, лекции, семинары, руководство аспирантурой... Впереди — работа, которой он посвятил свою жизнь, которая была неотделима от жизни всего советского народа, ибо жил он всегда его интересами и заботами, отстаивал и защищал интересы своего народа, своей Родины — Союза Советских Социалистических Республик. И теперь, с высоты восьмидесятилетнего возраста, Федор Иванович понимает и гордится тем, что вся его жизнь, коммуниста и дипломата, ученого, просто советского гражданина — это миссия добра и справедливости. И он верит, что добро и справедливость, в конце концов, восторжествуют на земле. Ибо добро и справедливость — это главная суть жизни всего человечества. А значит — и суть его жизни.

Козлова Людмила Максимовна окончила Томский университет. Работала учителем в сельской школе, инженером, научным сотрудником. Стихи ее публиковались в краевых газетах, в альманахе «Алтай», в коллективных сборниках.

Автор книги стихов «Дикая мальва». Живет в г. Бийске.

Людмила КОЗЛОВА

ВСЕМУ ДАЕТСЯ СРОК

ИВОЛГА

— Дед, что иволга спрашивает?
— Она спрашивает:
«Никиту видел?»

— Никиту видел! — спросит
и замолчит опять.
Никита травы косит,
Никиту не видать.

А травы перевиты —
высоки и густы.
Ложатся за Никитой
в линейчку ряды.

Чабрец, тимьян, дивина
сверкают от росы.
То розовым, то синим
плеснет из-под косы.

Оглянется Никита —
нигде не вперекос.
Остра коса, отбита.
Хорош его покос!

Работа — и ни слова!
Всему дается срок.
— Никиту видел? — снова
знакомый говорок.

Да вон он, твой Никита,
плечистый и прямой,
по тропке возле жита
торопится домой.

А птица-непоседа,
скрываясь в гуще крон,
сказала напоследок:
— Никита! Точно он!

* * *

Облезлые белки на рыжей сосне.
Лиловая яблоня в гроздьях цветов.
Последние сутки буянить весне
под песни кукушек
и пестрых дроздов.

У клена упругое юное тело
трехпалой листвою прикрыто чуть-чуть.
Как много, весна,
ты еще не успела!
Но кончен зеленый
и солнечный путь.

Жарки да пионы,
да лилий поляны
закрыли дорогу июньским ковром.
Весне светлоглазой
и больно, и странно
смотреть, как темнеет листва,
покаянно
смыкаясь под небом тяжелым шатром.

В ЧУЖОМ ГОРОДЕ

Вокзал, киоски, папиросы
да чай с краюхой пирога.
Вдруг оказались носом к носу
два стародавние врага.

Они смотрели друг на друга,
держа в руках остывший чай.
С оттенком странного испуга
вдруг поклонились невзначай.

Улыбка, голос удивленный,
слегка запутанная речь.

Яненко Станислав Степанович родился в 1947 году. После окончания школы учился в Иркутском университете. Долгое время работал в Заполярье, в газете «Советское Заполярье», затем в оленоводческом совхозе. Автор двух поэтических сборников «Сентябрь», «Завтрашняя память». Живет и работает в Барнауле.

Станислав ЯНЕНКО

ОСТАЕТСЯ РАБОТА

ГОД 1983. ГАЗЕТЫ

Как перед той
большой войной,
идут газеты к адресатам,
как будто бы с передовой:
потери, высадки десанта.

Среди обычной тишины,
среди мирских благополучий
ползучий холодок войны
ожжет как самый крайний случай.

Берут Бейрут. И В Чаде чад
войны интервенционистской.
И фотографии кричат,
и где-то вновь кричат нацисты.

Века Земля копила боль.
И вместе — соки материнства.
Но состраданье и любовь
так хрупки перед злом убийства.

И не понять, и не простить,
покуда сердце не остыло...
Тебе, Земля, цветы растить.
Зачем же ты убийц взрастила!

Напалм и кровь
в столбцах газет.
Что новый принесет рассвет!!
И снова третья полоса,
как фронтовая полоса.

СТАРЫЕ ФОТОГРАФИИ

Сирень под окнами повяла,
отпыхала, отцвела.
Лихое время миновало.
Шальная молодость прошла.

Переболев и успокоясь,
оглядываешься назад —
прошла любовь, как скорый поезд,
лишь рельсы тоненько звенят.

Забуду старые обиды,
прощу случайные долги.
Недавней юности обеты,
как вы сегодня далеки!

Что, право, нынче делать с ними!
Так изменилось все кругом.
Уже на старом фотоснимке
себя не сразу узнаем.

И только память, только память
нас озарит еще подчас,
как бы колеблемое пламя,
не потухающее в нас.

* * *

Любимая, спи!
В этом мире тревожном,
на стыке столетий такие ветра.
Остаться спокойным
на них невозможно:
остынь,
позабудь обо всем до утра.

Любимая, спи!
Пусть тревоги и боли
отпустят, уйдут
хоть на миг — далеки.
Пусть нынче приснится
зеленое поле
и белая лошадь
у синей реки.

Жилось как умелось.
Я совесть не прятал.
Я весла ломал
и терял якоря.

И все-таки вместе,
и все-таки рядом,
покуда окно
не затеплит заря.

Как нянька и сторож,
теплом и любовью
тебя заслоню я...
Любимая, спи!

А ты просыпаешься
с болью в надбровье:
— Какие тревожные
видятся сны...

* * *

А все-таки жизнь эта, брат мой,
наверно, не даром дана.
Я самой суровою дратвой
пришит к ней до смертного дня.

Ты слышишь, опять выкликает
она на рассвете меня.
Какая была — никакая,
а вся до крупницы моя!

Какая была — никакая,
до крови стирала плечо,
давила, а только не хаю,
на завтра надеюсь еще.

Покуда горит, не сгорая,
нам, право, не стоит пенять.
А кончится... И умирая,
я буду ее вспоминать!

* * *

Старый дом перестроен давно.
Лишь стволы постаревших черемух
в равнодушное смотрят окно
невозвратно чужого мне дома.

Я сюда приходил не дыша,
с тихой улочки по соседству.
И куда-то взлетала душа,
и частило взволнованно сердце.

Сколько лет я сюда не хожу.
А сегодня, наверно, забылся...

Посторонний, курю и гляжу,
отстраненно, без цели и смысла.

Это осень отречься велит
от всего, что дарило нам лето.
Вот и сердце уже не болит,
лишь саднит в губах сигарета.

Серый пепел на месте огня.
Даже сердце уже ознобило.
Как любили. Как ждали меня.
Как встречали... Когда это было...

* * *

...Пора приниматься за дело...

А. Блок

А когда остывают заботы
о деньгах, престиже, о славе,
остается работа. Работа.
Все она пережжет, переплавит.

Перемелет своим постоянством,
переможет любую проруху,
и откроется новым пространством,
и поддержкой усталому духу.

Видно, время... Пора приниматься...
То, что прожито, — переитожить.
Пересилить себя. И собраться.
Дело — лечит. А время поможет.

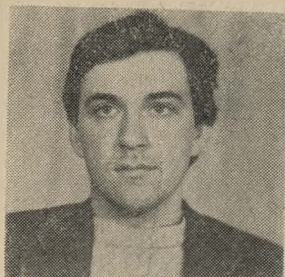
* * *

Трудно признаться, а все-таки надо...
Видишь, и забереги взялись.
Темной реки ледяная преграда
располовинила надвое жизнь.

Там, за рекою, — не докричаться —
юноша смутный палит костерок,
а в патронташе надежда на счастье,
воля дорог и неволя дорог.

Мне б перебраться, чуток обогреться...
Некому плавить забытый паром.
Можно бы вызвать — и верное средство —
жалко истратить последний патрон.

Вот и стою над рекою недужной,
дрогну всю ночь на пустом берегу.
Старый патрон, ненадежный, ненужный,
сам не пойму для чего берегу.

Бажан Николай Иванович живет в с. Хлопунове Шипуновского района. В двадцать пять лет он лишился зрения. Это не сломило его. Он пробует свои силы в поэзии, работает много и упорно. Вот что пишет о Николае Бажане в статье «Муки музыки» Андрей Вознесенский (собр. соч., том 2): «Для него поэзия стала способом жить, выжить, ощущать мир... Здесь поэзия стала шестым чувством, через которое человек физически воспринимает жизнь, стала жизнью без метафоры. Не знаю, сложится ли Николай в профессионального поэта, но он живет поэзией».

Николай БАЖАН

ТЕПЛО В ОБЫЧНОМ, ЗАДУШЕВНОМ СЛОВЕ...

ТЕЛЕНОК

Неуверенность гнущихся ног,
как в ботиночках, в мягких копытах,
в нашем доме живой уголок
от метелей и вьюг под защитой.
И Сережка губу закусил:
«Кто ты! Может быть, младший братишка!
Может, азбуку ты изучил!
Что ты тянешься к маминим книжкам!»

* * *

Ступив ногой в смеющийся ручей,
открою в лес заветную тропинку
и муравья шутя спрошу: «Ты чей!»,
как будто взвешу на руке хвостик.
От свежести деревьев задохнусь
и вдруг пойму, о чем кричат сороки...
Такая непридуманная грусть
в лесу, где осень робко моет ноги.
Напевы здесь из листьев ветер тклет,
здесь сказка перепутала тропинки,
здесь над тугой струной прозрачных
вод
мерцают золотые паутинки.

* * *

Я это видел, может быть, во сне:
костлявый дождь всю ночь ходил
по крыше,
и листопад лисицей ярко-рыжей
метался в незашторенном окне.
Скрестил я молча руки на груди...
Ты уходила гордо, без оглядки
по листьям, что лежали, как заплатки,
на всем, что оставалось позади.

4 «Алтай» № 1

* * *

Я живой и уже неживой, ...
это зреет в сознание подсудно:
с нераскрывшимся парашютом
я лечу на свиданье с землей.
На излете, в последний момент,
взвился вверх белый купол спасенья,
я дышу, вижу, чувствую землю —
без нее меня попросту нет.

* * *

Тепло не в роскоши, не в золоте, увы,
тепло в обычном, задушевном слове,
что положу любимой в изголовье,
как коврик, вытканый из летней синевы.
Тепло души не купишь за рубли,
приходит, чтоб исчезнуть безвозвратно,
на миг согрев улыбкой виноватой
все то, чего сберечь мы не смогли.

* * *

Такой был снег — он таял на ресницах,
он таял на обветренных губах,
хотелось вместе с ним, смеясь,
кружиться,
но ты упала, к встрече сделал шаг.
И на ладонях зимушки-горбуни,
ждала меня, открытая ветрам.
Снежинок быстрых тающие пули
водой стекали по твоим щекам.
И было жарко на снегу горячем,
и кто-то сыпал с неба снег сплошной,
сквозной, мгновенный, чистый,
настоящий,
а сердце тихо наполнилось весной...

Прутковский Эдуард Эдуардович родился в 1948 году в деревне Вологы на Случчине в Белоруссии. Служил в Советской Армии на Алтае, где и остался жить после демобилизации. В альманахе «Алтай» дебютировал в 1976 году рассказом «Цанка». В 1979 году в альманахе опубликовал повесть «Дела — делишки». Окончил омскую Высшую школу милиции. Живет в селе Солтон, исполняет обязанности начальника райотдела милиции.

Эдуард ПРУТКОВСКИЙ

ВАМ СЛУЖУ, ЛЮДИ!

ПОВЕСТЬ

Серый дождь стучал в окно моего кабинета. За стеклом — голые, осклизлые ветви деревьев, потемневшие от долгих дождей дома и заборы, одинокая мокрая собака на улице, вид которой, сиротливый и бесприютный, нагонял тоску смертную. Да, поздняя осень — не самое веселое время года. В такую погоду хорошо, наверное, сидеть у теплой печки и читать про любовь. Даже над бездарной книжкой прослезиться. Если доживу до пенсии, начитаюсь вдоволь. С утра до вечера буду читать. Без перерыва на обед. Хотя мне до пенсии — как до генеральского звания. Начитаться-то начитаюсь, да книжки в библиотеке стану просить уже иной тематики: все больше воспоминания военачальников. Про любовь, однако, будет уже неинтересно, пенсионеру-то. Вот какие дела...

Причина моего пасмурного настроения крылась не только в погоде. Я думал о Пашке, моем друге, несколько дней назад погибшем при задержании вооруженного преступника. В тот вечер мы с ним собирались в кино. Время в запасе было, и я решил заскочить на межгородку, переговорить с мамой. А Пашка, беспокойная душа, забежал в отдел, узнать обстановку. Дежурный с дружинниками выехали на семейный дебош, Пашка и остался посидеть. И тут звонок из управления: снять с поезда бандита. Пашка никого ждать не стал, пошел один...

Теперь в Ленинской комнате замполит прикрепил еще один портрет сотрудника, погибшего при исполнении служебных обязанностей. Их уже четыре: Петр Быстров — 1927 год, Иван Мазаев — 1936 год, Исая Романов — 1946 год. И Павел Костров — год нынешний. Три пожелтевших от времени фотографии и совсем новая — моего друга Пашки.

Дождь все не перестает. Небо, кажется, опустилось до самых крыш. Настроение — хуже некуда, но я одергиваю себя. Нет, надо работать, только в работе можно забыть, ни в чем больше. Раскрываю папку и перебираю лежащие в ней бумаги. Указания из УВД складываю слева от себя, заявления граждан — справа. Пробегаю глазами заявления. Их сегодня немного — три. Поначалу не могу уловить смысл: перед глазами маячит фигура бандита с опасной бритвой в руке. Надо заставить себя мобилизовать все внимание и работать, работать...

В милиции я уже шестой год, три из которых служу в уголовном розыске. Все эти годы я ежедневно сталкиваюсь с чужой бедой, которую таят в себе эти листки с надписью в правом верхнем углу: «начальнику милиции». Сверху же, но слева, обычно резолюция: «Королько-

ву В. И.». Это мне, старшему лейтенанту, инспектору уголовного розыска. Если бы собрать все заявления, что получил я за пять лет, и подшить их, получилась бы толстая книга человеческого горя.

Стучит дождь в окно, я читаю заявления граждан и думаю о слезах людских. О слезах Пашиной матери, потерявшей в мирное время единственного сына. О слезах Тани, Пашиной девушки, о скупых слезах Пашиных товарищей на похоронах. Я вспоминаю слезы больной старушки, у которой хулиганы разворотили поленицу дров. Много еще в мире слез...

Звонит внутренний телефон, и мягкий голос дежурного Василия Николаенко сообщает, что меня вызывает начальник райотдела. Лицо у Николаенко молодое, женственное, кругленькое, с пушком. Меж собой его ребята Васяткой зовут, а у Васятки — двое пацанов.

К начальнику иду с тревогой. Вызов через дежурного обычно ничего хорошего не сулит. Пока шагаю по коридору, перебираю в уме худшие варианты: кража из магазина где-нибудь у черта на куличках, квартирная кража в райцентре или угон машины. Хорошо хоть осень покончила с угоном мотоциклов и мопедов. Как говорится, нет худа без добра.

У шефа сидит старший инспектор Баламатов. Увидев его, я теряю остатки настроения. Хотя он и мой непосредственный начальник, а не лежит у меня к нему душа. Станный он, мягко выражаясь, человек. Об одном и том же разным людям по-разному скажет. Начальству так, чтобы похвалили, подчиненному — чтобы позавидовал; постороннему — чтобы посочувствовали. Еще Баламатов великий мастер сделать из мухи слона. Выедет на пустячный вызов, скажем, гвозди из колхозного склада утащили; цена им — рубль, да и заранее известно, кто утащил, но Баламатов на планерке так распишет трудности, с которыми ему пришлось столкнуться при раскрытии кражи — рот раскроешь от зависти к его оперативному мастерству. Но, по-моему, шеф давно раскусил его и не всему верит.

Увидев меня, Баламатов вскочил с места, за руку трясет. Не могу понять, с чего бы это. Начальник Игорь Кириллович улыбается, откинувшись в своем зеленом кресле.

Наконец до меня доходит: мне дали квартиру. Забыв про Баламатова, благодарю начальника.

Возвратившись к себе, нетерпеливо хватаю телефонную трубку, набираю номер.

— Вас слушают. — Это голос Светкиной начальницы. Злая, как все старые девы. Очень ей не глянется, когда ее подчиненным сотрудницам звонят представители мужского пола. Как можно ласковей, с долей угодливости, прошу пригласить Голубкину. Я не вижу, но знаю, что лицо Светкиной начальницы далеко от доброжелательности, однако вскорости слышу нежный голосок:

— Привет! У тебя что-то стряслось?

— Примерно, — таинственно отвечаю я.

Светка дышит в трубку, ждет дальнейших объяснений.

— Может, ты все-таки скажешь? — не выдерживает она.

— Скажу. Квартиру выделили.

Потрясенная Светка некоторое время молчит.

— Поздравляю, — выговаривает она со вздохом. — Теперь ты жених с квартирой. Наверное, женишься скоро?

— Женюсь. Как найду невесту.

— На свадьбу-то пригласишь? По старой дружбе.

— Ну если уж по старой дружбе, тогда ладно. Что делаешь вечером? Не занята?

— Приходи уж, — слышу в ответ, — курицу купила.

— Это здорово! Люблю все домашнее. Столовка надоела хуже горькой редьки. За мной шампанское.

— Раскошешься, раскошешься.

— Придется. Куда деваться, — с наигранным сожалением говорю я и кладу трубку.

Рядом стоит Баламатов. Хитрая улыбка бродит по его лицу, глаза горят от удовольствия: как-никак подслушал. Вот только не знает, с кем был разговор, а знать ему, видно, хочется до чертиков. Ну человек...

* * *

В субботу я с помощью Валерки Никанорова, моего младшего товарища по работе, перебираюсь в двухкомнатную благоустроенную, окнами на юг, квартиру. Квартира не в новом доме, но я и этой рад безмерно. Валерка осматривает комнаты, шумит в ванной водой, забавляется, как ребенок. Кричит так, что соседям, наверное, слышно:

— Вить! Гляди, телефон!

— Ты что, телефона не видел?

— На работе — это одно, — возбужденно говорит он, — а дома — совсем другое. Лежи себе на диване и говори с кем хочешь.

— Особенно ночью с дежурным, — подхватываю я.

Валеркино веселье передается и мне. Мы расставляем по комнатам мои нехитрые пожитки и без умолку болтаем.

Позже приходят ребята. С невероятным шумом втаскивают кухонный стол — подарок на новоселье. Толя Белокуров за этим столом произносит речь. Белокуров — начальник следственного отдела, человек, в общем, немногословный, но по случаю юбилеев всегда произносит речь. Невысокий, большоголовый, важности — как у министра. Но вот кончается речь, и все поднимают стаканы с шампанским.

— За тебя, Виктор!

— За квартиру!

— За будущих детей!

— За счастье!

Все поздравляют меня. Какие они все мне близкие! Вообще, хороший у нас коллектив. Особенно дружны между собой оперативные работники и следователи. Службы уголовного розыска, БХСС, следователи расположены в одном крыле здания, да и на происшествия выезжаю то с одним, то с другим.

И снова поднимаем стаканы.

— За Пашку. За светлую память о нем.

Суровеют лица моих друзей. Молча выпиваем и садимся кто где. Почти все закуривают, я открываю форточки.

Васятка вдруг налил себе полстакана водки, выпил залпом и тяжело поставил его на стол, стукнув доньшком.

— Все, ребяташки, ухожу в народное хозяйство. К чертовой матери! Не могу больше!

— Перебрал, что ли? — насмешливо спросил Белокуров.

— Как подумаю, что мои детишки останутся без отца...

Белокуров перебил:

— Не уважаешь ты нас, Васятка. А как же наши дети? У одних они уже есть, у других, — кивнул на меня, — будут.

— Не знаю как вы, а я — все! — отрешенно махнул тот рукой.

— Ну что же, — медленно проговорил Белокуров, — уйти каждый из нас может. Нас силой в милицию не тащили, и держат тут не насильно. Сами пожелали.

— Струсил Васятка, — усмехнулся Никаноров.

Васятка окинул всех печальным взглядом, сгорбившись и разом постарев, подошел к Никанорову, поглядел на него укоризненно, но ничего не сказал. И ушел, осторожно прикрыв за собой дверь.

— Жаль, если уйдет на самом деле, — произнес вполголоса Рябиков. — Все-таки девять лет. Опыт большой.

— Вот тебе и Васятка, — задумчиво проговорил Белокуров. — Опыта нажил, а характера не хватило, сломался. — Вдруг взглянул на Никанорова. — Слушай, Валера, ты почему в милицию пришел? Только откровенно, тут все свои.

— Да как бы это сказать... — замылся тот. — Можно сказать, случайно. Демобилизовался из армии, а специальности — никакой. Пришел в райком комсомола, думаю, может, там помогут. Поглядели на меня: здоровый, грамотный. Ну и предложили в милицию.

— Не жалеешь теперь?

— Нет, — засмеялся Никаноров. — Нормально. Мужская работа.

— Насчет мужской работы ты это верно, — кивнул Белокуров. — Защищать покой и человеческое достоинство — удел мужчин. Так будем мужчинами в любой ситуации. И по-мужски помянем Пашу Кострова. Без лишних слов и лишних слез. Он погиб как боец. Будем и мы бойцами... — Белокуров виновато взглянул на меня. — Омрачили мы, Виктор, тебе новоселье. Не сердишься?

— Паша был мой друг.

— Знаем. Будь достойным друга.

* * *

Зима пришла неожиданно, сразу. Сыпанула с утра снежная крупка, после обеда снег повалил уже хлопьями, и к вечеру кругом побелело. После надоевших осенних дождей дышать стало легче, да и работы поубавилось. По опыту уже знаю: зимой преступность снижается почти вдвое. В районе тридцать населенных пунктов и самый ближний от райцентра — в пятнадцать километрах. В весенние, летние и осенние месяцы люди почти все на полях, на фермах. В селе днем — никого. Другой раз сотню километров намотаешь, пока разыщешь свидетеля или потерпевшего. Зимой же можно позволить себе вызвать нужного человека повесткой. Да, зимой нам, милиции, полегче. Снижается преступность, жаль вот только, не кончается совсем. Придумать бы такой сезон месяца на два в году, когда вообще бы никто не нарушал закон! Да что два месяца, хотя бы месяц. Мы бы всем райотделом уходили в отпуск, и дела бы за наше отсутствие не копились. Благодать бы какая была! Мечты, мечты... где ваша сладость?

У кабинета меня ждет девушка. Веснушчатая и большеротая, одетая бедновато, покрашенная не в меру, даже вызывающе. Не могла, мол, взять модной одеждой, взяла краской. Но стоило мне увидеть ее глаза, и я понял: сидела. Я уж давно заметил, что, если человек побывал в местах лишения свободы, попросту — в тюрьме, это накладывает на него какой-то особенный отпечаток. Он может одеться как угодно, пусть даже с шиком, вести себя непринужденно, но глаза его выдадут. Что-то в них такое запечатлевается надолго. Боль ли это, вина ли, а может, что другое, но отпечаток остается.

Открывая дверь, я заметил на левой руке посетительницы, на большом пальце, наконку в виде буквы «Т». Тюремная мода...

— Я к вам на беседу, — сказала девушка, заходя следом за мной и протягивая справку об освобождении.

— Садитесь, — приглашаю ее и беру справку. Ярушева Антонина Алексеевна, двадцать два года, судима за воровство. Перед этим была уже судима за кражу личного имущества. И так, двадцать два года и две судимости за плечами. Почти пять лет потеряла из жизни за две ходки. Не много ли для нее? Освобождена условно-досрочно на пять месяцев четырнадцать дней.

Гляжу посетительнице в лицо и неожиданно нахожу, что девушка она довольно привлекательная. Глаза у нее синие, да вот взгляд нехорош, затаенный какой-то, внешне безразличный. Не по колониям бы ей мотаться, а выйти замуж за доброго парня да рожать ребятшек,

— Так о чем будем беседовать? — начинаю я.

Она оживает:

— Как о чем? О том, что воровать — плохо, а жить честно — хорошо. Не мне вас учить.

Расстегнув зеленое дешевое пальто, она закинула ногу на ногу и, не спросив разрешения, закурила. Ноги у нее стройные, вот только сапожки давно из моды вышли. Видать, до тюрьмы еще купила и поносить не успела.

— Вот видишь, — улыбаюсь я ей дружески, — ты и сама все знаешь. Чего же мне тебя воспитывать?

— А ты повоспитывай. Ты же обязан, — говорит она и с вызовом смотрит мне в лицо.

«Маху я, однако, дал, что начал с ней на «ты», — запоздало покаялся я. — Она этим сразу и воспользовалась. Не берет во внимание, что перед ней — милицкий офицер в форме да еще в своем служебном кабинете. Строит глазки, как своему ровеснику. Кто зайдет — стыда не оберешься».

— Ну вот что, — говорю я, начиная сердиться за ее бесцеремонность, — иди в девятый кабинет. Там участковый инспектор, пусть он тебя и повоспитывает, а мне некогда.

Протягиваю ей справку. Она делает недовольную гримаску и демонстративно откидывается на спинку стула.

— Этот из девятого кабинета куда-то уехал, — говорит она, и я вспоминаю, что Дима Хлопотов — на сессии в университете.

— Подожди, когда вернется, — советую я.

— Мне некогда ждать, — отрезает она, устраиваясь на стуле поудобнее. — Мне надо сейчас. А то вдруг испорчусь.

Звонит внутренний телефон.

Снимаю с облегчением трубку.

— Слушаю, Корольков.

— В Озерках кража из магазина! — кричит в трубку помощник дежурного Лисковец. — Выезжают Белокуров и вы.

Кража из магазина — это плохо. А учитывая конец года — плохо вдвойне.

— Вот так, Антонина Алексеевна, — говорю я с ноткой назидательности в голосе. — Некогда мне беседовать. Еду на кражу. Понимаешь? — Достаяю из сейфа пистолет, проверяю обойму — полная. Несколькими щеголевато кладу пистолет в кобуру, застегиваю, мысленно отмечая, что рисуюсь перед этой девчонкой. Ну да пусть знает наших! — Воспитывать, конечно, важно. А ловить — важнее. Уж не обессудь. — И показываю ей рукой на дверь.

— Я подожду, — миролюбиво соглашается она, направляясь к двери.

— Так тебе же некогда. Ты же испортишься, если тебя тотчас не повоспитывать. Впрочем, зайти в отдел напротив. Там сидит хороший милиционер, он повоспитывает.

Она обернулась у порога:

— Хочу, чтобы вы.

— Понравился, что ли?

— А может, понравился.

— Вот ты какая! — смутился я. — Иди в отдел напротив. Мир не без добрых людей.

В коридоре сталкиваюсь с Баламатовым и благодарю судьбу, что не вошел он во время этой странной беседы. Баламатов взбудоражен. Он берет меня за локоть и напутствует:

— На тебя вся надежда, Корольков. Сам понимаешь, конец года. Если дело повиснет... Процент раскрываемости...

— Буду стараться, — отвечаю, как и положено отвечать начальству. — Сделаю все, что смогу.

Белокуров ждет меня в дежурной части. В руках у него оперативная сумка, фотоаппарат. Быстро выходим.

Во дворе, у готовно гудящей машины, начальник райотдела. Он открывает перед нами дверцу, будто провожает почетных гостей и, дождавшись, пока мы усядемся, говорит:

— Возвращайтесь с удачей. И целыми...

Молодец Игорь Кириллович. Умеет сказать просто и душевно.

* * *

Дорога в Озерки неблизкая. Да и какая дорога — тридцать шесть километров сплошного бездорожья. Диву даемся, как только машина выдерживает. Однако вскоре свыкаемся с ухабами, и я начинаю думать о краже в Озерках. Из ранее судимых магазинов мог взять разве что Цыганков. Больше в этом селе, пожалуй, некому. Петрушин не должен. Женился, ребенок ждет. А если Дегтярь? Дегтярь сам не пойдет, но навести кого-нибудь может. Могли и из Горелого наведаться. Там напрямик, через лес, километров семь, не больше. Правда, в Горелом судимых за кражи нет. Разве из молодых кто рискнул? Только бы не приезжие, не гастролеры. Если магазин взяли гастролеры, до Нового года кражу вряд ли раскроем. Осталось-то восемь дней. Мысленно я прошу всех богов, чтобы вор был из местных.

Белокуров, наверное, думал об этом же. Поймав мой взгляд, спросил тихо:

— Есть какие-нибудь наметки?

Ответить не успеваю. В разговор вклинивается шофер Юра Чубатов, отличный водитель и человек:

— Поймаем вора — в наказание заставим дорогу ровнять.

— Если бы все пойманные ровняли дороги, у нас бы в районе кругом уже был асфальт, — усмехнулся я.

— Вот и беда, — засмеялся Белокуров, — украли у нас в районе, ловит наш райотдел, а их после суда отправляют работать в другие места. А из других мест нам своих не шлют. Несправедливо, а, мужики?

Подхватили шутку, начали ее всяк переиначивать по-своему, и повеселели маленько, и дорога уже не казалась такой тряской, и затеплилась в душе надежда, что поймаем мы воров, никуда они от нас не денутся. Как бы то ни было, а раскрываемость у нас лучшая в крае, потому что ребята наши — бойцы.

И вдруг перед глазами встала Ярушина, та девица, что просила повоспитывать ее. И увидел весь наш с ней разговор в новом свете, так что совестно стало. Ну, ошиблась девка, понесла наказание, освободили досрочно. Она теперь в растерянности: как начинать новую жизнь? Куда устроиться на работу? Да и возьмут ли, куда хочет? Не всякий администратор решится судимого взять. А вдруг старые дружки на дороге встали и сворачивают с пути истинного? Может такое быть? Вполне. Вот и пришла посоветоваться, попросить помощи, а я начал из себя черт те кого гнуть. Надо было поговорить, расспросить, куда хочет устроиться. Может, и помог бы с работой. Да и вообще. Эх, недотепа! Ко мне пришли как к человеку, а я... Нет, надо будет увидеть ее снова, помочь девке. Петух...

К обеду прибыли в Озерки. Село это большое, на три с половиной тысячи жителей. Раскинулось оно вдоль кромки леса километра на четыре. Одна улица отдаленно напоминает плановость застройки, остальные дома разбросаны вокруг в беспорядке. Строились люди кому где нравится. Благо, земли хватало. Председатель Озерского сельсовета Лобанов как-то рассказал мне, что и этой единственной улицы раньше не было. Сплошные хутора и отрубы. И только к шестидесятым годам кое-как вывели улицу. Да и то за счет общественных зданий: конторы

леспромхоза, клуба, школы, магазинов, комбината бытового обслуживания и так далее.

Магазинов в Озерках — шесть: универмаг, продмаг, культмаг, книжный, хлебный и смешанных товаров. Вот этот «смешанный» и не дает кое-кому покоя. Только за мою службу в уголовном розыске его четвертый раз обворовывают. Сколько писали представлений руководству ОРСа, чтобы укрепили здание магазина как следует — все без толку. Непробываемо орсовское начальство. А что им? Не их личное воруют. Дома-то, у них наверняка такие замки — ни одна отмычка не возьмет.

Преступники проникли в магазин через потолочное перекрытие. Чердак, как и следовало ожидать, не был заперт. Проломив у печной трубы непрочную, прогнившую от времени и сырости доску, преступники спустились в торговый зал, где, на первый взгляд, неплохо похозяйничали. По словам испуганных продавцов, было похищено с десятков дорогих мужских костюмов, отрез трикотина, рублей сто разменной монеты и бутылок сорок коньяка и водки. Чтоб не тратиться на обмывку дела. Несомненно, вор был не один, одному такая работа не под силу.

Собрал домохозяек, живших вблизи магазина, но ничего полезного для себя от них не узнал. Как и следовало ожидать, никто ничего не видел и не слышал. Да если кто что видел или слышал, по опыту знаю, сразу никогда не скажут. Подождут, посмотрят: найдет милиция сама или нет? И уж потом, через третье лицо, чтобы не идти в свидетели, намекнут, где искать вора или похищенное. Так бывает во всех дальних селах, и психологию жителя глубинки можно понять. Все друг друга знают и боятся мести. Но это если кто-то что-то знает. Но ведь могло быть и так, что свидетелей вовсе не было. Воры стараются работать без свидетелей. В общем, придется здорово покрутиться в этих Озерках, пока выудишь что-нибудь дельное.

Пока Белокуров писал протокол осмотра места происшествия, я решил навестить Петрушина, уже отсидевшего за этот же магазин. Его я совсем не подозревал. Знал точно: парень покончил с преступностью навсегда, но он мне мог дать кое-какие нити.

Петрушин дома был один. Судя по всему, только что пришел. Умылся над ведром перед русской печью. Увидев меня, распрямылся, морщинка пролегла на высоком лбу. Радости от встречи не выказывал, да я и не ожидал ее, понимал парня.

Вытирая лицо полотенцем, Петрушин заговорил нервно:

— Не по адресу, дорогой. На этот раз — не по адресу. Если ты насчет магазина, то у меня стопроцентное алиби. Жену увез в роддом. Свидетели есть. Шофер Полосухин, к примеру. И там — медсестры. Перед утром домой воротился. Так что не повезло тебе, Корольков, — добавил он с некоторым весельем в голосе. — Извини за прямоту.

— Это ты извини меня. Мой визит для тебя — не подарок. Напоминает о прошлом. А что касается алиби, я и без алиби знаю, что ты ни при чем. Зашел, думаю, может, посоветуешь что. За советом я к тебе пришел, Николай.

— Да какой из меня советчик, — угрюмо усмехнулся тот.

— Ну, на нет и суда нет. Извини за беспокойство...

С тем я и вышел. Неловкость чувствовал перед Петрушиным, а куда денешься. Служба есть служба.

Следующий визит был к Геннадию Цыганкову, по кличке Цыганок. Тот был у себя во дворе, колот дрова. Значит, трезвый, что с ним случается нечасто. Невысокий, чернявый, глаза юркие, секунды на месте не удерживаются, все время рыскают. Черные усики, черная челка из-под собачьей шапки выглядывает. Оправдывает фамилию: здорово на цыгана смахивает. Три раза сидел и все за кражи. Ничем не брезговал: ни государственным, ни личным — что на глаза попадет.

Увидев меня, сначала замер от неожиданности, а потом расплылся в улыбке и заюлил:

— Ай-яй-яй! Вот же беда-а-а! Вот же сволочи, вот же креста на них нетути. Посреди села, гады, не побоялись магазин подломить... Пушай зальются они ворованной водкой! Пушай полопаются на них энти костюмы!

— Кончай, Цыганок, кино гнать, — оборвал я его. — Дело есть.

— Ко мне, что ли? — изумился тот уже неподдельно.

— Именно к тебе. Насчет магазина как мыслишь?

Цыганок вонзил топор в чурку и прижал левую руку к груди. Зашептал, будто кто мог услышать:

— Верой и правдой служу тебе, начальник. Гад буду, не наши это. Если б наши, я бы знал.

— И сказал бы?

— Как на духу, — стукнул себя кулаком в грудь.

— Ну а почему не ваши-то?

— Тряпки-то куда девать? Разве в огороде на пугало надеть? Водяра — это я понимаю. А тряпки?!

Я задумался. Действительно, ворованную одежду в таком селе ни сам не наденешь, ни другому не сбудешь. Для этого нужны связи с городом.

С подозрительностью прищурившись, я поинтересовался:

— Пстой, Цыганок, посто-ой... Ты откуда про тряпки знаешь?

— Дак все говорят, — развел он руками обескураженно.

— Не знаю, кто что говорит, не знаю, — продолжал я, думая, как бы ловчее зацепить Цыганка. Припугнуть, разве? — Так что тебе придется пройти со мной.

— Да ты что, начальник! — оторопел тот. — Я-то тут с какого краю? Я чист, как стекло. Чтоб мне свободы не видать! Уж не Колька ли Петрушин на меня капнул? Ты ведь от него только.

— Наблюдал, что ли?

— А как иначе? Я — человек грешный. И раз уж такое случилось, меня ты стороной не обойдешь. Это и козе понятно. До самой смерти веры не будет. Как закон.

Да, похоже, Цыганок, к краже не причастен. Уворовав столько спиртного, он вряд ли бы удержался, чтобы не выпить.

Самая трудная часть в работе по раскрытию подобной кражи — первоначальная. Мечешься из стороны в сторону, за одно хватаешься, за другое. В голове десятки версий, десятки людей приходится подозревать, и этим будут обижены многие. Это уж потом круг сужается до единиц и легче становится. Но пока круг не сужался.

До вечера я беседовал с жителями Озерок. Побывал в леспромхозе, в автопарке, в конторе. Уже стемнело, а доброй зацепки найти не удалось. Подбив итоги работы за день, мы с Белокуровым пришли к выводу, что кража — все же дело рук приезжих. Но откуда те приехали? Когда? С кем тут общались? Вопросов много, а ответов нет. Шофер маршрутного автобуса, коренной житель Озерок, утверждал, что никого подозрительного за последние три дня не привозил и не увозил. А «Москвичи» и «Жигули»? Их ведь сейчас тысячи, десятки тысяч. Приехали — уехали, никто внимания не обратит. Да и не ездят на кражу на автобусах. Ворованное при людях не повезешь.

В десятом часу собрались уезжать. Настроение — хуже не придумаешь. Председатель сельсовета Лобанов пригласил ужинать — отказались. Аппетит отшибло. У меня всегда так: когда долго не могу преступление раскрыть — стыдно становится. Не могу людям в глаза глядеть. И в горло ничего не лезет. Какой там ужин! Зарплаты не заслужил. Гнать меня надо из милиции!

— Может, есть смысл мне остаться тут до утра? — спросил я Белокурова. — Вдруг да повезет.

— Решай сам, — подумав, ответил тот. — Если останешься ты, останусь и я. Напару, так напару.

Мы сидели в «газике» и думали как быть. И в это время к машине приблизился человек, тенью оторвавшись от забора. Легонько побарабанил пальцами по стеклу.

Я распахнул дверцу, вглядываясь в лицо человеку.

— Корольков, можно тебя на минутку? — тихо проговорил тот, и голос мне его показался знакомым.

— А почему Королькова? Нас двое, — сказал Белокуров решительно. — Чего вы хотите? Говорите.

— Мне Королькова на минутку, — снова, уже раздражительно проговорил человек, и я узнал его: Петрушин. Пришел-таки...

— Подожди, я сейчас, — сказал я Белокурову и вышел из машины, краем глаза заметив, как мой товарищ сунул руку за борт шинели и как Юра Чубатов осторожно, без щелчка приоткрыл свою водительскую дверцу.

— Ты, Николай?

— Я. Давай отойдем с дороги, чтобы не мельтешить тут, — кивнул он в сторону забора, и мы отошли.

— Вспомнил я одну штуку. Не знаю, может, это и пустое, но когда мы назад из роддома ехали, то на въезде в Озерки два мужика в свете фар мелькнули. Один, вроде, наш.

— Кто? — я в нетерпении схватил его за руку. — Коля, кто?

Петрушин тяжело вздохнул.

— Да скажу уж, что теперь... Его первым-то Полосухин разглядел, шофер. Я дремал, он меня пихнул в бок. Смотри, мол, Колька, вроде как Колыбердин идет. Ему, мол, срок, вроде, дали долгий, а он уж на свободе. Под амнистию попал, ли чо ли? Да ты его знаешь.

— Знаю. Краб, — вспомнил я Колыбердина и его кличку.

— Ну. Краб. Я его тоже разглядел. Он.

Я с чувством сжал руку Петрушину.

— Вот за это, Коля, спасибо тебе. От жены-то кого ждешь? Сына или дочку?

— Пацана, — смущенно прогудел тот.

— Тогда желаю тебе, чтобы сын был. Пошел бы к твоему сыну в крестные отцы, да вот беда — неверующий. Да и ты, однако, тоже. А? Спасибо. В долгу перед тобой.

— Ладно, чего там. Извини за прием. Ну я побег...

В машине напряженно ждали.

Я залез в машину молча, хотя меня распирало от радости.

Товарищи терпеливо молчали.

Не в силах больше томиться, я легко рассмеялся и хлопнул по плечу Белокурова.

— Что ты радуешься, как теленок? — возмутился тот. — Говори быстрее, мы все испереживались. Ну?

— Краб, — сказал я одно лишь слово.

— Подожди, — не поверил Белокуров. — Он же еще там... Впрочем, по сообщению исправительно-трудового учреждения, находится на стройках народного хозяйства в краевом центре.

— Тем не менее рано утром его видели у въезда в Озерки, — торжественно сказал я.

— Ну тогда все ясно, — шумно перевел дух Белокуров и тоже рассмеялся. — Так что, пойдём к Лобанову ужинать?

— Пойдем, — сказал я. — С полным правом пойдём. Хотя и не наша тут заслуга, а Петрушина. Молодец оказался Николай, бывший мой подопечный. Юра, рули к Лобанову, — сказал я шоферу.

* * *

Я думал о Крабе так усиленно, что тому должно сейчас икаться.
— Хоть бы участковый скорее выходил из отпуска, — сказал, горестно поморщившись, Лобанов, — он бы их приструнил. А то ведь никакого укороту. Его только и боятся.

Да, к сожалению, Сережа Мельников в отпуске, а мне он нужен позарез. Участковый в Озерках всех знает. И установить, к кому в гости навевывался Краб, ему проще, чем мне. А он обязательно к кому-нибудь заходил, этот Краб, не мог не зайти. Только к кому? Может, к женщине? Надо проверить этот вариант с женщиной.

— Шерше ля фам! — сказал я громко.

— Что, что? — вытаращил глаза Лобанов.

Удивленно поднял голову и Белокуров.

— Вспомнилась одна французская поговорка «Ищите женщину», — сказал я возбужденно. И Лобанову: — У вас много в селе одиноких женщин? Вдовушек, разведенных и так далее?

Лобанов сердито засопел.

— Ты это не меня, кого-нибудь помоложе спроси. Авось, найдешь напарника.

— Да я это к тому, что Колыбердин мог зайти к женщине. Вы не знаете, с кем у него была связь?

— В обязанности председателя сельсовета не входит подглядывать, кто с кем спит, — сердито проговорил тот.

Нет, Лобанов тут мне действительно не напарник.

Помог мне внештатный инспектор, помощник участкового Гриша Окуньков. Этот молодой говорун оказался бесценной находкой. Не однажды за этот долгий вечер я мысленно благодарил его и завидовал Мельникову, что у него такой подручный. С Гришей мы быстро установили двоих подружек Краба. Одна из них, Дарья Другалева, после часа беседы подтвердила, что прошлой ночью к ней заходил Колыбердин. Был с ним мужчина, которого он называл Николаем. Они распили бутылку водки и около часа ночи ушли якобы искать трактор, чтобы вытащить их машину, застрявшую недалеко от села. Больше они к Другалевой не вернулись.

Выслушав меня по телефону, начальник райотдела сказал, что посылает в город за Колыбердиным Никанорова, а я должен еще поработать в Озерках — вдруг добуду новые доказательства.

* * *

С получением квартиры я почувствовал, что во мне прибавилось какой-то основательности, вроде как повзрослел. Когда снимал комнату у доброй, набожной бабки Лизы, казалось, что о лучшем и желать не приходится. Тепло, чисто, горячий ужин и за все это — тридцать рублей в месяц. А теперь смешно и вспоминать о бабушкиных благах. Большое дело — собственный угол, в котором ты — хозяин. Сам знаешь, когда тебе поспать, когда попеть, сколько читать, по сколько дней не мыть посуду...

Из Озерок я вернулся вечером. Вымылся, поужинал, наслаждаясь полной самостоятельностью, и тут зазвенел телефон.

Это была Светка.

— Я помешала, да? — спросила она виновато.

— Нет, нормально.

— Что делаешь?

— Помыл посуду, сейчас сяду читать.

— Про любовь?

— Представь, да.

Светка вздохнула.

— Может, в кино?

— Поздно уже, не успеем.

Странные у нас с ней отношения и неравноправные. Я в привилегированном положении, а она всегда чувствует передо мной вину. Вообще-то Светка хорошая, душевная и ласковая, я бываю с ней счастлив. Но она была замужем, оттого и неравноправие. Ее бывшее замужество меня угнетает, а ее подавляет. Никак не могу пересилить себя, сделать ей предложение, хотя и понимаю умом, что не прав. Издеваюсь над собой: как любовница она тебя устраивает, а как жена — нет? Умом понимаю, а сердце упрямится. А ведь из Светки хорошая жена будет, заботливая и понимающая. Есть у нас, мужчин, свои предрассудки и, ох как трудно с ними справляться!

— Света, — шепчу я в трубку, — знаешь, я по тебе соскучился.

Она усмехается с грустью:

— Ой, ну врет...

— Нет, правда. Приходи.

— Сейчас? — переходит на шепот и она.

* * *

До Нового года — четыре дня. Мы с Баламатовым подбили бабки и получилось, что раскрываемость у нас в этом году составляет девяносто семь и две десятых процента, что в точности соответствует показателям прошлого года. В целом я доволен своей работой, хотя несколько мелких дел переходит на следующий год. Ничего, раскроем в будущем.

Баламатов, дописав анализ состояния преступности, отложил в сторону ручку и смотрит на меня с непонятной улыбкой.

— Знаешь, Виктор, — говорит он со снисходительностью, — надо чтобы не две десятых процента значилось, а четыре. Улавливаешь разницу? Хоть на две десятых, но раскрываемость преступлений должна расти.

— Улавливаю, только это — липа.

— Чудак-человек... — Баламатов откидывается в своем кресле. — Две десятых чего? Мешков с зерном, что ли? Это же нематериальное. Воздух, эфир. Кто от этого пострадает? Зато начальству приятно, и мы во всех обзорах в числе лучших. Молодой ты еще, жизнь не научила.

— Надеюсь, этому не научит.

— Тебе не хочется быть лучшим?

— Хочется, но чтоб честно. А если каждый район припишет по две десятых, то раскрываемость только на бумаге повысится.

— Вот чудак... Да я разве за обман? Надо уметь не только хорошо работать, но и работу свою показать. А то крутились вдвоем целый год... Скажешь, плохо работали? Нас ведь трое должно быть по штату, а мы все время вдвоем были. Никаноров-то к нам перешел только что. От него отдачи почти никакой, не врубился еще как следует. Вот и получается, что год работали с двойной нагрузкой, тянули отдел, как кони. Разве я не прав?

— Прав. А с приписками я все равно не согласен.

Баламатов шумно перевел дух и отвернулся.

— Кстати, с Колыбердиным ты недоработал, — сказал он спустя минуту. — Краб уверяет, что в Озерках был один. Придется тебе еще им заняться.

— Ладно, займусь, — равнодушно говорю я и поднимаюсь, чтобы уйти к себе, но в дверях сталкиваюсь с начальником райотдела. Шеф берет меня за рукав и возвращает обратно.

Баламатов вскакивает с кресла и становится рядом.

— Ну что, Шерлоки, подсчитали свой урожай? — добродушно интересуется шеф и садится на место Баламатова.

— Подсчитали.

— И сколько же вышло?

Я было раскрыл рот, но Баламатов протянул ко мне руку.

— Поддай-ка вон ту папочку. С этажерки.

И взяв ненужную ему папку, начал:

— Поначалу я по ошибке не включил кражу пиджака из гостиницы. Помните, еще весной? И как я только пропустил ее? Пиджак мы нашли и вернули хозяину. Все честь честью. Командированный был из райцентра, солидный товарищ...

Баламатов так искренне и честно доложил о своем просчете, так красочно описал раскрытие, что я диву дался. Ему бы детективы писать, отбоя бы от издательств не было. Что же касается пиджака, то его не украли у солидного товарища, он его сам забыл в гостинице, а наша заслуга только в том, что мы на милицейской машине привезли пиджак в аэропорт хозяину.

— Вначале у нас получилось на уровне прошлого года, — заливался Баламатов, — но теперь вылезли еще на две десятых, даже три, если уж на то пошло. Но покажем две, чтоб не вылезать.

— Та-ак... — задумался шеф и повернулся ко мне. — А ты как считаешь, Корольков? Так же? Девяносто семь и четыре?

— Девяносто семь и две.

— А пиджак? — вскричал Баламатов. — Мы же вместе пересчитали. Ты что, Корольков?

— Ну ладно, — остановил Баламатова начальник. — Бумажки бумажками, а дело делом. Что с кражей в Озерках?

— Краб все берет на себя, — начал с жаром рапортовать Баламатов. — У него нашли костюм и часть мелочи. И мне кажется...

Начальник перебил:

— Когда закончите?

— Скоро. Очень скоро.

— Ладно... — начальник обернулся ко мне. Минуту помолчал. — У тебя, Корольков, какие сейчас дела?

— Кража магнитофона из клуба в Боровом, хулиганство у столовой и квартирная кража по улице...

— Все эти преступления раскрыты, — встрял Баламатов, — осталось передать следователям.

— Отлично. Значит так. Магнитофоном и хулиганством займетесь вы, Баламатов, а Корольков пусть дожжимает Колыбердина. Надо с этим делом кончать.

Начальник круто повернулся, пошел к двери. У порога замедлил шаги, обернулся.

— Так говорите, девяносто семь и две? Ну что ж, считаю, показатели неплохие. Молодцы! — И вышел.

* * *

В дверь моего кабинета робко постучали, кто-то вошел.

Я поднял голову от бумаг. Ярушева.

— Тот раз я не дождалась вас, — сказала она, улыбаясь, — вот пришла снова. Не выгоните в кабинет напротив?

— Не выгоню, — улыбнулся и я. — Садитесь, Антонина Алексеевна, садитесь. Рад вас видеть.

Она удивлена столь радушной встречей.

— Спасибо. — И тотчас устроилась на стуле напротив. Ярушева похорошела. Исчезли из глаз затаенность и настороженность, щеки порозовели. На этот раз и одета она лучше. Пальто новое, светлая меховая шапочка, джинсы. А вот краски на лице — меньше. Видно, что она лучше себя чувствует в этой одежде и нравится себе. А когда женщина нравится себе — она красива.

Я беру у нее справку об освобождении, заполняю бланк со светло-зеленой надписью наискосок — «исправление».

— Извините, — говорю я мягко, — в прошлый раз я сильно спешил и не успел поговорить. Может, помочь с работой?

— Уже устроилась. На консервном заводе.

— Нравится?

— Ага, — простодушно смеется она.

— А живете где?

— Пока с родителями. Угольная, тридцать четыре.

— Друзья, подруги есть?

— Познакомилась с девчонками на работе. В самодеятельность пригласили. Оказывается, у меня — голос.

— Вот как? — теперь удивляюсь я. — А как со старым?

«Вот черт, не то ляпнул, — сразу же укорил я себя. — Не так бы надо прямолинейно». Заметил, как улыбку Ярушевой вмиг смыло, и глаза ее дерзко сузились.

— Со старым? Намерена воровать дальше. — Она дернула плечиком и полезла в карман. Сейчас она демонстративно закурит. Но Ярушева не вынула сигареты. Неужто бросила? Надо как-то исправлять ситуацию. Улыбнулся, словно шутке. Ответил шуткой:

— Надеюсь, вы не станете этого делать в нашем районе.

— Стану. Именно ваш район я и выбрала для краж.

— Жаль, — качаю я головой. — Мне работы прибавится. Пожалейте меня, Тоня. Я еще молодой, мне и собой надо заняться, а тут работа да работа. Так и не женишься сроду.

— Не пожалею, — упрямится она, но на щеках уже обозначились ямочки от улыбки.

— Ну если не хотите пожалеть меня, пожалейте свой голос. Так хочется услышать вас в клубе. А, Тоня?

— Хитрец вы, какой хитрец, — от души смеется она. И мне кажется, она давно так спокойно не смеялась. — Ну, если уж вы очень попросите, тогда ладно, — сжаливается Ярушева. — Тогда не буду воровать. Стану жить честно, хорошо работать, дружить с девчонками и петь в клубе.

— Вот и прекрасно! — радуюсь я.

Мало-помалу мы разговорились, и она поведала свою историю. Неблагополучная семья, отец пьяница. Уехала в город, как уезжают многие сельские девчонки, попала там в компанию разбитных девиц. И в итоге докатилась до тюрьмы. Отец и сейчас попивает, поэтому Тоня решила перейти в общежитие.

— В случае каких затруднений, звоните мне, — сказал я ей. — И вообще обращайтесь. Помогу. Как сестре. Сестер-то у меня нет.

— А у меня — братьев.

Мы так доверительно и мило беседовали, что, когда вошел Никаноров, он засмутился. Растерянно топтался у порога. А после того, как Ярушева распрощалась и прикрыла за собой дверь, сказал восхищенно:

— Хороша. Мне бы таких посетительниц.

— Сестра названная. Женись, пока я добрый.

— Да ладно тебе. На исправление?

— На исправление, — вздохнул я и хлопнул Никанорова по плечу. — Слушай, Валерка, какие дни у тебя самые приятные?

— Дни получки. Ну и аванса само собой.

— Да я без шуток.

— Когда кражу раскрываю. Полностью.

— Кражу раскрыть — это хорошо. А все же приятнее, когда человек исправляется. У меня сегодня такой день.

* * *

Колыбердин — рослый, большеликий мужчина. Ежик полуседых волос на голове и огромные в татуировках руки. Мне кажется, своей кличкой он обязан именно рукам. Точно клешни краба. Зацепят — не упустят. Глаза прищурены, взгляд исподлобья. Мы знакомы по предыдущим его кражам. Когда его вводил конвой, и он в кабинете за столом увидел меня, то вроде даже обрадовался. Подобие улыбки скользнуло по угрюмому лицу. Какой ни есть, а знакомый я ему человек.

Пока он шел к стулу и садился, я рассматривал Краба.

— Да, Колыбердин, постарел ты за этот год, — сказал я с сочувствием. — Совсем поседел.

— Не от хорошей жизни, — сдержанно бросил тот. — Гоняетесь и гоняетесь. Передыху не даете.

— А зачем убегаешь?

— Так уж в жизни ведется, начальник. Кто-то убегает, кто-то догоняет. Не угостишь сигаретой?

Пододвигаю ему пачку. Он прикуривает и долго, надрывно кашляет.

— Тебе бы, Колыбердин, в тепле да при лекарствах, а ты ночами, в холод и слякоть, по лесам да по бездорожью. Совсем не жалеешь свое здоровье.

— Нужда, начальник, нужда.

— Любопытно! — восклицаю я. — Это что же за нужда гробить здоровье? Объясни.

Колыбердин, решаясь, секунду смотрит на меня. Затем он кидает косой взгляд на дверь и вместе со стулом пододвигается ко мне ближе. Начинает тихо, доверительно, почти не шевеля губами. Со стороны посмотришь — молчит человек. Это умение говорить, не шевеля губами, приобретается в колонии. Чтобы не подслушали и не определили по губам смысл слов. Своего рода наука. Прошел ее Краб в совершенстве.

— Ну вот ты, начальник, с утра до ночи на работе. Шастаешь за нашим братом по лесам да по болотам. Так?

— Так, — соглашаюсь я.

— А получаешь сколько? Гроши. Знаю я ваши оклады. У тебя, поди, доброго костюмишка нет. А я за час могу заработать тысячи три, а то и больше. Как пофартит.

— Ну почему же за час? — начинаю я спорить. — К этому часу ты еще прибавь года три-четыре тюрьмы. Да разбросай три тысячи на три года. Оклад получится не больше, чем у сторожа. Или у технички какой. Слаб ты, оказывается, в арифметике. Наверное, в школе плохо учился. У тебя за каждым «делом» — отсидка.

Колыбердин затушил сигарету в пепельнице, взял новую, разорвал пальцами, высыпал табак себе в рот, начал жевать.

— Верно, начальник. Пускай по-твоему. За три ходки я оттянул в общей сложности червонец. А ты знаешь, сколько у меня золотишка припрятано на черный день?

— И где ж ты его взял? Клад нашел? — Я узнаю Краба. Любит подать себя на несколько рангов выше, чем есть. Маститым прикидывается, вором «в законе», кои уже повыводились. Я начинаю насмешливо улыбаться.

— Не веришь? — хрипит Колыбердин.

— Где уж тебе с золотом дело иметь. Тебе бы в захудалое сельпо забраться, пошкулять по полкам. Нахватал тряпок, что были близко, рассовал мелочь по карманам, прихватил с собой на опохмелку гнилого вина — вот и вся твоя добыча.

— Обижает, начальник. — Глаза у Колыбердина уже посверки-

вают, руки бьет нервная дрожь. Он вдруг наклоняется ко мне ближе, шепчет с отчаянной решимостью: — Килограмм бумажных денег тебя устроит? Даю. Отпусти только. Сам видишь, не жилец я буду в зоне, здоровья нету. Спаси, начальник, век не забуду. Ноги тебе буду лизать.

Я усмехнулся:

— Не привык как-то деньги килограммами считать. А в килограмме-то, верно, мятые рублевки?

— Червонцы. Два кило. Ну?

— Слушай, а если я тебя привлеку еще и за попытку дать взятку? Тогда как?

Он быстро зыркнул по сторонам.

— А где свидетели?

— А если у меня магнитофон?

— Тебе что, не нужны деньги?

— Нужны, да честные. Ворованные радости не дадут. Вот, допустим, ты припрятал, а купить ничего не можешь. Боишься выдать себя. И лежат они бумажками. Если только лежат.

— Не хочешь по-доброму... — начал Краб, но я, уже злясь, оборвал его:

— То что? Ну говори, раз начал!

— Да вот, кумекаю, вдруг в зоне дырка появится. Приду попроведовать и поблагодарить, начальничек.

— Сначала взятка, теперь угроза? — жестко говорю я. — Хватит, Колыбердин. Вот тебе бумага, ручка. Пиши, как брали Озерский магазин. А то, что ты предлагал мне взятку и угрожал, я помню и напишу рапорт начальнику. Все!

* * *

В последний день старого года пошел снег. Медленный такой, легкий, декоративный, новогодний. Год был для меня неплохим. Поработал нормально, квартиру получил. И в последний день повезло. На тридцать первое в дежурную группу от уголовного розыска назначили Баламатова, а на первое — Никанорова. Так что новогодний праздник я мог провести как хочу. Сначала я хотел съездить к родителям в Ложки, но Светка уговорила сходить в клуб на общий бал.

По дороге домой я встретил Васятку. Он шел в телогрейке, в кирзовых сапогах, с хозяйственной сумкой в руке.

— С Новым годом тебя, Витя, — остановился он.

— Тебя тоже, Васятка, — сказал я. — Где ты сейчас?

— На ремзаводе.

— Давай жми план, — дал я ему совет.

— Стараюсь, — ответил он, сияя своей женственной улыбкой.

И кивнул в сторону ресторана: — Может, зайдём?

— Не будем портить аппетит перед праздником, — отказался я.

— Ну не будем, — так не будем, — маленько сник Васятка и пока я шел дальше, чувствовал: смотрит он мне вслед. Я понимал его состояние: трудно ему на новом месте. По райотделу скучает, по ребятам. Работа в милиции нелегка и опасна — это точно. Но все, кто уходит, — долго жалеют. Я же себя и представить в другой роли не могу. Не могу и не хочу. Это моя доля.

В районном клубе все готово к празднику. Елка наряжена, перебиваются разноцветные огни в гирляндах, музыка, улыбки, смех. Все сливается в едином стремлении сеять веселье. И взрослые люди радуются царевне-елке, как дети, хороводят вокруг нее, а она, елка, сияющая огнями, кажется большим и добрым живым существом, дарящим радость.

У эстрады, где разместился ансамбль, вижу Светку. На ней длинное вишневое платье. А какая замысловатая прическа на голове! Ви-

дать, не один час колдовала над ней. Я люблюсь ею. «А что, — приходит на ум, — с такой женой не стыдно на людях появиться». Светка кого-то ищет глазами, и я догадываюсь: меня.

И лишь объявляют белое танго, сразу пробирается сквозь толпу ко мне, смеясь глазами.

— Разрешите? — говорит она.

Я гляжу на нее и в восхищении отступаю назад:

— Как вы очаровательны, мадам!

— Спасибо, вы так щедры, — царственно кивает она и кладет руку мне на плечо. И добавляет: — Мой добрый рыцарь.

После танца веду ее к банкеткам, и она, обернувшись ко мне, показывая в улыбке влажные белые зубы, спросила:

— А скажите, мой добрый рыцарь, что это за дама в синем, которая буквально пожирает вас глазами?

— Где? Кто? — заглядывался я и встретился глазами с Ярушевой. Тоня улыбнулась мне ослепительно, нарядная, красивая, уверенная в себе. — Это моя новая знакомая. Ты не сердись, Света, я станцию с ней. Так надо. Поняла?

Глаза у Светки стали колючими:

— Где уж мне не понять.

— Я потом объясню. Подожди. — И резвее, чем надо, иду к Ярушевой. И будто только дожидаясь момента, когда я к ней подойду, заиграла музыка. Мы заскользили в вальсе.

— Тоня, вы ослепительная, — говорю я ей, чтобы сделать приятное. — Моя названная сестра, боюсь, разобьет сегодня не одно сердце. Все парни будут у ваших ног.

— Мне всех не надо, — загадочно блестит она глазами. — Мне одного надо. Но он меня не полюбит.

— Почему?

Глаза ее меркнут.

— Я судимая.

Сбоку, от стены, меня буквально жгут глаза Светки. Она не танцует. К ней подходят парни — отказывает. Она ждет меня. Даже не собирается отомстить танцем с другим. Только смотрит на нас с Ярушевой, покорная, терпеливая.

— У вас хорошая девушка, — говорит Тоня.

— Хорошая, я знаю, — тихо отзываюсь я.

— Я ей завидую.

— Ничего, вы встретите прекрасного парня и полюбите его. Будете жить долго и счастливо. Нарожаете кучу ребятишек, — успокаиваю я ее.

Она вдруг отстранила меня.

— Не могу так. Идите к ней. Она же ждет.

И снова я возле Светки. Мы танцуем и веселимся, но и во мне, и в Светке что-то угасло. В двенадцать часов под бой курантов выпили по бокалу шампанского, и Светка поскуичела совсем. Сказала вдруг посреди танца:

— Проводи меня домой.

— Пойдем, — согласился я.

Мы долго гуляли по заснеженным тихим улицам и больше молчали, чем говорили. Молчали и прислушивались каждый к себе.

Ко мне Светка идти отказалась наотрез. А когда расставались, сказала:

— У тебя такое лицо, будто ты влюбился.

— В кого?

— В нее. Знаешь, Витя, мы с тобой никогда не прйдемся за слова.

Скажи откровенно.

— Скажу. Я увидел ее и почувствовал легкую тревогу.

— Я это поняла сразу. Ну ладно... — она вздохнула и провела теплой ладошкой по моей щеке. — Делай выбор, мой добрый рыцарь. Пока! — И быстро пошла прочь.

* * *

После праздников ко мне в кабинет пришла мать Пашки. Я едва узнал ее: похудела, седины стало больше, вся стала сухая и беленькая, прямо светится. В чем душа держится.

Посидели мы с ней, помолчали о Паше, а потом она виновато попросила:

— Ты, Витя, помог бы мне насчет дров. Паша с осени выписал, а все не везут и не везут. Топить печку нечем.

— Сегодня же узнаю, тетя Тася, — заверил я ее.

Пашина мать ушла, а я подумал, что будь Паша жив, давно бы привезли дрова. А нет его на свете, и никому дела нет, в тепле ли, в холоде ли его мать. Мне стало стыдно, так стыдно, как не бывало давно. Паша погиб, а я забыл про его мать. Вот тебе и лучший друг! Позорище!

В райтопе основательно попортил нервы себе и другим, и к обеду дрова Пашиной матери привезли. Надо теперь выкроить время да поколоть чурки. Самой старушке с ними не справиться.

Едва я вошел в райотдел, продрогший, но довольный — сделал доброе дело, — как дежурный сообщил:

— Корольков, зайди к Белокурову. Он ждет тебя.

Белокуров молча протянул мне акт ревизии Озерского магазина и отошел к окну.

Начал читать. Недостача на сумму три тысячи шестьсот рублей! Сумма впечатляла. По нашим грубым подсчетам (пятьсот туда, пятьсот сюда) получалось тысячи полторы. Подсчеты наши основывались на записях протокола осмотра места происшествия, а также показаниях Колыбердина и его подельника Хрушина, который был задержан в краевом центре с частью краденых вещей. Но три шестьсот — это было чересчур. Это настораживало и говорило о том, что кто-то еще приложил руку. Подозрение, естественно, падало на продавцов.

— Анатолий Степанович, а где выручка?

— Выручка, две тысячи, продавцами была спрятана (по их словам) в магазине. Но при осмотре места происшествия ее не оказалось, — невозмутимо отчеканил Белокуров и закурил.

— Но ведь Колыбердин о деньгах...

— Не говорит ничего, — закончил мою мысль Белокуров и продолжил: — Верить Колыбердину я не тороплюсь, хотя возьми он такую сумму, вряд ли бы мы его так скоро увидели. Махнул бы куда подальше и отсиделся в тишине.

— Но он же «химик».

— Для таких, как Колыбердин, очень удобно быть «на химии». Короче, надо схать в Озерки.

— Надо.

Пошли к начальнику райотдела. У шефа за приставным столом сидел Баламатов. Выслушав нас, начальник задумался, а Баламатов вывод сделал сразу, зачастил:

— А что, Игорь Кириллыч, пусть продавцы платят. Сами посудите: Колыбердин с Хрушиным на такую сумму вдвоем не унесут.

Да, тут Баламатов абсолютно прав. На три с лишним тысячи из сельского магазина и захочешь да не унесешь. Брать нечего. Золота и драгоценностей нет: не положено. А одежды и спиртного — физически не утащишь. Неужели продавцы? Были в моей практике случаи, когда вор брал несколько бутылок вина, а недостача после ревизии оказывалась в тысячу и больше. Платили, конечно, продавцы. Но там было все доказано.

Белокуров, будто подслушав мои мысли, сказал твердо:

— Доказывать надо.

— Это точно: надо доказывать. Причастны продавцы к краже или не причастны? Брал Колыбердин выручку или не брал?

— Может, из БХСС кого возьмем? — спрашиваю неуверенно.

— Дельная мысль, — соглашается шеф. — Рябиков с вами поедет.

* * *

Продавцов было трое. Заведующая магазином Любовь Никитична — высокая и чересчур толстая для своих тридцати двух лет. На вид пятьдесят дашь. Все время как-то кисло улыбается, обнажая маленькие желтые зубки, ахает, охает неестественно и, по-моему, чересчур активно выражает беспокойство по поводу большой недостачи, не забывая при всем этом напоминать о своей несчастной «вдовой» судьбе.

Вторая — Надя Хорошева, медлительная, беременная женщина, лет двадцати семи, жена главного инженера леспромхоза. Она, по-моему, искренне переживает, при виде нас слезу пустила.

И третья, Лена Коледа, юная блондинка восемнадцати лет. Прилично, со вкусом одета, но чрезмерное увлечение косметикой несколько портит ее свежее личико. Кажется, слегка испугалась поначалу, потом ничего, свыклась, даже подарила мне несколько улыбок...

Дополнительные беседы с продавцами ничего нового не дали. Заведующая со слезами на глазах утверждала, что выручку в сумме двух тысяч она перед закрытием магазина спрятала в складском помещении. Лена Коледа, работавшая с ней накануне кражи, подтверждала, что деньги считали вместе, затем заведующая, завернув выручку в бумагу, отнесла в склад и спрятала. В каком месте спрятала — Коледа не видела. Если предположить, что Любовь Никитична деньги унесла с собой, встает вопрос — зачем? Какой смысл рисковать, брать такую сумму домой, а потом возвращать? Вот если о краже знать заранее, тогда... Но как показала проверка, в близких отношениях заведующая «смешанными товарами» ни с Колыбердиным, ни с его подельником Хрушиным не состояла. Более того, даже не была с ними знакома, так как жила в Озерках всего полгода после развода с мужем в городе. Колыбердин же клянется, что даже не заходил в склад, хотя дверь туда из торгового зала была всего лишь на крючке.

Получался какой-то замкнутый круг, в котором не было виноватых. Но не было и выручки. Двух тысяч рублей.

Измученные от бесчисленных вопросов-ответов пять человек — два продавца, работавшие накануне кражи, и нас трое — сидели в кабинете председателя сельсовета, не глядели друг на друга, слушали начинавшуюся за окном вьюгу. Рябиков посмотрел на часы, неслышно вышел. Я перебирал в уме: что оказалось выясненным?

Итак, за полчаса до закрытия магазина продавцы считают выручку, завмаг уносит ее в склад, где прячет. Они обе расписываются в «контрольке» и без десяти восемь закрывают магазин. У Любови Никитичны завтра выходной, и она тут же, на пороге, передает ключи Лене. Они вместе идут до клуба и расстаются. Лена спешит на восьмичасовой сеанс в кино. Итак, Леночка Коледа спешит на восьмичасовой киносеанс... Мысль почему-то останавливается на этом месте.

Входит наш шофер Юра, роняет себе под нос:

— Еще час, и мы не выберемся.

Действительно, вьюга разыгралась не на шутку, дорогу перехватит в момент.

— Посхали домой, — говорю я, вставая.

Белокуров непонимающе смотрит на меня. Я незаметно для других, моргаю ему. Любовь Никитична в который раз вытирает слезы, а Лена спрашивает:

— Значит, мы можем идти?

— Идите, идите, — напутствую я.

Продавцы покидают сельсовет, а Белокуров спрашивает:

— Что ты надумал?

Он курит, сидя за столом, и играет спичечным коробком. Я не успеваю ответить. Входит внештатный участковый инспектор Гриша Окуньков. Он успел переодеться в полушубок. Страхнув с шапки и ворота снег, Гриша подходит ко мне, шепчет на ухо. Я благодарно киваю ему и излагаю Белокурову свой план. Белокуров, выслушав меня, морщит лоб, что-то прикидывает в уме и, сделав глубокую затяжку, тушит сигарету в пепельнице.

— Да, но у меня на завтра вызваны люди по другому делу, — с сожалением говорит он и добавляет: — А за ночь дорогу занесет.

— Я остаюсь один, мне Гриша поможет, — говорю я и хлопаю по плечу своего добровольного помощника, — а вы езжайте.

На том и порешили. Я доехал с нашими ребятами до околицы, после чего вернулся обратно в Озерки, к конторе леспромхоза, где меня ожидал Окуньков. Мы открыли запасной ход конторы (ключ директор леспромхоза дал мне еще днем) и зашли в красный уголок. Едва расположились, светя фонариком, как Гриша заговорил:

— Я еще год назад заметил, что Лена втайне от всех встречается с Сашкой-киномехаником. Сашке этому под тридцать, двоих детей имеет. Где и как они схлестнулись — не знаю, только думаю, он сохранил ее еще школьницей. Ну она, видно, втюрилась в этого прощельгу. — Гриша кашлянул, вытащил из кармана сигареты, и мы закурили. Мой собеседник встал с места и продолжил: — Ленка уезжала пару раз из села, наверное, чтобы прекратить отношения, а может, того, — тут Гриша многозначительно крикнул, — от живота избавляться. Но недели через две возвращалась. Видно, свихнулась на нем окончательно, — заключил мой собеседник, и я пожалел что из-за темноты не могу видеть его лица.

— Голову на отсечение даю, что деньги Сашку не обошли, — подвел итог своему рассказу Гриша. Потом, видно, решил, что не совсем убедил меня, добавил: — В тот вечер Лена кино смотрела из аппаратной, а помощник Сашкин в зале был, установлено точно.

Мы выкурили еще по одной. Поболтали о том, о сем. Гриша завел разговор про еду, и я ощутил ужасный голод.

— Хоть бы сала кусок принес, — с укором сказала я.

— Сказал бы.

— Сам бы мог сообразить. Пошли, — я встал, направился к выходу.

На улице света белого не видно. Колочий ветер со снегом зашлись в неистовой круговерти.

— В такую погоду хороший хозяин собаку на дворе не оставит, — закрывая дверь на замок, произнес Гриша. Он передал мне ключ, и мы пошли в сторону магазина «смешанные товары».

Подожли к магазину с тыльной стороны. Метрах в десяти остановились, прислушались.

— Свети, — шепнул я в самое ухо Окунькова.

Он включил фонарик. У меня сердце готово было выпрыгнуть из груди. На двери склада замка не было. Гриша осветил циферблат часов, сказал тихо:

— Должно, одна там, сеанс еще не кончился.

Мы отошли к конторе ОРСа. Отсюда до магазина рукой подать, и видно все. Над основной, закрытой на три замка и обитой железом дверью магазина «смешанных товаров», горела лампочка. Необычно ярко горела, будто отвлекала внимание от той двери, тыльной, спрятанной в темноте, хранившей тайну похищения двух тысяч рублей. А может, дверь хранила еще какую тайну?

Наконец зрители последнего сеанса, прошли мимо нас и растворились в темноте. Спустя несколько минут в свете магазинного фонаря появилась фигура человека, закутанного в полушубок военного покроя, Гриша толкнул меня в бок, прошептал, наклонившись к моему лицу:

— Жених шпарит.

Мы не видели, зашел ли киномеханик в магазин, но я готов был поклясться, что он там. Гриша было рванулся идти, но я удержал его. Подождав минут пять, мы приблизились наконец к складской двери. Как ни велико желание услышать, о чем говорилось внутри, но увы! Ветер свистел, не считаясь с нашим желанием. Гриша сдавил мне локоть и махнул рукой. Я понял его. За углом, в боковой стене склада было небольшое зарешеченное окошко. Мы неслышно переместились к нему. Гриша присел на корточки, я забрался ему на плечи, заглянул в окно. Сквозь мутное стекло увидел огонек горящей свечи. Приглядевшись, различил два силуэта. У Лены голова опущена, мужчина что-то говорит, похоже, убеждает. Отсюда тоже ничего не слышно. Как в немом кино, все видно и ничего не слышно. Я слез с Гришиных плечей. Подсматривать не имело смысла.

Едва мы вошли в склад, мужчина накрыл рукой пламя свечи. В руках Гриши вспыхнул фонарик. Окуньков посветил по стенам, нашли выключатель.

Лена, увидев меня, вскрикнула и отвернулась. Трудно было понять, чего больше в ее чувствах — испуга или удивления. Мужчина вначале принял воинственный вид, но, взглянув на Лену, сник и, опустив голову, смотрел поочередно то на меня, то на Гришу.

— Не совсем подходящее место для свиданий, — сказал я, подходя к ним поближе.

— Как раз подходящее для такой погоды, — приходя в себя, отозвался Сашка-киномеханик.

Я увидел стоящую возле ящика с макаронами недопитую бутылку водки и раскрытую банку консервов.

— Чем же оно подходящее? — полюбопытствовал я.

— Ну, во-первых, тепло, во-вторых, без свидетелей, — он подошел к Лене и рисованно обнял ее за шею, чмокнув при этом в щеку.

— Да и поживиться есть чем, — добавил я, указав взглядом на водку.

Мой собеседник насторожился, но не уловив в моих словах скрытого смысла, вздохнул облегченно и совсем по-свойски предложил:

— Давайте по граммалечке.

Он повернулся ко мне, и я хорошо разглядел его. Был киномеханик среднего роста, не похожий с виду ни на преступника, ни на честного человека. Каким-то бесцветным показался вначале. Позже я понял почему. Этот человек всего боялся. Боялся, что жена узнает о его связи с Леной, боялся, что Лена бросит его. Он боялся вести двойную жизнь и боялся прийти к одному берегу. И деньги он взял из боязни, что они достанутся не ему, а взяв, еще больше боялся разоблачения. Из боязни рассказал Лене, а потом, испугавшись, что она может заявить, пообещал увезти ее в город и там жениться на ней. Но города он боялся не меньше, чем суда. Все это я понял спустя время.

А пока этот тип пытался выдать себя за беззаботного Дон-Жуана, но обстановка не позволяла. Склад магазина был избран местом свиданий не только из-за тепла. Склад надежно прятал любовников от ненужных свидетелей. Кому придет в голову, что ночью в магазине кто-то есть? Жена, понятное дело, не сообразит искать тут своего мужа. Одна боязнь рождала другую, пока не появилось на свет преступление. Хотя как знать, когда этот человек впервые совершил преступление? Разве не преступно столько времени обманывать девчонку?

Пусть не перед законом. Перед совестью. Лену я тоже не оправдывал. Мне жаль было ее. Ложь стала спутником ее чувств...

Любовью назвать их отношения не было сил. Любовь несет в себе чистоту и честность. Любовь — это правда отношений, чувств, это правда и искренность каждого движения, каждого слова. Здесь же властвовала ложь...

Когда киномеханик выпил, Лена отвернулась от него, как-то кисло улыбулась, лицо ее сделалось холодным, угловатым. Будто маску на него надели.

— Где деньги?! — с холодной официальностью спросил я.

Киномеханика словно ударили. Он съежился, губы задрожали.

Он вдруг опустился на колени, подполз ко мне и со слезами на глазах запричитал:

— Не губите, все отдам, все до копейки. Черт попутал, верьте! Не губите, умоляю вас. Я сейчас, я мигом...

Он рванулся было к выходу, но Гришка поймал его.

Остальное было, как говорится, делом техники. Пригласили еще одного понятого и изъяли у Сашки-киномеханика две тысячи, спрятанные им в заброшенном сарае соседа.

— Я хотел назавтра же отдать, — промямлил он, — но, видно, сам черт кражу ночью послал...

Тут я не мог не согласиться с киномехаником. Без нечистого не обошлось, точно. Одна кража догнала другую. Даже в детективах до такого не додумаются.

Лена рассказала потом, что с наступлением холодов ее жених предложил встречаться в магазине. Она вначале боялась, но однажды выпили в киобудке, и она согласилась. Перед окончанием последнего сеанса она открывала тыльную дверь и ждала его. Встречались примерно раз в неделю, в будние дни. В выходные допоздна по улице гуляет молодежь. О том, что Сашка нашел выручку и взял ее, Лена узнала от него на следующее же утро. Она хотела сообщить об этом нам, но он обещал увезти ее в город и там жениться на ней. А поскольку в следующую ночь в магазин было проникновение, она поверила, что все будет шито-крыто, а деньги в городе пригодятся.

* * *

Великое изобретение человечества — телефон. И хотя мы предпочитаем не доверять ему свои секреты, изъясняемся намеками на то или иное обстоятельство или говорим пустые, ничего не значащие фразы, все равно телефон знает секретов куда больше, чем мы того хотим. О телефон! Что несешь ты своей звонкой трелью на этот раз?

— Слушаю, Корольков.

Это Светка. Вот умница. Я слышу ее полусшепот.

— Я хочу тебя видеть.

— Я тоже, — отвечаю.

За последние дни произошло улучшение наших отношений. Не знаю, что тому было причиной, бал или мой танец с Ярушевой, только почувствовал я, как беззащитна Светка в этой жизни, как нуждается она во мне. Мне захотелось сказать Светке самые нежные, самые ласковые слова, взять ее за руку, утешить.

— Приходи вечером, — прошу я.

Долгое молчание.

— Приходи, слышишь?

Мне хочется сорваться и бежать к ней сейчас, не дождавшись вечера.

В кабинет входит Белокуров. Машет перед собой газетой, спрашивает:

— Читал?

— Что?

Он кладет передо мной газету, и я читаю Указ о награждении Пашки орденом Красной Звезды. За проявленное мужество при задержании особо опасного преступника. Посмертно.

Белокуров тоже склоняется над газетой. Я перечитываю выделенные жирным шрифтом короткие строки Указа. И хотя мне давно понятен смысл написанного, все-таки вчитываюсь внимательнее и начинаю по-новому понимать глубину содержания. Жизнь моего друга была такой же короткой, как и это решение высшего органа власти.

А какой была его жизнь? Каким был мой друг? О мертвых не говорят плохого, но если бы я и хотел о Пашке сказать плохое, не смог бы. Нет, это не значит, что у него не было недостатков. Были, как и у любого из нас. Но они терялись в его честности, принципиальности, в его трудолюбии. Он не знал понятий мое, твое. Он знал — наше. Он мог вспылить, обидеться, уйти, хлопнув дверью, мог сгоряча наговорить обидных слов, но он любил людей. И всей своей жизнью доказал это. Как-то мы спорили с ним по поводу одного кинофильма. Я сказал тогда, что герой бы мог не погибнуть, если бы не вступил в неравную схватку с врагом. Пашка ответил:

— Лучше мертвому награда, чем живому презрение.

Теперь газетные строчки Указа как нельзя наглядней подтверждали основной жизненный тезис Пашки. А как я? Смогу ли, как Пашка? Не побояться, не отступить в трудную минуту? Хотелось бы быть таким, как он.

— Да-а, — произнес Белокуров, — дорого достаются боевые награды в мирное время, очень дорого.

...Вечером я рассказывал Светке о моем погибшем друге. Она то плакала, то смеялась, то задумывалась надолго, а потом вдруг сказала:

— Ты хороший.

— Мне до Пашки далеко, — ответил я.

— Неправда, — возразила Света, — плохой человек о другом так не расскажет.

— Ты лучше меня, — сказал я и, видя, что она считает мои слова утешением, добавил: — Правда, лучше. Обычно люди стесняются говорить ласковые и светлые слова.

— И ты? — перебила Светка.

— Я — нет. Я говорю тебе со всей ответственностью — ты самая хорошая, самая красивая, самая добрая...

Она закрыла ладошкой мне рот, я обнял ее. Мы целовались и не было в мире людей счастливее нас.

А на улице голосила вьюга. Качала фонари, сыпала в окна дробью снега.

Я взял ее руку, прижал к своей груди. Так мы молча стояли, пока не зазвонил телефон. Она вздрогнула, отошла. Я поднял трубку. Звонил Баламатов.

— Ты извини, Витя, что беспокою. В Боровом убийство. По телефону ни черта не разобрать. Поняли только, что труп находится возле какого-то сарая. Эксперт и следователь прокуратуры сейчас заедут за тобой. Оружие у тебя с собой?

— Да, — ответил я.

Подождав, не скажу ли я чего, Баламатов стал напутствовать:

— Ты, Витя, осторожней там.

Трубку на том конце положили.

Света стояла, прислонившись к косяку. По моему виду она преотлично все поняла. Сказала, подавая шарф:

— Ты иди, не волнуйся. Иди, я тебя буду ждать.

— Света, милая, я скоро вернусь, я только в Боровое, мы ведь на машине, я скоро...

Хотя какое, к черту, скоро. Это не кража комбикорма из фермы. Это убийство. Тут скоро не будет. Но я убеждал ее. Я хотел, чтобы Света ждала меня здесь, в квартире, пока не вернусь.

— Ты дома будь, здесь меня жди, я вернусь, и мы...

— Иди, милый. — Света поцеловала меня. В ее глазах светилась радость.

Убийство в Боровом было некстати. Хотя убийства никогда не бывают кстати.

А с улицы уже сигналили. Там, в машине, сидели люди, занятые предстоящей работой по убийству. Они не знали о моих чувствах к Светке и потому торопили.

• • •

Каждый день, без пятнадцати девять, в отделе — планерка. Все собираемся в кабинете начальника и слушаем селектор. Первые пятнадцать-двадцать минут впитываем сообщения краевого масштаба. Вначале доклад дежурной части УВД о наиболее значимых в оперативном отношении преступлениях, затем ориентировки, объявления, указания руководства управления. Когда селектор выключается, начинается планерка местного значения. Говорит и спрашивает начальник. Мы слушаем и отвечаем. Заканчивается планерка, как правило, одним и тем же вопросом начальника: «Кому что неясно?» Сколько помню планерки, ни у кого неясностей после этого вопроса не возникло. Затем начальник оставляет у себя оперативный состав, а остальных отпускает. В этот момент заступивший дежурный по райотделу вспоминает, что некому конвоировать в суд задержанных или арестованных. Сегодня тоже нет исключения. Дежурный капитан Уланов докладывает:

— Сегодня суд Колыбердину и Хрушину, нужен конвой.

Начальник возмущается: почему не сообщили о суде раньше? Глядит недобро на замов — могли бы, дескать, накануне решить этот вопрос. После долгих переборов фамилий, объявляется наконец состав конвоя.

Почему неувязка с конвоем? Не хватает милиционеров. Должности рядового и сержантского состава укомплектованы в основном за счет кандидатов в среднюю спецшколу милиции. Прослужат полгода — и уходят на учебу. Сейчас приняли новеньких, но они еще не прошли первоначальную подготовку, оружие им нельзя давать. Вот и получают назначение в конвой инспектор пожарного надзора Толя Арбенин и инспектор дорожного надзора Володя Ивлев. Они, конечно, узнав, будут недовольны, но в конвой все равно пойдут.

Наконец, все уходит, а мне начальник велит остаться. Вначале вопросы, касающиеся убийства в Боровом, потом по другим преступлениям. Баламатов сидит как на пружинах. Вынужденная, будто приклеенная, улыбка блуждает по его лицу. Что-то тут не то.

— Идут разговоры, что ты с какой-то женщиной спутался? — полным смущения голосом спрашивает начальник.

Вот она, главная причина беспокойства шефа. Ехидство расцветает на лице Баламатова во всю силу.

— Я спросил тебя об этом не потому, что хочу влезть в твои личные дела. Кого любить, кого ненавидеть — тебе самому решать. Но мы живем в райцентре, где все друг друга знают, и я должен отреагировать, если упоминается имя сотрудника милиции. Прими к сведению. Понял?

— Так точно.

Начальник подал мне руку и посмотрел в глаза.

Я пошел к себе. Но едва зашел в кабинет, как услышал требовательную трель внутреннего телефона. Дежурный взволнованно сообщил:

— Скорее к начальнику.

Переступив порог кабинета начальника, увидел там Арбенина и Ивлева. По их виду я понял все раньше, чем услышал: бежал Колыбердин.

Начальник стоял у окна. При моем появлении потребовал:

— Доложите подробнее.

Арбенин выступил на шаг вперед.

— Все было нормально, пока не объявили перерыв на обед. Мы прошли к раздевалке и стали одеваться. Колыбердин и Хрушин находились рядом. Ивлев уже оделся, а я стал вдевать второй рукав, ну тут и...

Арбенин замолчал.

— Что и-и-и? — повысил голос начальник.

Досказал Ивлев:

— Когда Арбенин стал вдевать второй рукав, Колыбердин толкнул на меня Хрушина, а сам натянул пальто на голову Арбенина и бросился к выходу. Я — за ним. А в дверях в это время какие-то бабки. Он и их толкнул на меня и — через забор...

А за забором здания суда начинается лес. Старое помещение суда сгорело лет десять назад. Суд временно перевели в здание детской спортивной школы, да так и оставили.

— Два офицера и — такой ляпсус. В управление стыдно докладывать. Упусти кто из новичков, намного легче было бы, — возмущался в сердцах начальник.

Я с ним во многом согласен и не согласен. Притупляем мы зачастую бдительность. Ничего не случается, все обходится и посылаем в конвой вместо двух — одного, вместо трех двоих. Пока не случится, как сегодня.

В отделе была объявлена тревога. Пришел в действие хорошо отлаженный механизм. Перекрылись дороги, полетели сообщения в УВД и соседние райотделы. Проверялись места возможного появления беглеца. Приметы бежавшего спустя час знали общественные помощники, дружинники, члены оперативных комсомольских отрядов.

Наступил вечер, а результатов пока не было. Колыбердин как в воду канул. Учитывая тридцатиградусный мороз и то, что Колыбердин в момент побега не имел верхней одежды, становилось ясно, что в лесу он оставаться не может. Значит, кто-то пригрел Колыбердина. Но мы обошли все дома на окраине поселка, и все их жители заверили, что никого подозрительного не видели. А не верить нельзя. У каждого хозяина — собака. При нашем появлении подняли невероятный лай. Вот если Колыбердин выскочил к железной дороге и вскочил на товарняк, тогда в поселке искать бессмысленно.

— Надо ехать в Озерки, — сказал, ни на кого не глядя, начальник. Затем добавил более уверенно: — Давай, Корольков.

В Озерки Колыбердину — с руки. Там знакомые, друзья, там можно переодеться, запастись на дорогу. Если только Краб к утру не попадет в Озерки — жди новых преступлений.

* * *

Юрка стоял у входа в отдел. Увидев, что я направляюсь к машине, спросил:

— Далеко?

— Все туда же.

— В Озерки, значит, — поморщился он, вспомнив о разбитой дороге.

— Возьми пистолет на всякий случай, да прибор ночного видения прихвати, — сказал я ему, усаживаясь на переднее сиденье.

Подрулив к столовой, Юрка сказал:

— Хлеба возьму. У меня в машине сало имеется. Тоже на всякий случай.

Я мысленно поблагодарил его за предусмотрительность.

Участковый инспектор Сережа Мельников ждал меня в сельсовете. Он был в курсе дела. Обрадовался я и Грише Окунькову, его помощнику.

— Что надумали, местные жители? — усаживаясь за стол участкового, спросил я.

— По-моему, надо перекрыть дорогу на въезде в село и дом Дарьи Другалевой, — уверенно предложил Мельников. Окуньков кивком головы подтвердил свое согласие. Несомненно, они не один раз все обсудили.

— А другой дороги в село нет? — спросил я на всякий случай, хотя зимой в села, расположенные в стороне от главных дорог, ведет, как правило, один путь.

— Другие дороги перемело будь здоров! — ответил Окуньков и добавил: — Напротив Другалевой сеструха моя живет, оттуда удобно будет наблюдать.

— С чердака, разумеется, — добавил Мельников.

— Вот и хорошо. Надо предупредить начальника ОРСа, пусть к торговому центру на эти дни сторожа поставит с ружьем, — сказал я.

Мельников позвонил в ОРС, и через десять минут мы разошлись. Участковый и Окуньков — наблюдать за домом Другалевой, подруги Колыбердина, а мы с Юркой, загнав машину в теплый бокс леспромхозовского гаража, забрались в будку на пожарной вышке, которая темным стражем стояла на въезде в Озерки. Лучшего места для наблюдения за дорогой не придумаешь. Движущаяся автомашина с вышки видна за несколько километров, можно успеть спуститься для проверки. А хорошо рассмотреть пешеходов и санные упряжки должен помочь прибор ночного видения.

До часу ночи прошли лишь две машины. Везли из краевой базы продукты, так что приходилось стоять без движения. Шубы и валенки уже не спасали от холода. Я мысленно позавидовал Мельникову и Грише, они по очереди имели возможность греться в доме.

Погасли в селе последние огни. Притихли после второй смены цехи леспромхоза. Глядя сверху на уснувшее село, я думал, что неплохое это дело — быть на страже людских снов. Люди наработались за день, им отдохнуть надо. Нельзя беспокоить сон рабочего человека. Пусть поменьше людей знает, что в их село сегодня ночью может прийти преступник, принести им беду. Пусть улыбаются люди добрым сном своим, а я их сон покараулю.

К утру Колыбердин в Озерки не пришел. Начальник по телефону велел мне с Юркой возвращаться в отдел, а Мельникову велел в дальнейшем организовать перекрытие с помощью дружинников.

В отделе ждала новость, которая живо прогнала дорожную дремоту. В Горелом ночью взяли магазин. Преступники похитили водку, консервы, одежду, деньги.

— Туда Баламатов с Белокуровым поехали, — сообщил начальник и добавил: — Неужели Краб?

Игорь Кириллович, видать, спал плохо, а, может, и совсем не спал. Глаза красные, зевает.

— Вполне, — согласился я, — может, и Краб.

Следующая новость окончательно убедила, что в Горелом ночью орудовал Краб. Баламатов передал: произведено нападение на егеря. Неизвестный оглушил его, забрал карабин и тридцать патронов и скрылся в неизвестном направлении. Произошло это в доме егеря. Такую наглуемую выходку мог позволить себе только тот, кому уже терять нечего. Вооруженный Краб стал опасен втройне...

Зашли Арбенин с Ивлевым. Головы опущены, топчутся у входа. Я знаю, им стыдно. Они понимают, что весь отдел работает сейчас из-за их ротозейства.

— Что нам делать? — спрашивает несмело Арбенин.

Ответить начальник не успел. Зазвонил телефон. По разговору я понял: звонит Баламатов. Начальник долго слушал, затем спросил, нужна ли помощь и положил трубку. Обратился к нам.

— Егерь в себя пришел. Рассказывает, что вечером пришел из леса, снял лыжи, зашел на крыльцо, а тут мужчина какой-то, попросил воды попить. И следом. В сених ударил чем-то по голове, забрал карабин, лыжи и был таков...

— Уйдет в тайгу, — сказал я, — будет обитать где-нибудь в охотничьей избушке. Иначе зачем ему лыжи?

Начальник задумался на минуту, посмотрел с досадой на Арбенина и Ивлева.

— Поезжайте в Горелое. Повстречайтесь с охотниками, уточните насчет жилья в тайге. А ты, Корольков, — начальник повернулся ко мне, — иди поспи до обеда. Может, ночью спать не доведется...

* * *

Шел четвертый день с момента побега Колыбердина. Четвертый день личный состав отдела круглосуточно действовал. Поисковые группы из охотников и работников милиции проверяли в тайге охотничьи зимовья, землянки... В эти дни в районе не было преступлений. Невольно появилась мысль, что Краб покинул наш район.

...Мы устали. Прошли десятки километров на лыжах по заснеженной тайге следом за охотником, тридцатилетним Романом Перелетовым, тренированным, крепким мужчиной, для которого наш маршрут был вроде легкой прогулки. Вторым шел Сережа Мельников, тоже, видать, не впервой в этом году на лыжах, шел с большей легкостью, чем я. Мы осмотрели домик, построенный геологами километрах в тридцати от Озерок, охотничье зимовье и землянку, вырытую, по словам Романа, лет пять назад бригадой грибников. Во всех трех местах жильем и не пахло. Усталые, мы молча шли в Горелое, утешая себя тем, что другим группам повезло больше. Всего ранним утром ушло в тайгу семь групп. Если и они вернутся ни с чем, тогда искать в районе Краба бесполезно. В сумерках пришли в Горелое. В конторе сквозь сигаретный дым различил Никанорова, Ивлева, Юрку, двух охотников. Не вернулся пока со своей группой Арбенин. Я, кажется, обрадовался этому обстоятельству и, подсев поближе к раскаленной печке, тут же уснул. Но мое блаженство длилось недолго — вернулась группа Арбенина и, проснувшись, я почувствовал, как болит все тело. Особенно спина. Голову, как бетоном залили, ничего не соображает. Гляжу на ребят, они тоже не выказывают веселья, чувствуют, пожалуй, то же, что и я. Попив воды, я окончательно прихожу в себя, звоню в отдел, докладываю: пусто.

— Давайте возвращайтесь, — говорит начальник, и я уже собираюсь положить трубку, как слышу резкое: — Минутку!

Жду. Наконец, слышу:

— Ты останься в Озерках, тут вот телеграмма пришла из Казахстана, просят задержать бежавшего со строек народного хозяйства некого Данилина Ивана Ивановича. Ты меня слушаешь?

— Да, слышу.

— Так ты завтра пораньше с Мельниковым проверь. Он у матери должен быть, и если что — привезешь утром. Насчет машины я с директором леспромхоза договорюсь.

— Понял, Игорь Кириллович.

— Давай, действуй.

* * *

И видел я какой-то непонятный сон. Светка стояла на краю леса и звала меня, махая над головой голубой косынкой. Ветер трепал ее волосы. Я бежал к ней и думал: вот добегу, возьму эти волосы в руки и прижмусь к ним лицом. И тут на моем пути появились коровы. Откуда они только взялись? Целое стадо коров загородили мой путь к Светке. И никак их не обойти...

Я проснулся. Меня колотило. Я привстал, огляделся. Я был на квартире участкового. О, черт! Надо же такому присниться. Уж не заболел ли? Простудиться было где.

Наутро неприятное ощущение сна не покидало меня. По пути к дому Данилина (он у матери пока не появлялся), за завтраком мне все время казалось, вот-вот со мной произойдет что-то нехорошее. Меня колотил озноб.

В сельсовете Лобанов сказал:

— Звонили из отдела, просили срочно связаться.

После разговора с начальником я сказал застывшему в ожидании Мельникову:

— Два магазина в Топорихе...

Топориха, небольшое село, отделение свиновхоза «Обской», пристроилось у самой кромки леса.

— Треугольник! — воскликнул Мельников. Он поспешно встал, подошел к висевшей на стене карте.

— Смотри! Вот Озерки, — он ткнул пальцем в карту.

— Вижу.

— А вот Горелое, а вот здесь, примерно, Топориха.

Топорихи на карте не было. Но это село находилось именно там, куда указывал сейчас палец участкового. Получался, действительно, треугольник. Озерки—Горелое—Топориха. Но я не понял того, что уже понял Мельников. Поэтому спросил нетерпеливо:

— Ну и что?

Сережа заулыбался, как улыбается человек, уже решивший задачу, над которой другие еще думают.

— А то, что Колыбердина надо искать в летних лагерях свинофермы четвертого отделения. Там же вагончики!

— Ты умница! — крикнул я и обнял участкового.

Действительно, зачем Крабу лезть в тайгу, если можно укрыться в опустевших на зиму летних лагерях свинофермы четвертого отделения. Я бывал в подобных лагерях. Правда, летом. Там обычно поодаль от поросячьих загонов — вагончики для свинарок, пастухов. Причем довольно благоустроенные, со столом, скамейками и печкой.

— Может, кого из дружинников возьмем? — спросил меня Сережа, застегивая крепления на лыжах.

— Нет, — сказал я, — пойдем вдвоем. Не будем терять время.

Я не стал объяснять, что нет у нас права подвергать риску жизнь людей. А риск, если только Краб, вооруженный карабином, обитает в лагерях, был большой.

И мы пошли в белых халатах поверх телогреек. Со стороны могло показаться — охотники. А мы и были охотники. Только шли выследить человека, который был сейчас опасней зверя.

За селом расстались. Решили подступить к лагерю с двух сторон. Мельников, знавший все тропинки, пошел в обход, а я — со стороны села. Входя в лес, я подумал, что надо бы позвонить дежурному по отделу и сообщить о своих действиях, но тут же отбросил эту мысль, успокоил себя — пошли-то всего-навсего проверить...

* * *

Тишина стояла в лесу. Березы и сосны, придавленные снегом, казалось, прислушались к чему-то, замерли неподвижно и величественно, радовали глаз, сверкая под лучами восходящего солнца. Мороз не злой, градусов двадцать, не больше.

Я дошел до просеки. Теперь по просеке с километр, потом налево по занесенной снегом дороге. Еще километра полтора, по словам Мельникова, а потом надо глядеть направо, там должны быть видны вагончики.

Вдруг мои лыжи заскользили легче, и я понял, что иду по чьей-то лыжне. Остановился. Достал пистолет, дослал патрон. Прошел еще немного и ощутил запах дыма. Пахло паленым тряпьем. Снова остановился, прислушался. Нет, посторонних звуков не слышно. Интересно, как там Сережа? Скоро ли подоспеет? У него путь длиннее.

Подождал еще немного. Взобрался на небольшую горку. И покатился вниз. Как неудачно! Вот он, выкрашенный в зеленый цвет, вагончик. Дым из трубы. А у двери — Краб. В новом расстегнутом пальто, цигейковой шапке, в сером свитере. Во всем краденом. В руках большая сумка, за плечами карабин. Похоже, собрался навсегда оставить насиженное место. Тридцать метров между нами, не больше.

Краб увидел меня, оторопел. Да и я от неожиданности ни ногой, ни рукой двинуть не могу. Сумка выпала из рук Краба, и я понял, почему пахнет палеными тряпками — старую одежду спалил в печке Краб.

Краб быстро и цепко осмотрелся. Поняв, что кроме меня вокруг никого, расплылся в ухмылке и взялся рукой за ремень карабина.

Не спуская с Краба глаз, я освободился от лыж. Краб уже держал оружие в руках. Ствол в мою сторону. На таком расстоянии из карабина можно не целиться. Предательская дрожь в теле. «Спокойно, — твержу себе, — спокойно. Метров семь в стороне — бревна. Штук десять, толстые. Где же Сережа?»

— Вот и встретились, начальник, — говорит Краб голосом хозяина положения. — Помнишь, я обещал отблагодарить?

Я сжимаю в кармане пистолет. Как ни странно, после слов Краба в меня вселяется спокойствие.

— Не дури, Краб, — говорю я строго и добавляю: — Брось карабин!

Насмешливая улыбка на выбритом лице Краба.

— Нет, начальник. Будем ставить точку.

Краб толкает ногой сумку, щелкает затвором. Я резко прыгаю, миг — и я за бревнами. Надрывный крик сливается с выстрелом.

— Сволочи! Менты! Всех, всех порешу! — что есть силы орет Краб от отчаяния.

Я считаю выстрелы. Восьмой. С каждым выстрелом, глухой стук пули в бревно. Щепка упала мне на голову.

Краб кричит истерично и стреляет. Я не отвечаю. Втиснулся в снег за бревнами. Спасибо кому-то за бесхозяйственность. Голову накрыл руками, жду. Наконец выстрелы стихают. Я начинаю шевелиться. Потихоньку отползаю к краю своего укрытия, чтобы сбоку выглянуть и узнать: что там?

Краба не видно. Ушел в вагон, что ли? Крик Сережи по ту сторону:

— Стой, стрелять буду!

Еще два выстрела. На этот раз из карабина и пистолета. До меня доходит: Краб решил, что положил меня, и побежал, но повстречал идущего с той стороны участкового.

Я подбежал к вагончику. Сережа стоял за толстой сосной, а Краб с карабином наперевес возвращался, стреляя в сторону сосны.

Я встал за угол. Краб был теперь рядом со мной, стоит мне выйти из своего укрытия, и окажемся нос к носу.

Еще мгновение — и я вышел. Силуэт Краба со спины. Немного дальше, чем нужно для захвата. На полшага бы ближе! Я спотыкаюсь и слышу выстрел. И ощущаю жгучую боль в спине. Полшага, и всей своей злостью, всей болью своей я придавил Краба и, чувствуя, что боль забирает силы, ударил его по голове рукояткой пистолета.

Потом я понял: не споткнись на последнем шаге, получил бы пулю в живот. А так прошла моя смерть вдоль спины, ошпарила и покинула тело.

Кажется, я терял сознание. Не могу припомнить, как Сережа вял Краба. Очнувшись, я обнаружил его уже связанным. На лице Колыбердина были ссадины, из носа текла кровь.

— Ну как? — с волнением спросил Сережа.

Я лежал на животе, нестерпимая боль терзала спину.

— Терпимо, — стараясь придать голосу твердость, ответил я.

Потом Сережа перенес меня в вагончик, уложил, разрезал одежду, перебинтовал майкой рану.

— Ты вот что, — попросил я, — его завяжи получше, да положи передо мной, а сам за лошадюю... Иначе не доберешься нам.

Я не видел, почувствовал скорее недоверчивый взгляд Сережи.

— Не бойся, не упусти, — вымолвил я.

— А может, его к сосне привязать, пусть померзнет часок? — предложил Мельников.

Я отрицательно покачал головой.

— Не надо, пусть будет передо мной.

— Ну гляди, — сказал Сережа и убежал.

Боль в спине накатывалась острыми приступами, выдавливала из меня стон. Я видел глаза Краба. Он лежал лицом вверх.

— Слышь, начальник, застрели. Как человека прошу, — прохрипел он.

Я молчал, закусив губу от боли.

— Пули, что ли, жалко? — прохрипел он опять. — Жить ты мне не дал, так хоть смерти не пожалей.

— Ты живой нужен.

— Кому?

— Суду. Ты не только мой враг, ты враг всей страны. Тебя народ судить будет.

* * *

И потянулись длинные дни болезни. Оказалось, пуля зацепила четвертый и пятый поясные позвонки. После операции наложили корсетом гипс, принесли в палату и положили на твердую кушетку на живот и велели поменьше шевелиться.

Приезжали родные. Наведывались ребята. Раз приезжал начальник. Понавезли продуктов — всей палатой не съесть.

Светка приходила каждый день. Книги приносила, и я был благодарен ей за это. В моем положении книги — единственное спасение. Правда, по содержанию они удивительно похожи, все про любовь, вначале трудную, затем счастливую. И где только она их откапывала? Я не подозревал, что в нашем райцентре имеется такое большое количество книг о вечном чувстве.

Как-то заглянул Баламатов. Принес домашних котлет и большой красивый альбом о милиции.

А недели через три, в субботу, ребята принесли краевую газету, где под рубрикой «моя милиция», замполит разрисовал мой «подвиг». Все в палате читали, многозначительно поглядывали в мою сторону. Чаще в дверь палаты стали заглядывать молоденькие медички. Как

же, из статьи замполита выходило, что в пятой палате герой лежит, раненный при исполнении служебных обязанностей. Ей-богу, даже смешно получается. Никакого героизма в своих действиях я не усматривал. Работа и работа. И какая разница, кто поймал Краба. Не я бы, так другой, но все равно поймали бы. Пашка... погиб вот. А я живой. Лежу, книги читаю, с ребятами болтаю. Но в целом, конечно, приятно, что столько внимания кругом.

Я подхожу к окну, гляжу на весенние улицы, на спешащих людей, и мне становится хорошо от мысли, что я хоть что-то сделал для них.

* * *

В канун майских праздников покидал я больницу. Вышел на улицу, вдохнул полной грудью весеннего воздуха, и закружилась голова. Ярко светило солнце, теплый ветерок ласкал нежную зелень деревьев, полоскал красные флаги на домах.

Светка в синем платье, с букетом ранних цветов встречала меня. Она мне показала такой красивой, что я даже застеснялся.

— Вылечился? — спросила она, несмело прижимаясь ко мне.

— Вылечился, — сказал я, любуясь ею. — Ты знаешь, Света, я вот подумал: чего это мы вечерами тайком встречаемся? Будто воруем друг друга. Как-то нехорошо это.

Она подняла на меня глаза.

— Считаешь, не надо встречаться?

— Почему не надо? Надо. Предлагаю узаконить наши отношения. Чтобы все как у людей было. Вот сейчас мы пойдем мимо загса и, считая, надо зайти туда. Ты не против?

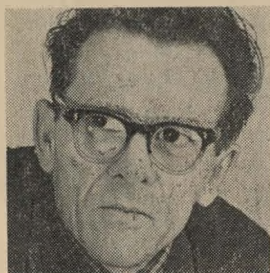
Светка вспыхнула и опустила глаза.

И вот снова я в своем кабинете. Основательности во мне еще прибавилось. Теперь я не просто имею собственную квартиру, я солидный семейный человек. Сажу, разбираюсь в бумагах. Указания свыше откладываю влево, заявления граждан — вправо. В открытую форточку дует майский ветерок. И, как обычно, звонит телефон на моем столе. Я снимаю трубку.

— Слушаю, Корольков...

Голос дежурного вещает о чьей-то беде. Где-то нуждаются в моей помощи. Ну что же, я готов. Я вам служу, люди.

1980—1984
Троицкое — Алтайское

Больгер Фридрих Давидович родился 12 апреля 1915 года в деревне Рейнгардт Саратовской области. Окончил зооветтехникум, затем пединститут в г. Энгельсе. Первые стихи были опубликованы в 1935 году в газете «Роте югенд».

Работал учителем, бухгалтером, инспектором Госбанка, сотрудником газет «Арбайт» и «Роте фане».

Ф. Больгер — автор поэтических сборников «Я — Человек», «Стихи», «Новый день» и др.

Член Союза писателей СССР.

Живет в г. Славгороде.

Фридрих БОЛЬГЕР

ДЕРЕВО ПАМЯТИ

ЯБЛОКО

Качая ветви суковатые,
Промчался ветер легкокрыл
И щеки яблок розоватые
В листве взьерошенной открыл.

И улыбнулось тебе яблоко
И первозданно, и светло:
— Сорви меня, мой друг, ведь я пока
Невесть кому произросло.

Но ходишь ты вокруг да около,
И нету лесенки, чтоб встать,
А так до яблока высокого
Тебе рукою не достать.

А он, червяк, решает запросто:
Он приползет, проникнет в плод
И все, как есть, погубит начисто,
И наземь яблоко падет.

* * *

Повсюду — трактом и обочь —
День догорел и, как ведется,
Степными далями крадется,
Идет в монашьей рясе ночь.

Скажи мне: с чем к тебе явился
И с чем исчезнул день один!
Что сделал ты, чего добился,
Каких достигнул ты вершин!

День — это стрелка разводная,
Разводит жизни поезда.
И каждый час бежит, сверкая
Колесной сталью, в никуда.

Не может быть того вопроса:
Назад как время повернуть!

Ставь палки времени в колеса,
Переводи на нужный путь.

Ведь завтра новый день начнется.
Чем встретишь ты его, друг мой!
Уходит ночь и, как ведется,
Опять светает над землей.

Перевод Л. Мерзликينا

ТЫ РЯДОМ ШЛА

Я молод был, когда сверкнул во мраке
манящий свет над далями дорог.
Я в нем своей судьбы увидел знаки
и, не страшась, переступил порог.

Ты свет зари увидела не сразу,
он пробивался сквозь громады туч,
и без меня ты, может быть, ни разу
не увидела б сердцем чистый луч.

Но я тебя увлек с собой в дорогу.
Мне дальний свет светил в конце дорог.
Усталая, ты шла со мною в ногу...
То, что обрел, — я разделить не мог.
А счастье ты свое — в моем нашла.
Благословила в путь. И рядом шла.

Перевод Л. Вышеславского

* * *

За окошком осень ходит.
Слышен ветра стон и смех.
Прячет кошка к непогоде
влажный нос поглубже в мех.
И мурлычет, как по нотам,
только как ее понять!
Видно, просто неохота
ей по холоду гулять.

День и ночь она беспечно,
подражая старикам,
в теплом месте возле печки
греет пегие бока.

Я и сам бы рад вот так же
жить в довольстве и тепле.
Только что об этом скажут
все знакомые в селе!
Не могу лежать у печки,
стариковски тело греть.
Мне еще ветрам навстречу
по любой идти поре.
Мне еще смотреть вдаль,
цель достигнуть наконец.
А теплом я обеспечен —
жаром дружеских сердец.

* * *

Опять земле на плечи
на сотни тысяч верст
зима алмазы мечет
или осколки звезд.
Потом осколков стаи,
остановив бега,
единое составят
под именем — снега.
Согласие природы
на это получив,
на них захороводят
по целым дням лучи.

Придут первозимовья
веселые деньки.
И заскрипят полозья,
и зазвенят коньки.
И я по-молодому
встряхнусь и запою,
и вновь уйду из дому
в степную даль мою.
И там, в родимых даях,
среди снегов и льда
предзимние печали
оставлю навсегда.

Перевод Г. Володина

Я НЕ ЩАДИЛ СЕБЯ

Уже ребенком я хлебнул с лихвою.
Над колыбелью маялась нужда.
Из дома в дом она брела за мною.
Краюхой хлеба грезил я тогда.

Потом орда коричневым разбоем
Отчизну жгла, все руша на пути.
Завод сибирский был мне долом боя,
Я должен был то поле перейти!

Все вынести, преодолеть, осилить,
Через завод, как через фронт пройдя.
Я знал, что сердце строя не покинет,
В труде не сможет пощадить себя.

Да, я не брал ни Бреста, ни Варшавы,
Но верил: и на мне есть отблеск славы.

Перевод В. Шевченко

* * *

У меня есть глаза —
только зрения вроде бы нет,
никогда я не видел
траекторий движенья планет.
Никогда не увижу,
как бежит электрический ток
и как мечется атом,
и роза растит лепесток.
Уши есть у меня —
только слуха как будто бы нет,
никогда я не слышал
далекие взрывы комет.
Никогда не услышу,
как падает с неба звезда
и как вдаль уплывает
облаков невесомых гряда.
Знанья есть у меня,
размышлять я о многом привык.
Но понять не смогу
многомудрый ацтеков язык.
И не знаю, куда
вековечная Лета течет,
и представить не в силах
пирамиды Хеопса расчет.
Но, однако, подчас
навещают виденья меня:
аргонавтов я вижу,
троянского вижу коня.
Слышу плач Ярославны
на вечной путивльской стене,
древних сфинксов загадки
легко открываются мне.
Нет, бессильна, наверное,
Леты немая река;
и зывают к потомкам
былые седые века.
И живем мы, свершенья,
открытья и тайны храня,
и не зренье — прозренье,
наверное, есть у меня.

Перевод М. Юдаlevича

ДЕРЕВО ПАМЯТИ

И вот сюда пришел я снова
И воскресил забытие.
Стою у дерева седого,
Где имя вырезал твое.

Мы, помню, были молодыми,
И, помню, дерево цело,
С тех пор побегами своими
Оно тянулось ввысь, росло!

Мы в этом мире жили розно
И розно, видимо, уйдем.
Оно останется. И поздно
Жалеть и плакать о былом.

Одним я все-таки утешен,
Что долго будет сквозь корье,
Пока живу, мечтаю — грешен, —
Мне имя видеться твое...

Перевод Л. Мерзликina

ПОЮЩИЕ ЛОШАДИ

В Бухенвальде есть большая тачка,
брошенная здесь она стоит,
потихоньку мучаясь и плача,
чувствуя раскаянье и стыд.
Тысячи проходят перед нею,
спотыкаясь взглядом об нее,
и она от страха каменеет,
вспоминая прошлое свое.
В чеповечий рост ее колеса,
тяжелы они, как жернова,
на оси потертой стали косо,
словно бы и держатся едва.
Но прочна костями колымага
и для пыток все еще годна...
В ком-то вызывает же, однако,
одобренье тайное она!
...На нее

иссохшими руками

под издевки сытых палачей
узники наваливали камни
и не знали — вечным будет чей...
В колымагу их потом впрягали,
заставляли марши хором петь
и под страхом смерти в гору гнали,
где умолкших ожидала смерть.
Трупы их сжигали. Дым клубился,
воскурываясь, таял на глазах.
На поля Тюрингии ложился
охладевший прах...
И не спит ночами колымага,
о «поющих лошадях» молчит,
и в душе ее под кровом мрака
пепел
всех замученных
кричит.

ИКАР

По небу лишь
была для них открыта
на родину, домой,
дорога с Крита.
Отец умелый крылья смастерил
и на скале Икару говорил:
«Будь рядом, сын, соизмеряй усилие,
там, в вышине, опалит солнце крылья!»
Они взлетели.
Молод был Икар.
Сияло солнце, как желанный дар,
и миллиарды звезд к себе манили,
и, страх забыв,
он налегал на крылья, —
как вихрь, несли его в зенит
мечты,
и рухнул он в пучину с высоты.
И что ж!
Кто крылья опалить боится,
тому желанной цели не добиться.

Перевод В. Соколова

Редколлегия альманаха «Алтай» от души поздравляет поэта Фридриха Больгера со славным 70-летием, желает ему крепкого здоровья, рабочего настроения и больших творческих удач!

Владимир СТЕЛЛЕЦКИЙ

Владимир Иванович Стеллецкий, известный советский литературовед, поэт и переводчик, многие годы отдавший «Слову». Его перевод неизменно входит во все антологии, сборники, посвященные бессмертному памятнику древней Руси как один из лучших. Опубликовано стихотворение (из большого цикла стихов о «Слове») посвящается профессору, теоретику нашей литературы Л. И. Тимофееву.

ТВОРЦУ «СЛОВА»

И кони ржали за Сулою,
И копы пели на ветру...
Мы спорить силились с тобою,
Начав нелегкую игру.

Касались мы золотых поводий,
Нас кони мчали в степь, в ковыль —
И в прошлом не было мелодий
Милее, чем Бояна быль.

И мы коней своих поили
Водой серебряной Донца,
От строк твоих уйти не в силе,
Стремясь постичь их до конца.

Вставал нагорный Киев славный,
Былою славою гордись...
И на рассвете — в тихий час —
За нас молилась Ярославна,
Молилась Глебовна за нас!*

* Ольга Глебовна — жена буй тура Всеволода, младшего брата князя Игоря.

Святослав ВОИНОВ

СЛАДОК ХМЕЛЬ ВЕКОВ

А он и есть
та первая любовь! —
мой первый дом.

Андрей Комлев

Должно быть, у каждого есть на свете такой уголок, будь то село или город, в который влюбляешься до конца дней своих. Таким стал для меня небольшой районный центр Черниговщины — Новгород-Северский, город моего детства. Не на каждой карте можно разыскать этот городок, но всему миру известен он благодаря величайшему памятнику древнерусской литературы «Слово о полку Игореве».

Новгород-Северский живописно раскинулся на изрезанных глубокими оврагами высоких холмах, нависающих над красивой Десной. Река эта, извиваясь у самого города, образует гигантскую подкову. Прямо к ней сбегают крутые, сплошь покрытые садами улочки. Очевидно, не случайно на древнем гербе города «часть стены городской с воротами, над которыми башня со звездой, а по сторонам копьё и сабля золотые» изображались именно на зеленом фоне. Особенно прекрасен город в майскую пору, когда зацветут сады, разливая повсюду свои запахи. Со стороны Десны смотрится он сплошным благоухающим садом с едва выглядывающими одноэтажными домиками да рельефно выделяющимися над городскими постройками Успенским собором и древним Спасо-Преображенским монастырем. Город окружен глубокими, сплошь заросшими кустарником балками. На дне их — ключи с чистой, холодной водой, полно ягод, диких яблок, груш и даже орехов — лучших мест для ребячьих игр просто не сыскать!

Один из первых новгород-северских краеведов, учитель местной гимназии Иван Сбитнев писал в свое время в «Отечественных записках»:

«Новгород-Северский из-за реки Десны представляет лучшую картину из швейцарских видов, а особливо весною, когда Десна разливается по обширному лугу оного. Очаровываешься, когда приближаешься к нему по старой черниговской дороге»¹.

Позже о красоте здешних мест не раз с теплотой вспоминали и известный филолог М. А. Максимович, и выдающийся педагог К. Д. Ушинский, и многие другие именитые земляки, чье детство прошло в этом чудесном уголке левобережной Украины.

Вспоминая детство, могу сказать, что у меня и моих сверстников оно всегда соприкасалось с историей. И по сей день почти рядом с родительским домом на пригорке стоит чудом сохранившаяся деревянная церковь Николая, срубленная еще в 1760 году на месте древней каменной церкви 1086 года. Сейчас в ней музей, а было время, когда заброшенная церквушка находилась в нашей ребячьей власти. С самой ранней весны, когда открытый солнечным лучам холм оттаивал раньше всех других мест нашей улицы, допоздна затевали мы здесь разнообразные игры. Именно здесь, на «цвинтаре» (как называют и по сей день это место), чаще всего разыскивали вечером и загоняли нас по домам родители. А неподалеку возвышается высоченный холм, круто спадающий к Десне и почти отвесный со всех сторон. Лишь небольшая дорожка соединяет его с городом. Горожане называют его «Замком», очевидно, в память о существовавшем здесь в годы польского гнета укреплении. На этом неприступном холме — древнем детинце — располагалась много веков назад резиденция новгород-северских князей, жил здесь и герой «Слова о полку Игореве» — князь Игорь.

Как-то нашли мы архив неизвестного фотографа — множество стеклянных негативов со старыми видами города и портретами неведомых нам лиц. Все это было уничтожено во время игр. Жаль, что в ту пору не оказалось рядом взрослых людей (особенно школьных учителей), которые смогли бы зажечь интерес к истории, воспитать бережное отношение к документальным материалам. Да и сейчас в перенасыщенной специальными дисциплинами школьной программе до обидного мало уделяется внимания изучению местной истории, вопросам краеведения. А именно на славных примерах живших или живущих рядом земляков может почувствовать подрасток героический пафос славных дел нашего народа. Именно из памяти об отчем доме, улицах детства, городе, селе, крае,

¹ «Отечественные записки», 1828, ч. 34, с. 106.

где вырос человек, рождается великое чувство Родины, чувство гражданского патриотизма.

Знание местной истории, элементарные краеведческие навыки должны закладываться еще в школе. История преподносит свои сюрпризы и сейчас. Есть в Новгород-Северском музее. Он создан руками учеников средней школы-интерната под руководством учителя истории И. К. Коломийца, большого энтузиаста-краеведа. Экспонатам школьного музея может позавидовать даже любой государственный музей. Как-то в один из моих приездов Иван Кириллович показал мне письмо А. Н. Радищева, адресованное Екатерине II. Интересна история его находки — с ним на улице играли малыши, а проходившие мимо школьники-краеведы «реконструировали» его для своего музея. К сожалению, никто не попытался установить подлинность письма или разыскать его юных владельцев — возможно у них обнаружались бы и другие документы из неизвестного нам архива. Среди знакомых Радищева по тобольской ссылке упоминается, к примеру, губернский прокурор Иван Иванович Бахтин, выступавший с либеральными сочинениями в местном журнале. Чуть позже, уже с 1794 года, он служит в Новгород-Северском. Не к нему ли ведут следы радищевского письма, спокойно лежащего за стеклянной витриной школьного музея и ждущего своего исследователя?

Свою первую библиотеку я собрал еще в те далекие детские годы. Любовь к книгам передала мне мать. В чтении проходили многие сладостные часы. Помню, как ради тощеньких детских книжонок мы со старшим братом меняли оставшуюся от отца богатую коллекцию дореволюционных марок России и стран Европы. Библиотекой пользовалась вся наша уличная ребятня. Часть этих книг и сейчас сохранилась в старом родительском доме. Как память о славной той поре повсюду путешествует со мной, изданная на украинском языке, небольшая книжечка Николая Островского «Дитинство Павки Корчагина» — несколько глав из его всемирно известного романа.

Прошли годы. Судьба забросила меня в далекий Новосибирск. И вот здесь в начале восьмидесятых годов произошла моя первая серьезная встреча с книгой. Ею оказались «Рассказы о городах». Среди других книг на прилавке магазина она привлекала разве что своей пестрой обложкой. Начал просматривать. Книга сразу же захватила — ее автор увлеченно рассказывал о разнообразии городов, об их судьбах и значении в истории нашей Родины. С особой теплотой говорилось о судьбе малых городов. В глаза мне бросились строки и о моем родном городе, заимствованные автором у писателя Николая Вирты:

«Если будете в Новгород-Северском, не поленитесь забраться на монастырский холм. Он властвует над огромной долиной — поймой Десны. Могучая быстротечная река эта, петляя, уходит на юг, чтобы влиться в Днепр. С холма она видна на много километров. Необыкновенная ширь обзора, ограниченного массивной стеной

лесов, зеленый ковер лугов, блистающе на солнце озера и заливчики, махонькая избушка лесного кордона, легко скользящие по реке лодки, сине-синие небеса — ах, боже мой, да не наглядеться на эту чудесную картину и не забыть ее тому, кто хоть однажды побывал здесь!»¹

С этой самой встречи с книгой и заблел я краеведением. Захотелось узнать больше о родных местах. Все свое свободное время, прихватывая и отпуска, просиживал в библиотеках, пробираясь в архивы — делал выписки и даже составил карточку на две с лишним тысячи карточек с библиографией работ о Новгород-Северском и известных людях, живших здесь.

Многовековую и славную историю имеет этот город. Археологические раскопки, проводившиеся в последние годы, позволили установить его 1000-летний возраст. Свой славный юбилей город готовится отметить в 1985 году вместе с 800-летним юбилеем «Слова о полку Игореве».

Из «Повести временных лет» известны слова киевского князя Владимира I Святославича: «Не добро есть мало городов на Руси» и повелел их строить. Так на юго-восточных границах Киевской Руси, в живописном месте на реке Десне — на старом городище северян — появился Новгород-Северский. Впервые он упоминается в летописи под 1096 годом. Не раз у его неприступных стен разбивались нашествия половцев и печенегов, не раз гарнизоны города громил врагов в чистом поле. Первоначально Новгород-Северский входил в состав Черниговского княжества, а с 1098 года сам стал стольным княжеским городом. Известно, что в конце XII века в состав Новгород-Северского княжества входили такие города, как Путивль, Курск, Трубчевск, Брянск, Рыльск. Если взглянуть на современную карту, то границы этого княжества проходили частично по территории нынешних Брянской, Черниговской и Сумской областей, почти полностью включали Курскую и незначительно касались Орловской и Белгородской областей.

Интересно, что первое упоминание о столице нашей Родины Москве связано с Новгородом-Северским. Это новгород-северского князя Святослава Ольговича (отца князя Игоря) приглашал встретиться в 1147 году его союзник, владимиро-суздальский князь Юрий Долгорукий. «Приди ко мне, брате, в Москов», — пишет князь. Летописец же добавляет: «Святослав же еха к нему с дитятем своим Олгом в мале дружине, поима со собою Володимира Святославича. Олег же еха наперед к Гюргеви (к Юрию — С. В.) и да ему пардус, и приеха по нем отец его Святослав»². По случаю приезда дорогого гостя устроен был «обед силен». Я не случайно привел это летописное сообщение. Дело в том, что дважды (но по другому поводу) в отрывках сообщает об этом же и писатель Вл. Чивилихин в романе-эссе «Память», ошибочно называя в обоих случаях 1159 и

¹ Г. М. Лаппо. Рассказы о городах. М., «Мысль», 1972, с. 78.

² ПСРЛ, том 2. М., 1962, стб. 339—340.

1146 гг. (К сожалению, в романе немало и других ошибок)¹.

Встреча, о которой сообщала летопись, должна была укрепить существовавший между князьями военно-политический союз. Новгород-Северский князь до конца остался верным союзом с Юрием Долгоруким, даже и тогда, когда союз этот был довольно обременительным.

Судьбы городов сходны с судьбами людей и порой полны неожиданностей — никому неведомый поселок Москва стал столицей нашей огромной Родины, отпраздновавшей в 1947 году свое 800-летие, а бывшая столица Новгород-Северского княжества — ныне городок районного значения с населением менее пятнадцати тысяч человек.

В апреле 1185 года отсюда выступила в поход на половцев дружина Игоря Святославича. Трагически завершился этот поход — в изнурительном, тяжелом бою погибло почти все войско русичей, а князья попали в плен. Но не будь этого поражения — не появилось бы и «Слово о полку Игореве», гениальнейшая поэма средневековой Руси, полная тяжких раздумий о ее судьбе и высокой сыновней любви к ней. Упоминается в «Слове» и Новгород-Северский:

Трубы трубят в Новеграде —
Стоять стязи в Путивле;
Игорь ждет мила брата Всеволода.

Древний период истории самого Новгорода-Северского стал известен лишь недавно, благодаря раскопкам последних лет. Установлено, что город был не только важным узлом оборонного значения, но и центром экономического развития. Найдены следы железодельного производства — остатки домниц, где с помощью кислородного дутья получали чистое («кричное») железо, а также ювелирного, косторезного и гончарного. К концу XII века город располагал уже двумя линиями мощных укреплений. Это была столица с высокоразвитыми ремеслами и торговлей, в чем убеждало большое количество найденного инструмента — ножей, зубил, кованых гвоздей и привозных вещей — византийских амфор и глазурных блюд, стеклянной посуды, янтаря. Найдено и древнерусское писало — инструмент, с помощью которого писали на бересте или специально навоощенных дощечках. Найдены и обломки сосудов с процарапанными на них буквами — метками владельцев. В северо-западном углу детинца археологи вскрыли «медушу» — погреб для хранения вина, меда, оливкового масла и пряностей. Размеры «медуши», вмещающей не менее 100-120 полуторговедерных амфор-корчаг, указывают на богатство и высокое общественное положение ее владельца. А конкретнее — здесь находились хозяйственные постройки княжеского двора.

Еще в конце XVIII века на территории местного Спасо-Преображенского монастыря возвышался собор XII века. К тому

¹ «Наш современник», 1984, № 3, с. 114, 117.

времени он потерял свой первоначальный облик в результате неоднократных перестроек, и для епархии вновь созданного наместничества был тесен. По указанию Екатерины II старое сооружение было разобрано и на его месте по проекту Дж. Кваренги сооружен огромный Спасо-Преображенский собор. Несколько лет назад московско-черниговская археологическая экспедиция возобновила раскопки внутри этого собора, проводившиеся еще в 1953 году. Был обнаружен фундамент древнего храма, построенного в конце XII века, предположительно во времена Игоря Святославича. Это было уникальное сооружение из кирпича, украшенное разноцветными майоликовыми плитками и фресковыми росписями. Но больше всего специалистов поразили боковые апсиды, характерные для архитектурных памятников лишь этого княжества. Находки археологов позволили им не только научно подтвердить предположение о существовании родового храма Ольговичей, в котором были захоронены родственники князя Игоря, но и установить ранее неизвестный факт существования в новгород-северской земле оригинальной школы зодчества. Не лишне повторить слова доктора искусствоведения Г. Н. Логвина о том, что стертые с лица земли монгольским нашествием в 1239 году храмы и дворцы Новгорода-Северского, возможно, поражали бы наше воображение и восхищали так же, как впечатляют неувядаемая красота «Слова о полку Игореве».

Монголо-татарское иго надолго задержало экономическое и культурное развитие Северной земли, вошедшей в состав Брянского княжества. В середине XIV столетия Новгород-Северский попадает под власть литовских феодалов, а после русско-литовской войны 1500—1503 гг. входит в состав Русского государства. В 1600 году здесь в Спасо-Преображенском монастыре скрывался Григорий Отрепьев, а в 1604 году с польскими войсками он — Лжедмитрий — появляется у стен города. Горожане во главе с воеводой Басмановым дали серьезный отпор самозванцу, и позже за стойкую оборону в городской герб были добавлены золотые копьё и сабля. Не раз еще новгород-северцы доказывали свою верность России.

По Деулинскому соглашению 1618 г. город вошел в состав Польши. В 1648 году во время освободительной войны украинского народа восставшие горожане при поддержке прибывших на помощь казацких полков расправились с польской шляхтой.

К 1708 году Новгород-Северский был хорошо укрепленной крепостью. Гетман Мазепа, собираясь передать город Карлу XII, сосредоточил здесь значительные запасы боеприпасов и продовольствия. Шведам не удалось овладеть городом — горожане, узнав о приближении шведского отряда, своевременно известили Петра I, который вскоре прибыл сюда из Свенского монастыря. Сохранилось несколько писем Петра I из Новгорода-Северского. Здесь он окончательно убедился в предательстве Мазепы.

Во времена проводимых Екатериной II

реформ появляется проект П. А. Румянцева-Задубнаевского о разделении Украины на три наместничества, центрами которых должны были стать наиболее древние и богатые славной историей города. Выбор пал на Киев, Чернигов и Новгород-Северский. И по сей день на одной из центральных улиц города стоит, не вписывающаяся в его скромную архитектуру, каменная триумфальная арка, на боковых стенах которой изображены гербы уездных городов Новгород-Северского наместничества, созданного в 1782 году.

Значение Новгород-Северского как культурного центра характерно не только для его средневекового периода. С 1637 года епископскую кафедру здесь возглавил Лазарь Баранович (1620—1693) — энергичный религиозный, литературный и общественный деятель Украины, имевший авторитет даже у Алексея Михайловича. При поддержке московского царя в Спасо-Преображенском монастыре разворачивается крупное строительство — возводятся каменные семиметровые стены, башни, внутренние постройки. Вокруг Барановича группируются талантливые деятели проповедники, писатели, художники и зодчие. При монастыре создается коллегиум, затем школа, основывается первая в левобережной Украине типография, в которой напечатаны на славянском, польском и латинском языках около пятидесяти книг не только духовного содержания.

В 1789 году в городе было открыто главное народное училище, преобразованное впоследствии в гимназию. Своим существованием и славой лучшей гимназии на Украине новгород-северская гимназия во многом обязана профессору Харьковского университета и одному из его основателей И. Ф. Тимковскому (1772—1853). Оставив по болезни университет, Тимковский позже становится директором новгород-северской гимназии. Личность этого ученого, страстно любившего науку и нелицемерно служившего ей, имела сильное влияние на гимназистов. Несмотря на многие пороки, характерные для системы образования дореволюционной России, местная гимназия пользовалась славой образцового учебного заведения. Существовал даже проект создания на ее основе университета.

Позднее выпускник новгород-северской гимназии К. Д. Ушинский вспоминал, что ему доводилось посещать даже такие столь различные учебные заведения, считавшиеся образцовыми, где «презрение к науке было предметом хвастовства для воспитанников» и где «еще плохо читающие по-русски уже... считаются чинами и породу своих батюшек, дядюшек и тетушек и где один воспитанник подает другому руку после глубоких соображений». Вспоминая свою гимназию, Ушинский видел главное ее достоинство в том, что между гимназистами «жило... какое-то благоговейное уважение к науке и к тем же самым немногим учителям и даже товарищам, которые ревностно ею занимались»¹.

¹ К. Д. Ушинский. Собрание сочинений, т. 11. М.-Л., 1952, с. 52.

Не случайно, что из стен повгород-северской гимназии вышло немало выдающихся деятелей литературы, культуры, науки, революционного движения. Кроме уже упомянутого Ушинского в гимназии учился М. А. Максимович (1804—1873) — выдающийся ученый-природовед, филолог, историк и фольклорист, который был близок с А. С. Пушкиным и находился в дружеских отношениях с Н. В. Гоголем и Т. Г. Шевченко. Здесь учились братья Заблоцкие-Десятковские. Андрей Парфенович (1807—1881) стал известным деятелем реформы 1861 года, автором многих работ по экономике России. Михаил (ум. в 1858 г.) был выдающимся статистом, метеорологом и историком, Павел (1814—1881) — профессор медико-хирургической академии.

В моей картотеке учтено более двух тысяч имен преподавателей и выпускников гимназии. Многие имена со временем обрастают интересными фактами из их жизни, прослеживаются любопытные связи. Так, гимназист Пантелеймон Кулиш стал известным украинским писателем, зачинателем украинского исторического романа. Василий Шишонко стал известным врачом и еще более известным краеведом — им написана многотомная «Пермская летопись», его и сейчас на Урале называют пермским Нестором. Учитель гимназии Иван Филиппович Вернет был чтецом у прославленного полководца Суворова и впоследствии стал писателем. Вместе с Т. Г. Шевченко учился в Академии художеств Сергей Алексеев — будущий учитель рисования гимназии, а еще один из ее учителей — Антон Родионович Райлян — был учеником выдающегося Репина. Профессором астрономии стал учитель физики Павел Зацеплинский.

На книгах нелегальной гимназической библиотеки формировались революционные взгляды Николая Кибальчича и Александра Михайлова — членов Исполнительного комитета «Народной Воли». Позднее на революционный путь встали Алексей Свидерский (1878—1933) и Николай Алексеев (1873—1972), много лет работавшие рядом с В. И. Лениным. Это Алексеев в 1902 году подготовил в Лондоне типографию для печатания «Искры» и встречал прибывших сюда Надежду Константиновну и Владимира Ильича. В годы уфимской ссылки встречался с В. И. Лениным А. И. Свидерский. В 1918 году он был назначен членом коллегии наркомпрода, разрабатывал декреты о продналоге, продразверстке. Неоднократно он избирался членом ВЦИК и ЦИК СССР, а с 1929 года был полномочным представителем СССР в буржуазной Латвии.

Еще можно было бы назвать немало славных имен земляков — пожалуй, в Новгороде-Северском не хватило бы и улиц, чтобы назвать их всеми этими именами. И тем не менее есть в городе такие улицы, как Зеленая, Дачная, Овражная... И нет улиц с именем Николая Кибальчича, Алексея Свидерского, Николая Алексеева. Впрочем, этот недостаток еще в большей мере присущ и крупным городам.

В том же Новгороде-Северском вы почти не увидите памятных досок. Одна

установлена на здании медицинского училища в память о проходившем здесь заседании ревкома и несколько (благодаря стараниям школьных краеведов) — на здании бывшей гимназии, ныне средней школы-интерната. А между тем в городе наверняка сохранились здания, в которых жили (или бывали) многие именитые земляки. Многих из них еще предстоит разыскать местным краеведам.

Я благодарен Георгию Лаппо за его книгу, которая помогла мне прикоснуться к славным страницам истории родного города и посеяла во мне неизлечимый вирус краеведения. Об этом я написал автору «Рассказов о городах» и неожиданно получил от него экземпляр второго издания книги с автографом — первым в моем книжном собрании. Сейчас их более двухсот.

Читатель уже, вероятно, заметил, что, рассказывая об истории родного города, мне неоднократно пришлось упомянуть и «Слово о полку Игореве». Что поделаешь, судьба Новгорода-Северского неотделима от судьбы Игоревой песни. Он, как и Путивль, Трубчевск, Чернигов, Рыльск — свидетель многовековой истории нашего народа, свидетель событий, воспетых талантом неизвестного автора. Занимаясь новгород-северским краеведением, рано или поздно подойдешь и к изучению «Слова». Интерес к нему я замечал в судьбах многих своих земляков. Появление многочисленных публикаций к 175-летию юбилею первого издания поэмы обострило мой интерес к ней. Но всепоглощающее увлечение этим изумительным литературным памятником средневековья пришло после еще одной встречи с книгой. Зимой 1976 года в Новосибирске мне в руки попала только что вышедшая историческая повесть пермского писателя Алексея Домнина «Матушка-Русь». Рассказывалось в ней как раз о «Слове», о трагических событиях Игорева похода, предлагалась очень уж необычная и, вместе с тем, чрезвычайно правдоподобная отцовская гипотеза об авторе «Слова». Повесть привлекла своей душевной искренностью, живым и ярким поэтическим языком, глубоким знанием эпохи. Захотелось заново перечитать «Слово», познакомиться с другими версиями о его создателе, подробно узнать о жизни героев поэмы и наконец собрать все, что о ней написано. Перечитав все повести и романы, написанные по мотивам «Слова», и не вдаваясь в гипотезу об авторе, сделал вывод, что «Матушка-Русь» — лучшее из всех художественных произведений в прозе о «Слове».

Как бы там ни было, а с этого момента, с этой второй встречи с книгой и началась формироваться моя Словознана. Обладая к этому времени уже некоторыми краеведческими навыками, знакомство со «Словом» и вхождение в него начал я с изучения и составления библиографии. Это, безусловно, помогло сориентироваться в безбрежном книжном океане, порожденном «Словом», облегчило поиск нужных изданий и исследований. И если число всех слов в «энциклопедии древнерусской культуры», как иногда называют поэму, не превышает и трех тысяч (попстине гениальная лако-

ничность!), то число лишь специальных, ей посвященных научных работ давно уже превысило эту цифру.

Библиография «Слова» разрабатывалась издавна. Известны работы Е. В. Барсова, И. Н. Жданова, П. В. Владимирова, А. И. Смирнова и Н. К. Гудзия, вышедшие в дореволюционный период. В советское время издавались специально посвященные «Слову» библиографические указатели В. П. Адриановой-Перетц, О. В. Даниловой (совместно с Е. Д. Поплавской и И. С. Романченко), Л. А. Дмитриева. Но даже эти указатели давно уже стали библиографической редкостью. Все они страдают неполнотой, особенно по дореволюционному периоду, не учитывают множество газетных публикаций. Поэтому составление полной библиографии «Слова» представляется задачей большой важности.

Прошли годы. Собрание, начавшееся с книги Алексея Домнина, стало довольно солидным и известным. В нем немало интересных изданий и исследований. О некоторых из них, на мой взгляд, наиболее примечательных, хочется рассказать подробнее.

Передо мной объемистая книга «Слово о плъку Игореве, Святыславля песнотворца старого времени», изданная в 1844 году. Ее автор — магистр Московского университета Дмитрий Никитич Дубенский — известен как один из учителей М. Ю. Лермонтова в пансионе. По принципу изложения книгу можно назвать отдельным изданием поэмы — основную часть ее занимают набранные крупным шрифтом древнерусский текст и его перевод, сопровождаемые многочисленными интересными комментариями и подстрочными примечаниями (их более семисот). Во вступительной статье «Взгляд на историю литературы «Слова о полку Игореве» автор подвел итоги изучения «Слова» за сорок лет со дня его первой публикации. Дубенский высоко оценил этот памятник и признал его язык свидетельством высокой культуры Древней Руси домонгольского периода, считая, что язык этот богаче и разнообразнее языка памятников позднего времени. Мой экземпляр книги интересен и тем, что ранее принадлежал старейшему высшему учебному заведению Польши — Ягеллонскому университету. Об этом свидетельствуют экслибрис и штамп университетской библиотеки. Очевидно, в годы второй мировой войны библиотека рассеялась по миру, и этот экземпляр в конце концов попал ко мне. Излишне говорить о ценности этой книги.

Снимаю с полки стихотворный перевод своего земляка Николая Гербея «Игорь, князь Северский». Это уже пятое издание 1876 года, а первое вышло в 1854 году. Текст перевода, рифмованный в духе легкого сказа, помещен в книге параллельно с древнерусским текстом, набранным славянскими буквами. Издание оформлено с любовью, хорошо для того времени иллюстрировано. В предисловии перечислены существующие переводы, приводятся их образчики. В этом чувствуется Гербель-библиограф. Перевод земляка в свое время имел успех и нашел широкий отклик. Положительные отзывы о нем достигли даже Но-

вопетровского укрепления (Оренбургская губерния), где отбывал ссылку Т. Г. Шевченко, и в письме от 14 апреля 1854 года поэт просит друзей раздобыть ему эту книгу для работы над переводом «Слова».

Имею немало дореволюционных исследований и переводов поэмы, которые при ближайшем с ними знакомстве могут вызвать улыбку у иного современного специалиста — неточны или наивны в них некоторые выводы, несовершенен слог. И все же для истории изучения древнерусского эпоса они весьма любопытны тем, что отражают определенный уровень развития филологической науки, поиски новых стилей и направлений.

Вот один из литературных опусов, появившийся в 1846 году из-под пера Дмитрия Ивановича Минаева (1808—1876), — «Слово о полку Игоря». Фразистые импровизации на мотивы «Слова», имитированные поэтом в стиле народных песен, трудно назвать переводом. Вот как звучит, к примеру, всеми любимый «Плач Ярославны»:

Святославу слышится
(С крутой боевой стены
Путивля удельного):
То стон лесной горлицы,
То чудный кукушки звук:
Он слушает... в голосе
Есть что-то знакомое,
Ему не далекое:
Поет это дочь его —
Жена князя Игоря.

Он видит в туманной мгле:
Она на стене стоит,
Головкой склоняся своей
На грудь белоснежную;
Поет Ярослава дочь
И князь ее слушает:

«Я касаткой по Дунаю
В свою отчину летаю!
А назад как полечу,
Так рукав бобровый шубы
Я в Каяле омочу!
Раны Игоря святые,
За Отчизну добытые,
Я водою залечу».

Ярославна поет в тишине
И идет, все идет по стене,
И стоны и звуки несутся к нему,
И хочется песню все слушать ему!

«Ветер, ветер, что ты воешь,
Что ты путь широкий роешь
Распашным своим крылом?
Ты, как раб Аварской рати,
Носишь к знаю благодати,
Стрелы ханских дикарей!»
и т. д.

Сам Минаев объяснил, что цель его перевода в том, чтобы дать «народное лицо этой баянке и сделать ее доступною всем читающим сословиям». По сути, речь шла о создании понятного всем поэтического переложения поэмы. Что из этого получилось, можно судить по приведенному отрывку.

По-своему оригинально использовал

мотивы «Слова» и сын Д. И. Минаева — Дмитрий Дмитриевич Минаев (1835—1889), известный поэт-сатирик, сотрудник «Искры». Его пародия «Слово о полку Игореве. Новый перевод по списку, найденному между бумагами Миханла Бурбонова» («Искра», 1864, № 45, с. 581—582), едко высмеивает реакционных публицистов, писателей и поэтов. Вот как звучит небольшой отрывок из нее:

Кони ржут за Сулою,
Публицисты — в «Вести»,
На Неве и Киеве
Все заржали вместе.

Среди имеющихся у меня редких изданий еще хотелось бы выделить переводы И. Гушалевича («Слово о полку Игоря Святославича». Львов, 1850), С. Кораблева («Слово о полку Игоря Святославича, внука Ольгова», М., 1856), Панаса Мирного («Дума про войско Игоря», Киев, 1914). Редко упоминается в библиографии и издание, вышедшее в 1887 году во Львове в серии «Международная библиотека» под общим названием «Вещ славянских поэтов». В этом примечательном по замыслу издании помещены три славянских перевода «Слова»: на русский язык — Николая Гербеля, на чешский — Карла Яромира Эрбена и на польский — Адама Красинского.

Очень дорожу я исследовательскими работами прошлого века. Это в книге П. Пекарского «Слово о полку Игореве» по списку, найденному между бумагами императрицы Екатерины II» (СПб., 1864), впервые была опубликована копия, снятая с Мусин-Пушкинского списка памятника. Работа эта положила начало паалеографическому изучению «Слова». А книги Н. Головина «Примечания на «Слово о полку Игореве» (М., 1846). Вс. Миллера «Взгляд на «Слово о полку Игореве» (М., 1877) и А. Потемни «Слово о полку Игореве» (Воронеж, 1878) интересны своими подробными разборами древнерусского текста.

Рядом с этими книгами стоит трехтомник Е. В. Барсова «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси». Этот огромный труд, написанный с большой любовью видным этнографом и собирателем древностей, в свое время называли энциклопедией «Слова». Да и сейчас ни один серьезный исследователь не может обойтись без этой книги и не каждая, даже крупная, библиотека имеет ее.

Давно замечено, что интерес к «Слову» не только не ослабевал, а еще больше проявлялся в самые трудные для нашего Отечества годы. Патриотический накал Игоревой песни воодушевлял воинов Дмитрия Донского и отразился в памятниках Куликовского цикла. Есть и в моем собрании ряд изданий и исследований, отпечатанных в суровые годы революции, гражданской и Великой Отечественной войны. 1917-й год представлен вышедшим в Москве пятым изданием перевода С. К. Шамбинаго (серия «Универсальная библиотека») и петроградским переизданием сборника «Слово о полку Игоря» И. Глазунова. Ря-

дом 1918-й год — пятнадцатое глазуновское издание вместе с третьим изданием перевода В. Пузицкого и вторым львовским изданием В. Шурата. Есть и скромная на вид книга Л. К. Ильинского «Перевод «Слова о полку Игореве» по рукописи XVIII века (Петроград, 1920) и, конечно же, ставшее давно редким, фототипическое воспроизведение Мусин-Пушкинского сборника 1800 г., изданное братьями М. и С. Сабашниковыми в 1920 году. Сравниваю это издание с подобным суворинским 1904 года, отпечатанным на добротной, плотной бумаге, (будто вчера из типографии!) и все же отдаю предпочтение первому. Не потому, что оно сопровождается статьей профессора М. Н. Сперанского, а потому, что в трудное и славное время появилась эта книга, одобренная отделом печати Московского Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов.

Люблю показывать всем и книгу академика А. С. Орлова «Слово о полку Игореве» — московское издание 1923 года. Точно такая же хранится в Кремлевской библиотеке Владимира Ильича Ленина. Простое собирание литературы было совершенно чуждо Ильичу. Прорабатывая огромное количество книг, он оставлял в своей библиотеке лишь необходимые для работы и любимые книги. Такой оказалась и книга А. С. Орлова.

Текст «Слова» вождь революции хорошо знал еще, очевидно, с гимназической поры. В его работах «О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности» и «О продовольственном налоге» (написаны соответственно в 1918 и 1921 гг.) четыре раза повторяются выражения «растекаться мыслью» и «расплываться мыслью по древу», заимствованные из «Слова». В ленинском звучании они приобрели новый смысл — так Владимир Ильич говорит о «левых» коммунистах, уходящих в своих выступлениях от конкретной постановки вопроса, разглагольствующих (растекающихся) мыслью вместо того, чтобы заниматься делом.

Из книг, изданных в годы Великой Отечественной войны и попавших в мое собрание, не могу не рассказать об одной. Это исследование Л. А. Творогова «Слово о полку Игореве». Место издания — Новосибирск, 1942 год. Проживая в 70-х годах в Новосибирске, не раз слышал об этой книге от здешних библиофилов. О том, что выдавалась она вместе с оружием политукам воинских частей, формировавшихся для отправки на фронт. Конечно же, хотелось разыскать эту книгу. Выспрашивал о ней у книжников, искал в библиотеках и даже упоминал о ней на телевидении. Книга не находилась. Не было ее и ни в одной из новосибирских библиотек, в том числе в Государственной Публичной библиотеке Сибирского филиала Академии наук СССР. Видел ее в главном книгохранилище нашей страны — Государственной библиотеке имени В. И. Ленина в Москве. Небольшая, под размер кармана гимнастерки брошюра, отпечатанная на сероватой газетной бумаге. В выходных данных стоит приписка «Тираж 400 экз., бесплатно». Рассказывался в ней о литературной истории Мусин-Пушкинского списка «Слова». о проблеме воссоздания первоначального его

чтения, о том, что список этот мог быть переписан в одном из псковских монастырей. Уже позже мне удалось списаться с известным исследователем «Слова», доктором филологических наук О. В. Твороговым, старшим научным сотрудником отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома. Вскоре получил от него объемистую бандероль. В ней было несколько авторских оттисков работ самого Олега Викторовича и все работы военных лет Леонида Алексеевича Творогова, его дяди. Было в бандероли и «Слово о полку Игореве» 1942 года с автографом:

«Дорогому племяннику Олегу на добрую память от дяди-автора. 2-го января 1943 г. Л. Творогов».

С благоговением рассматривал этот драгоценный дар. Вот она, скромная книжка-боец! Нужно было еще подтвердить ее армейскую биографию, хотя и пометка «бесплатно», и ее небольшой формат, и отсутствие в библиотеках косвенно подтверждают назначение книги. Начались поиски. В сборнике «Через годы, через расстояния...» (Новосибирск, 1977), рассказывающем о боевом пути и людях 140-й Сибирской дивизии, я обнаружил воспоминания Дм. Дажина об агитаторе дивизии капитане Александре Карпове. Случилось так, что дивизия, сформированная в конце 1942 года в Новосибирске, в августе 1943 года участвовала в боях за освобождение от фашистов древнего Новгорода-Северского. Александр Карпов перед решающим штурмом рассказывал бойцам о славной истории города, о «Слове». И звучали в окопах слова:

**А мои ведь куряне
Бывалые воины:
Под трубами повиты,
Под шеломами взлелеяны.
Пути им ведомы,
Овраги ими знаемы,
Луки у них натянута,
Колчаны отворены,
Сабли изострены.
Сами скажут,
Словно серые волки в поле,
Ищучи себе чести...¹**

Не подкачала славная дружина — вскоре древний город над Десной был освобожден, а дивизия удостоена почетного наименования «Новгород-Северская». Не сослужила ли добрую службу в этих боях новосибирская книжечка? Как дорогую реликвию храню ее рядом со сборником «Героическая поэзия Древней Руси», составленном в блокадном Ленинграде, где помещена и первая публикация «Слова» в переводе В. И. Стеллецкого. Знать, нужны были эти книги в суровую для страны пору. Как хлеб и как порох. Патриотический дух древнерусской поэмы вдохновлял перед боями воинов, вселял гордость за великую культуру народа и придавал уверенность в победе. А поиск продолжается...

¹ Через годы, через расстояния... Новосибирск, Западно-Сибирское кн. изд-во, 1977, с. 128—129.

Вот так встреча с книгой Алексея Домнина «Матушка-Русь» привела к созданию редкого собрания «Слова». Если говорить о количественной стороне, то число книг в нем (не считая сопутствующей литературы о Древней Руси) уже превысило восемьсот, в том числе более ста отдельных изданий поэмы. Ежегодно Словяна пополняется в среднем на сто книг и журналов.

Собираю я и все, что имеет отношение к «Слову»: газеты и газетно-журнальные вырезки, афиши и пригласительные билеты, работы художников и различные сувениры, изопroduкцию и филателистические материалы, фотографии и документы, рукописи, письма и многое другое.

В графическом разделе моей Словяны есть работы известных художников Николая Калиты, Василия Лопаты, Виталия Воловича. Среди последних поступлений множество экслибрисов, выполненных разными художниками по мотивам Древней Руси и «Слова». Свою акварель «Слово о полку Игореве» недавно подарил воронежский художник Василий Криворучко, картину «Возвращение Игоря» написала специально для собрания и подарила ленинградская художница Марина Тиме.

Формируется и интересный рукописный раздел. В нем уже более ста рукописных, в основном неопубликованных, работ и даже четыре перевода «Слова». Бережно храню письма (их уже более шестисот) многочисленных исследователей и переводчиков, а также всех, кто занимается изучением «Слова» или использовал его мотивы в своем творчестве. Среди авторов писем известные ученые Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, О. В. Творогов, Г. Н. Моисеева, В. И. Стеллецкий, переводчики А. Н. Скрипов, В. А. Шевчук, Г. Ф. Карпунин, Г. П. Панов, В. В. Медведев, С. В. Ботвинник, писатели Т. В. Лихоталь, Ю. П. Плашевский, Л. Н. Васильева, В. А. Чивилихин, композиторы Л. В. Кулаковский, Б. И. Тищенко и многие другие.

Большую помощь оказали ученые Пушкинского дома доктор филологических наук Л. А. Дмитриев и доктор филологических наук О. В. Творогов. Много интересных книг и документов подарил мой наставник и друг пермский переводчик «Слова» Алексей Домнин. Свои работы подарили исследователи поэмы Д. С. Лихачев, Г. Н. Моисеева, Ф. Я. Прийма, А. Н. Робинсон, В. В. Лукьянов, П. П. Охрименко, литераторы Е. Осетров, Е. Петряев и многие другие.

Интересная переписка завязалась у меня с одним из старейших исследователей «Слова», доктором филологических наук В. И. Стеллецким. «Плач Ярославны» он перевел еще в четырнадцатилетнем возрасте — в 1919 году, а серьезно занялся изучением поэмы с 1935 года. Большинство его работ в моем собрании — с автографами. Несколько раз я гостил у Владимира Ивановича на его московской квартире и на даче в Загорянке. Часами длились наши беседы о «Слове», и советы этого авторитетнейшего ученого, принципиального и кристально честного человека для меня особенно дороги.

Люблю добрые письма Б. Н. Двигини-

нова, тамбовского исследователя «Слова». В них и беспокойство о будущем музее великой поэмы, и искреннее желание поделиться советом, оказать помощь. Пополнять пермскую Словяну обязательными экземплярами всех своих работ он считает своим долгом.

Как-то Борис Николаевич подарил мне редкое французское издание «Слова» на русском языке с переводом и примечаниями С. Н. Плаутина (С. Н. Плаутин. «Слово о полку Игореве». Исправленный и не исправленный тексты. Перевод и примечания. Париж. 1958). С этой книгой тамбовский ученый познакомился в Ленинграде, в Пушкинском доме, а в Тамбове в одном из апрельских номеров институтской газеты «Народный учитель» за 1959 год дал восторженный отзыв о работе французского исследователя. «На всей работе С. Н. Плаутина лежит тревожный отблеск неутомимых исканий. Он — великомученик «Слова о полку Игореве», жадно стремящийся познать истину и не отчаивающийся, если она от него порою ускользает», — писал рецензент. Каким-то образом этот отзыв попал во Францию и почти полностью был перепечатан газетой «Русские новости». Между двумя исследователями завязалась переписка.

В 1961 году Сергей Николаевич Плаутин посетил нашу страну. В одном из писем Б. Н. Двигининов вспоминает:

«Встретились мы лично только один раз в Москве, в гостинице «Украина» 27 августа 1961 года... (до этого он был в Ленинграде у Д. С. Лихачева, В. И. Малышева в ИРЛИ). Беседовали все о «Слове». Время было позднее — к ночи. Он на память начертил мне свою родословную, идущую от М. В. Ломоносова, т. е. от его дочери».

Добавлю, что Плаутин еще ребенком был увезен родителями во Францию, и начавшаяся вскоре первая мировая война сделала его вынужденным эмигрантом. Всю жизнь он был истинным патриотом Руси и тосковал по Родине. Умер он в Париже в 1970 году.

И вот передо мной его книга. На ней автограф: «Дорогому Борису Николаевичу Двигининову дополнения и исправления к моей работе о «Слове о полку Игореве» с просьбой ими воспользоваться и их огласить. От тяжело больного С. Плаутина. Париж, 31 июля 1964 г.» Книга вся испещрена многочисленными, внесенными рукой автора, исправлениями, дополнениями, интереснейшими историко-филологическими примечаниями и уже даже поэтому представляет большую ценность. Для меня она стала примечательной и потому, что это было сотое отдельное издание в моей Словяне, лучшее приобретение года.

Чрезвычайно интересна книга и по содержанию. Кроме древне-русского текста издания 1800 г. в ней помещен текст, реставрированный по правилам грамматики, и перевод на современный русский язык. В переводе есть немало удачных находок в прочтении некоторых слов и выражений поэмы, в расстановке знаков препинания. Но наиболее интересен комментарий к переводу. Вот, к примеру, как объясняет

Плаутин все выражения «Слова», связанные с упоминаемым в нем Трояном:

«Троян — языческое божество. Вал, ограждавший Киев с юга от набегов кочевников, назывался «Трояновым», а также «Змиевым» валом. Согласно летописи он был воздвигнут в 988 г. при Владимире I Святославиче и расширен в 1032 г. при Ярославе Мудром. «Змий» символизирует зло. Сопоставление Трояна со змеем приводит к заключению, что Троян был злым божеством.

Трояновы века — эпоха зла, время княжеских усобиц.

Троянова земля — побережье Азовского моря. Арабский географ XII в. Идриси упоминает о половецком городе Труя (местечко Троя близ г. Бердянска, ныне Осипенко). Возможно, что Труя — один из городов Трояновой земли.

«На седьмом веце Трояни» — следует понимать в значении седьмого тысячелетия от сотворения мира. В представлении автора «Слова» «седьмой век», характеризующийся усобицами, находится в обладании злого божества Трояна, и поэтому он его называет «Трояновым».

Выражение «стяги глаголют» Плаутин переводит как «полотнища стягов плещут» (от сохранившегося в народном языке глагола «голололати», т. е. «болтать»).

Интересна и его трактовка фразы «Се бо готския красныя девы въспеша на брезе синему морю: звоня рускымъ златомъ, поють время Бусово, лелеють месть Шароканю. А мы уже, дружина, жадни веселия!» Обычно эта фраза понималась как выражение радости готских дев по случаю победы половцев над русскими. Плаутин считает, что готские прекрасные девы относятся к русским дружелюбно и воспевают на берегу Синего, т. е. Азовского моря, русскую славу и в печальное время («бусовое») восхваляют месть, нанесенную Шаруканю русскими князьями в 1107 году. Подобно готским красавицам не унывают и бояре, утешающие киевского князя Святослава. Объясняя его «смутный» сон, бояре говорят: «А мы уже, дружина, жадни веселия!», т. е. «мы жаждем возмездия за нанесенное половцами поражение». Готы-тетракситы, жившие на берегах Азовского моря, были оседлым христианским населением, а половцы были кочевниками, язычниками. Интересы их были противоположными, и готские девы не могли злорадствовать по поводу поражения Игоря. И автор «Слова», по мнению исследователя, относится к готским девам дружелюбно, называя их «красными», т. е. прекрасными, красивыми.

Каждого, кто влюблен в поэтический мир «Слова», не могут не интересовать любые новые сведения о его героях, об их личных качествах и судьбах. Много ли знаем мы, к примеру, о жене Игоря Ярославне, в образе которой воплотились лучшие черты русской женщины? Еще в первом издании «Слова» 1800 г. сообщается, что Игорь Святославович «женился в 1184 году на княжне Ефросинии, дочери князя Ярослава Володимировича Галицкого». Известно также, что имя жены Игоря А. И. Мусину-Пушкину сообщила Екате-

рина II. Какими источниками она располагала — неизвестно. Документальных подтверждений имени Ефросиньи Ярославны пока не найдено, в русских летописях вообще редко упоминаются имена женщин. Из «Истории Российской» В. Н. Татищева известно, что христианское имя Ефросиния носила мать Ярославны Ольга Глебовна.

Интересное наблюдение о Ярославне приводит и С. Н. Плаутин. В Любечском синодике он заметил упоминание о черниговском князе Феодосии и княгине его Ефросинии. Но в Чернигове никогда не было князя с таким именем. В то же время в синодике нет упоминания об Игоре Святославиче, и Плаутин предполагает, что Феодосий — это монашеское имя Игоря Святославича, а рядом с ним в синодике названа его жена Ефросиния Ярославна. К такому же выводу совсем недавно подошел Вл. Чивилихин в романе-эссе «Память». Тем не менее это предположение еще требует доказательств.

В литературе «Слова» установилось мнение, что поскольку брак Игоря с Ярославой был заключен в 1184 г. (за год до его похода на половцев), а его пятеро сыновей и дочь родились раньше этого времени, то Ярославна — их мачеха и вторая жена Игоря. И вновь Плаутин доказывает ошибочность такого мнения. Он замечает, что в Ипатьевской летописи брат Ярославны Владимир Галицкий назван шурином Игоря еще под 1183 годом. Если заглянуть в летопись, то действительно можно обнаружить подробную запись о том, как после ссоры с отцом Владимир Ярославич пытался найти приют у волынского князя Романа Мстиславича, затем у Ингваря Ярославича Дорогобужского, у Святополка Мстиславича туровского, у Давыда Ростиславича смоленского и даже у Всеволода Юрьевича, князя владимирского. Никто из этих пяти князей не решился принять Владимира, опасаясь гнева его отца — могущественного Ярослава Осмомысла. Не побоялся приютить его лишь Игорь Святославич, его зять. «Тои же прия с любовью и положи на нем честь велику и за две лете держа и у себя и на третьи лето введе и в любовь с отцомъ его...», — сообщает летопись (ПСРЛ, т. II, М., 1962, стб. 660). Для примирения своего шурина с его отцом Игорь, очевидно, не случайно отправил с ним своего сына Святослава, считая, что только родной внук мог смягчить сердце деда.

И еще одно верное наблюдение. В 1187 году умер Ярослав Осмомысл, оставив своим наследником незаконнорожденного Олега. В Галиче тогда же «бысть мятеж велик». Бояре изгнали Олега и передали княжеский престол законному сыну Ярослава Осмомысла — Владимиру, брату Ярославны. Но и он вскоре был вынужден со своими сыновьями бежать в Венгрию и уже позже при поддержке Германии и Польши вновь добился галицкого престола. После смерти Владимира в 1199 г. права на Галицкое княжество получают внуки Ярослава Осмомысла — сыновья его дочерей. Сначала его князем стал Роман Мстиславич волынский, а после его смерти по приглашению бояр княжеством с 1206 по

1211 г. управляли сыновья Игоря и Ярославны. Это доказывает (считает Плаутин), что сыновья Игоря были родными сыновьями Ярославны, а не ее пасынками — иначе они не имели бы наследственных прав на Галич. Следовательно, Ярославна была первой и единственной женой Игоря.

Я привел лишь несколько интересных моментов из книги, явившейся итогом многолетней работы увлеченного энтузиаста-исследователя «Слова», горячо любившего этот бесценный памятник древнерусской литературы. Не случайно, во вступительной статье к его книге написано: «Никто так глубоко не знает родственных связей русских князей по мужской ли, или по женской линии, как С. Н. Плаутин. Действующие лица «Слова» для Плаутина — живые, конкретные лица, а не вымышленные имена, как прежде это склонны были принимать многие».

Небольшая, в шестьдесят две страницы, книга с подробной и вместе с тем лаконичной информацией, изданная еще в 1958 году, и сейчас стоит многих томов скороспелых исследователей поэмы. Жаль только, что она недоступна даже многим специалистам — не надо было бы порой изобретать велосипед.

Продолжая рассуждения французского исследователя, можно попытаться установить возраст Ярославны. Известно, что старший сын Игоря и Ярославны — Владимир — родился в 1170 году. Следовательно, их свадьба могла состояться около 1169 года. Княжеские дочери в Древней Руси рано выходили замуж, их браки чаще всего определялись политическими соображениями. К примеру, сестра Игоря Святославича Мария была отдана замуж за Ярополка Изяславича Бужского в 12-летнем возрасте. В 1187 году состоялась свадьба малолетних Святослава (сын князя Игоря) и Ярославны (дочь князя Рюрика). Жениху было всего лишь 11 лет. Не старше была и его невеста.

Трудно поверить, но летопись сообщает подробно о свадьбе восьмилетней Верхуславы — дочери владимирского князя Всеволода Большое Гнездо и пятнадцатилетнего Ростислава Рюриковича. Князь Всеволод щедро одарил приехавших из Киева сватов и с «великою честью отпусти. Еха же по милое своем дочери до трех станов и плакаса по ней отец и мати, занеже бе мила има и млада сущи осми лет» (ПСРЛ, т. 2. М., 1962, стр. 658).

Если предположить, что в момент свадьбы (1169 г.) Ярославне было 13—15 лет, то дата ее рождения приходится на 1154—1156 годы. Весной 1185 года новгород-северского князя провожала в поход уже тридцатилетняя жена. И действительно, языческое моление, которое мы называем «Плачем Ярославны», могла совершать лишь испытывавшая невзгоды и имеющая большой жизненный опыт женщина, а не девочка. В ее молении видится не только чувство глубокой любви и патриотизма, но и высокое собственное достоинство, стойкость в беде, глубокие знания внутренней и внешней жизни Киевской Руси. Многие считают Ярославну юной, очевидно, потому, что ее плач лишен мотивов личного ма-

теринского горя, в нем не упоминаются дети. Прав В. И. Тищенко, утверждающий, что княгиня по феодальному обычаю должна была радеть кроме своего «лады» и по всей его дружине¹. В плаче это очень заметно. Да и вообще, в нем нет ничего глубоко личного, интимного, что было бы характерно для юной жены.

Завершая рассказ о своей Словиане, не могу не упомянуть о Перми, сыгравшей важную роль в его становлении. Интерес к «Слову» в этом городе наблюдается издавна. Известно, что его третью по счету после изданий А. И. Мусина-Пушкина и А. С. Шишкова публикацию осуществил в 1819 году бывший служащий Пермской казенной палаты Я. О. Пожарский. В советское время самоотверженно трудился над изучением памятника Михаил Константинович Домнин, отец известного пермского писателя Алексея Домнина.

Дело отца продолжил Алексей Домнин. На основе его гипотезы им написана историческая повесть «Матушка-Русь». Высокую оценку получило и его поэтическое переложение «Слова».

По словам свердловского поэта Андрея Комлева, в переложении Домнина есть «и красота, и накал, и главное — Россия».

Остается радоваться, что это переложение выйдет отдельным изданием в Средне-Уральском книжном издательстве в 1985 году. Очень удачно будут сочетаться в нем с домнинской интерпретацией удивительные офорты Виталия Воловича — эмоциональные, динамические и полные глубокого трагизма.

* * *

На протяжении многих лет предпринимаются попытки открыть тайну авторства «Слова о полку Игореве». Гипотез на этот счет существует довольно много. Все они свидетельствуют об огромном интересе к этому литературному памятнику со стороны людей самых разных профессий, объединенных одним общим увлечением. Вместе с тем каждая новая гипотеза говорит о несостоятельности ранее существовавшей. Кого только не предлагали в авторы «Слова»! Певец Митуса, книжник Тимофей, сын тысяцкого Тимофей Рагулович, тысяцкий Рагуил Добрынич, внук Бояна, боярин Петр Бориславич, автор «Задонщины» Софроний Рязанец, родственник жены князя Святослава Кочкарь, игумен Василий из Шековиц, воевода Ольстин Олексич, невестка Игоря Агафья Ростиславна, киевский князь Святослав Всеволодич, сам князь Игорь и даже... Ярославна. Я не стал перечислять всех предложенных «претендентов» в авторы — их будет еще немало. Но сколько бы ни появлялось новых имен, все они останутся на уровне гипотез. Каждому исследователю должно быть известно, что доказательство гипотезы является одновременно

¹ В. И. Тищенко. Ярославна как образ «Слова» и историческая личность. — В кн.: «Слово о полку Игореве» и Чернигово-Северщина. Тезисы докладов... Сумы, 1984, с. 22.

опроверженном конкурирующих гипотез. С другой стороны, доказательство не окончено, пока теория допускает хотя бы одно конкурирующее предположение. И само «Слова», и широкая культурная среда древнерусского общества могут еще выдвинуть множество разных предположений. Чтобы одна из гипотез об авторе «Слова» стала истинной, необходимы очень веские документальные подтверждения. Их пока нет, да и трудно сказать, будут ли они найдены. Через 800-летнюю даль практически невозможно разглядеть облик великого Неизвестного. Но все же, изучая языковые особенности «Слова», анализируя особые пристрастия и симпатии автора, круг поиска можно значительно сузить. И, наверное, специалистам не стоит пугаться обилия гипотез, тем более, что люди иногда тратят на их поиски многие годы жизни совершенно без всякой корысти.

Словом, споры о том, где, кто, когда и при каких обстоятельствах мог создать этот средневековый литературный шедевр, продолжаются.

Передо мной несколько книг. В книге П. П. Толочко «Древний Киев» (Киев, «Наукова думка», 1970, с. 46) черным по белому написано: «В конце XII в. в Киеве было создано знаменитое «Слова о полку Игореве» — жемчужина древнерусской литературы».

Точно такую же запись можно обнаружить и в его одноименной, богато иллюстрированной монографии, изданной к 1500-летию Киева (П. П. Толочко. Древний Киев. Киев. «Наукова думка», 1983, с. 287). И при этом в обоих случаях нет никаких ссылок на источник, как будто факт киевского происхождения «Слова» давно известен. Более откровенны составители книги «Киев», вышедшей в серии «История городов и сел Украинской ССР» (Киев, 1979, с. 36): «Около 1185 года в Киеве создано «Слова о полку Игореве» — выдающееся произведение древнерусского поэтического творчества». При этом делается ссылка на книгу Б. А. Рыбакова «Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве» (М., «Наука», 1972, с. 393—512).

В киевское происхождение «Слова» заставляет верить читателя и пятый том «Украинской советской энциклопедии» (Киев, 1981, с. 16), хотя прямо написать об этом составители не осмелились: «Высшим достижением литературы Киевской Руси было «Слова о полку Игореве» (статья «Киев», раздел «Литература», с. 16).

Сам же Б. А. Рыбаков, проанализировав огромный летописный материал, нашел летописца, по манере летописания сходного с автором «Слова» и условно названного им Петр Бориславич. В предисловии к своей уже упомянутой книге Б. А. Рыбаков пишет: «Был ли этот летописец автором «Слова о полку Игореве» или только современным ему двойником, во всем подобном ему, решить нельзя. Да и сам облик этого летописца, составленный из разнородных источников, может вызвать много сомнений и возражений. Не свободен от сомнений и автор книги, рассчитывающий на товарищескую критику и указание наименее надежных звеньев в цепи его по-

строений» (Б. А. Рыбаков. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., «Наука», 1972, с. 6).

Сомнения академика звучат и в послесловии к исследованию: «Нельзя доказать непреложно, что «Слова о полку Игореве» и летопись «Мстиславова племени» действительно написаны одним человеком. Еще труднее подтвердить то, что этим лицом был именно киевский тысяцкий Петр Бориславич. Здесь мы, вероятно, навсегда останемся в области гипотез» (там же, с. 515).

Неужели этих строк не читали киевские исследователи, авторы и составители серьезных научных трудов?

Уже при ближайшем рассмотрении гипотезы о киевском авторстве «Слова» вызывает серьезные сомнения. В ней множество допущений и ограничений. Заметив, что «средневековые поэты и историки занимались одним и тем же делом, воспевая или описывая героические воинские подвиги», Б. А. Рыбаков возможными претендентами в авторы «Слова» берет лишь летописцев, исключая остальную культурную среду древнерусского общества. Исключены из рассмотрения и придворные круги Игоря и Святослава Киевского. И даже разыскивая автора «Слова» только среди летописцев, исследователь ограничивается лишь анализом Киевского летописного свода 1198 г., представляющего собой летописание великих князей Киевских, и поневоле приходит к поискам неизвестного автора в среде киевских великокняжеских летописцев.

Анализируя обширный летописный материал, ученому удалось выявить его специфические особенности, характерные для шести летописцев. Трое из них — игумен Поликарп, игумен Моисей и анонимный летописец Святослава Всеволодича — были церковниками и перегружали свои произведения чрезмерными религиозными отступлениями. Уснашал свой текст церковными изречениями и Кузьмище Киянин — придворный Андрея Боголюбского, не принадлежавший к духовенству. Церковное витийство, связанное с идеей покаяния, характерно и для пятого летописца — «галичина». Литературный стиль всех перечисленных летописцев совершенно чужд автору «Слова», гениальное произведение которого лишено какой-либо церковности.

Таким образом, из всей шестерки остается один летописец — Петр Бориславич, киевский боярин, автор летописи «Мстиславова племени», великих князей Киевских Изяслава Мстиславича и Рюрика Ростиславича. По сути автора «Слова» и сравнивать-то не с кем. Время не сохранило значительную часть древнерусских литературных памятников, среди авторов которых, несомненно, были и другие талантливые писатели. И вот в творчестве этого единственного летописца Б. А. Рыбаков находит ряд черт, характерных и для автора «Слова», таких, как объективность в оценке событий, знание военного дела, независимость в суждениях и отсутствие церковных мотивов в творчестве.

Но главное — чтобы поверить в авторство Петра Бориславича, нужно поверить в его чернигово-северское происхож-

дение. Б. А. Рыбаков же убедительно доказал, что этот летописец был киевским боярином и большую часть своей жизни прожил в Киеве. Можно считать, что и родился он в Киеве — в Ипатьевской летописи, по сообщению Б. А. Рыбакова, под 1151 г. упоминается как географический ориентир двор его отца Борислава; он же — типичный сторонник киевского боярства.

Чернигово-северское происхождение автора «Слова» убедительно доказано работами многих исследователей. Еще Н. М. Карамзин писал, что «песнь сочинена в княжестве Новгород-Северском». Такого же мнения еще до революции придерживались С. М. Соловьев, М. А. Максимович, Н. К. Бестужев-Рюмин, К. Д. Ушинский, Е. В. Барсов и другие. Неоднократно к подобному выводу приходили и наши современники — писатели, филологи и историки. В их числе М. Н. Тихомиров, И. А. Новиков, А. И. Никифоров, М. Д. Приселков, В. И. Стеллецкий, В. Г. Федоров, С. П. Обнорский, С. И. Котков, В. А. Козырев и многие другие.

Действительно, «Слово о полку Игореве» тесно соприкасается с замечательными литературными памятниками русской культуры, созданными на Чернигово-Северщине. Именно здесь написаны всемирно известные «Изборники» 1073 и 1076 гг. черниговского князя Святослава Ярославича. Местные симпатии органически переплетаются с общерусским патриотизмом в «Хождении» Даниила, игумена одного из черниговских монастырей начала XII века. Именно в одном из черниговских храмов в 1175 году произнесена глубоко патриотическая проповедь «Слово о князях», по идейной сущности напоминающая «Слово о полку Игореве». И даже в летописной «Повести о походе Игоря в 1185 г.», написанной, как считает Б. А. Рыбаков, под руководством Петра Бориславича книжником Тимофеем (галичанином по происхождению) в 1189—1190 гг., были использованы материалы более древней и более подробной Чернигово-Северской летописи, не сохранившейся до нашего времени. Иначе невозможно объяснить все те драгоценные подробности повести, составленной «галичанином», — сам он через пять лет после похода вряд ли мог вспомнить о них. Кстати, даже и само предположение о том, что «Повесть о походе Игоря в 1185 г.» писалась под руководством Петра Бориславича как предполагаемого автора «Слова», подлежит сомнению. В данном случае можно согласиться с мнением В. И. Стеллецкого: «Сличая со «Словом», мы встречаем в нем совершенно иную историко-политическую и моральную трактовку событий, чем в летописи. Если в повести поражение Игоря объясняется возмездием за его грехи и все последующие несчастья на Русской земле — наказанием господним за грехи князей и всего русского народа (на самом деле ни в чем не повинного), то в «Слове» виновниками всех бед и несчастий народа признаются князья, их «крамолы», преступные деяния» («Слово о полку Игореве». М., «Сов. Россия», 1981, с. 11).

Исследователи обратили внимание да-

же на то, что и Боян, и автор «Слова» принадлежат к писателям одной литературной школы. Академик М. Н. Тихомиров писал: «Эта черниговская ориентация Бояна ясно сквозит в его сочувствии к Олегу Святославичу — храброму и молодому князю и к его брату красавцу Роману. «Ольгово хороброе гнездо» стоит в поле внимания автора «Слова о полку Игореве». Оба произведения, отделенные одно от другого целым столетием, рассказывают «трудные повести» о храбрости и неудачах черниговских князей, их изгнании и счастливым возвращении на отцовский престол» (М. Н. Тихомиров. Боян и Троянова земля. — В кн.: «Слово о полку Игореве». Сборник статей. М.—Л., 1950, с. 180). Более определенно заявил об этом А. В. Соловьев: «Певец «Слова» — вернее всего черниговец (или северянин), представитель чернигово-тмутороканской школы вещего Бояна» (А. В. Соловьев. «Политический кругозор автора «Слова о полку Игореве». — «Исторические записки», 1948, № 25, с. 87). К такому же выводу пришел и А. А. Назаревский.

Мировоззрение автора «Слова» и его эстетические идеалы формировались на своеобразной художественной культуре Чернигово-Северской земли, отличной от Киева. Именно здесь древними зодчими используются уникальные по художественному замыслу белокаменные резные детали с множеством языческих мотивов и отсутствием христианских символов. В богатый узор черниговских соборов вплетаются образы фантастических существ. В одних случаях это драконообразные существа (символ зла), окружающие пардусов — хранителей княжеского рода, в других — фантастические полуптицы, полуживотные, охраняющие дерево с плодами жизни. Именно для Ольговичей характерна охота с помощью пардусов, и именно Ольговичи (и в частности, Святослав Ольгович, отец Игоря) любили дарить этих редкостных животных, что отразилось в летописи. Эпическая символика пардусов характерна и для «Слова». Вывод Е. В. Воробьевой, кандидата искусствоведения из Харькова, заставляет еще больше сомневаться в киевском происхождении автора «Слова»: «Художественная школа Чернигова обладала ярко выраженным своеобразием, проявившемся в широком использовании славянских, во многом языческих мотивов, призванных в иноказательной форме передавать важнейшие политические понятия своего времени. Все это сближает «Слово о полку Игореве» с искусством Чернигова и позволяет говорить с достаточным основанием об общей почве, формировавшей мировоззрение и художественные идеалы певца Игоревы похода и творцов черниговской художественной культуры». И далее: «Создатель поэмы о походе Игоря хорошо знал не только исторические судьбы Ольговичей, но и самые тонкие нюансы родной ему художественно-духовной жизни, — он как бы видел мир глазами черниговского историка и художника. В связи с этим трудно согласиться с мнением Б. А. Рыбакова о том, что автор «Слова» был киевлянином и смотрел на события как представитель

Киева. Скорее всего он являлся приближенным черниговских князей или близким их роду поэтом, жизнь которого тесно связывалась с Черниговом» (Е. В. Воробьева. Художественная культура древнего Чернигова и автор «Слова о полку Игореве». — В кн.: Актуальные проблемы «Слова о полку Игореве». Сумы, 1983, с. 35, 36).

Вряд ли «Слово», несущее на себе яркую языческую окраску, могло быть создано киевлянином, в Киеве — центре русского христианства. По этой же и некоторым другим причинам (о чем будет сказано ниже) вряд ли оно вообще могло быть прочтенным на княжеском совете в Киеве в 1185 году.

В пользу чернигово-северского происхождения «Слова» говорят многие его топонимические, этнографические и географические подробности. Но главный свидетель происхождения «Слова» — его язык. Филологи находят все новые и новые лексические доказательства, что автором его был чернигово-северец. Именно в древней деловой письменности Новгород-Северщины в бытке обнаружены такие слова, как «болоние», «струга» (в значении «поток»), «яруга», «холм», «гнездо» (в значении «род», «семья») и др. Множество словарных соответствий к лексике «Слова» обнаружено в брянских говорах (Брянщина издавна входила в состав Чернигово-Северщины). Найдены «соответствия к 151 лексеме памятника: из них большую часть составляют параллели к тем лексемам (их 86), которые, кроме «Слова», более нигде не отмечены или редко употребительны в иных памятниках» (В. А. Козырев. Словарный состав «Слова о полку Игореве» и лексика современных русских народных говоров. — В кн.: ТОДРЛ, т. XXXI. Л., 1976, с. 93). Так, в брянских говорах «карна» означает «скорбь», «мука»; «раскропяти» — «расплескаться»; «свычай и обычай» — пожелание счастливой согласной жизни: любовь, согласие, дружба, лад; «ухи закладать» — закрывать, запирает засовом. На Чернигово-Северщине и сейчас распространено слово «опудился» в значении «обмочился». Лексема «упуди» сохранилась здесь же в названии озер Опуд, Опуд Великий, Опуд Малый. Именно недалеко от Новгорода-Северского сохранилось старинное село Комань и река Команка. В этом селе, согласно преданиям, размещались княжеские конюшни. Как не вспомнить при этом слова великого Неизвестного:

Комони ржуть за Сулою —
звенишь слава въ Киеве.

Интересные наблюдения приводит и писатель В. А. Чивилихин в романе-эссе «Память». Именно на Черниговщине устойчиво используется еще одна диалектная особенность, характерная для «Слова» — «черниговцы до сего дня в избылии пересыпают свою живую речь указательными местоимениями в том ключе, в каком они употребляются автором «Слова». Совсем не напрягая памяти, словно слышу: «Уж я того кабана кормила, кормила тым ячменем», «А те анстиние гнезда на той Бол-

диной горе давно пустые...» («Наш современник», 1984, № 3, с. 105—106).

Подобные примеры можно найти и в «Слове»: Сь тоя же Каялы..., «Тый бо Олегь мечемь крамолу коваше...», «Тии бо два храбрая Святъславлича, — Игорьь и Всеволодь...», «того старого Владимира...» и др.

Можно было бы приводить еще множество примеров использования в «Слове» лексических особенностей языка Чернигово-Северщины. Все они, а также множество других признаков чернигово-северского происхождения «Слова» подтверждены работами многочисленных исследователей. Подтверждены они и материалами двух научных конференций, проходивших в 1983—1984 гг. на Чернигово-Северщине (г. Сумы) и посвященных 800-летию «Слова». Нельзя не согласиться с П. П. Охрименко, профессором Сумского пединститута и организатором этих конференций, что «Чернигово-Северщина является материнской землей этого уникального памятника восточнославянской старины» (П. П. Охрименко. Чернигово-Северщина — материнская земля «Слова о полку Игореве», — В кн.: «Слово о полку Игореве» и Чернигово-Северщина. Сумы, 1984, с. 7).

Очаровываясь художественным совершенством «Слова», его правдивой документальностью, мы под его властью порой склонны в каждой строке, в каждом его слове видеть конкретные исторические факты, или отдельные их нюансы, забывая, что это прежде всего литературное произведение, автор которого имеет право на вымысел. И вымысел этот (не в ущерб документальности) в «Слове» есть. Исследователи неоднократно обращали внимание на наличие в «Слове» «эффекта присутствия» автора при описании похода, битвы и побега Игоря. Этот вопрос не мог обойти и Б. А. Рыбаков, предлагая в автору «Слова» Петра Бориславича — ведь не мог же престарелый киевский боярин, и к тому же летописец Рюрика, участвовать в походе Игоря: «Эффект присутствия ощутил и в разговоре половецких ханов, скачущих по следу Игоря, хотя мы прекрасно понимаем, что в данном случае это обычный литературный прием. Если автор был участником битвы на Каяле, то он не мог слышать беседу Святослава с боярами в киевском тереме; если автор бежал вместе с Игорем из плена, то он не мог слышать переговоры Кончака с Гзой. Во всем описании полка Игоря нет ничего такого, чего автор не мог бы узнать от самого Игоря или от его свиты во время пребывания Игоря в Киеве у Святослава в июле-августе 1185 г.» (Б. А. Рыбаков. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., «Наука», 1972, с. 407).

Давайте попробуем отделить личные впечатления автора «Слова» от его литературных приемов. Совершенно очевидно, что о своей готовности идти в поход Всеволод сообщил своему старшему брату на совещании северских князей, проходившем несколько раньше, чем об этом пишется в «Слове». На этом совещании и было принято решение о походе. Позже о своем выступлении Всеволод мог сообщить через

гоща. Очевидно, и характеристика его курян — «сведомых кметей» — создана самим автором. Вряд ли князь стал бы похвально своей дружиной — ему достаточно было сказать о ее готовности к выступлению. В данном случае усматривается литературный прием.

К вымыслу автора «Слова» следует отнести и сон Святослава Киевского, его беседу с боярами и «злато слово». Известно, что о сепаратном походе молодых Ольговичей Святослав узнал под Новгородом-Северским, возвращаясь из Корачева (о замысле Игоря он мог узнать еще и до выступления в поход от Ярослава Черниговского, своего младшего брата), а об их поражении — под Черниговом от Беловода Просовича. Совершенно очевидно, что идея объединения русских князей наиболее убедительно звучала бы из уст великого князя Киевского и только его устами удобно было обвинять князей-кромольников. Этим и воспользовался автор «Слова». Настоящее же «злато слово» Святослава, по мнению Д. С. Лихачева, прозвучало еще под Черниговом: «О любя боя братья и сынове и мужи земле Руское! Дал ми бог притомити поганья, но не воздержавше уности (юности) отвориша ворота на Русьскую землю. Воля господня да будет о всем. Да како жаль ми бяшетъ на Игоря (как мне было на него раньше досадно), тако ныне жалую больше (так теперь еще больше жалею) по Игорю брате моемъ» (Д. С. Лихачев. «Слово о полку Игореве». Историко-литературный очерк. М., «Промышленность», 1982, с. 47).

В качестве литературного приема прозвучал в «Слове» и «Плач Ярославны». Автору необходимо было подготовить читателей (слушателей) к возможности побега Игоря, сделать побег закономерным фактом. Ведь гордому князю поначалу сама мысль о побеге была противна, он отказался пойти «неславным путем», но обстоятельства вынудили его к этому. Не случайно, что именно после «Плача Ярославны» следует сцена удачного побега Игоря. Вполне возможно, что фактически Ярославна и не плакала на путивльской стене, и напрасно исследователи ищут то место и причину, по которой княгиня очутилась в Путивле.

Вполне понятно, что автору «Слова» незачем было подслушивать разговор Гзак с Кончаком — в нем нет ничего такого, что указывало бы на присутствие автора. Автор сочиняет этот разговор, зная об отношении половецких ханов к своим пленникам и о помолвке княжича Владимира с Кончаковной, что скорее указывает на его пребывание в плену. Вот лишь основные литературные приемы, как я считаю, использованные неизвестным автором.

«Элемент присутствия» автора в «Слове» отмечали А. Н. Майков, М. А. Максимович, К. Д. Ушинский, С. П. Обнорский, Н. В. Шарлемань, В. Г. Федоров, П. П. Охрименко, Г. В. Сумаруков и многие другие исследователи. Действительно, когда читаешь поэму, ни на минуту не покидает уверенность, что писал ее участник событий: «крычать телеги полунощи, риц, лебеди ропущени», Дльго ночь мръкнеть. Заря

светъ запала, мъгла поля покрыла. Щекоть славий успе; говоръ галичь убуди».

В свете последних исследований географии Игорева похода известно, что русичи, подойдя к реке Салпынце и перевалив через Изюмский курган (ныне гора Кременец), вышли в степь. Именно этот курган (по «Слову» — «шеломень») был последним ориентиром и пограничной вехой Русской земли. «Курган настолько высокий и длинный, что скрывал от взора родную Русскую землю. Этот поэтический образ «Слова», вне всякого сомнения, был не только символическим» (М. Ф. Гетманец. Тайна реки Каялы. Харьков, 1982, с. 72). И совершенно естественно в устах автора «Слова» дважды повторенное восклицание: «О Руская земле! уже за шеломянемъ еси!» В нем и тоска, и тревога, и глубокая скорбь, и неподдельная любовь к Родине. Так написать мог лишь участник похода.

Подробностями, известными лишь участнику событий, наполнены и все сцены длительной битвы. Откуда, к примеру, мог бы знать посторонний человек, что русичи «покрывалами, и плащами, и кожухами стали мосты мостить по болотам и по топким местам, и всякими узорочьями половецкими». Вряд ли о таких подробностях могли упоминать участники похода при встрече у Святослава Киевского в июле-августе 1185 г., тем более если из участников в Кieve был лишь один Игорь.

Удивительные наблюдения оставлены автором и в сцене побега Игоря. На них в свое время указывал генерал В. Г. Федоров: «...Автор указывает на такие детали, которые могли быть отмечены только человеком, претерпевшим все трудности побега. «Когда Игорь соколом полетел, тогда Овлур волком побежал, стравивая собою студеную росу: оба ведь надорвали своих борзых коней». Скрываясь от погоны, беженцы могли двигаться только в сумерках, ночью или на рассвете по степной траве» (В. Г. Федоров. Кто был автором «Слова о полку Игореве» и где расположена река Каяла. М., 1956, с. 135). В «Истории Российской» В. Н. Татищева при описании побега Игоря говорится: «И седши на кони, поехали сквозь жилища половецкие сам пят». Не говорит ли такая запись о том, что в побеге участвовало пятеро человек? Если так, то среди них мог быть и автор «Слова».

В «Слове» дважды упоминается, что во время битвы на русских дул противный южный ветер, создававший преимущество для половецких лучников, что характерно для тех мест, особенно весной и летом. И это свидетельство — в пользу участия автора в походе. Есть в поэме и множество других нюансов, которые в совокупности указывают на это же.

Очевидны и симпатии автора «Слова» к Ольговичам. Все больше исследователей пересматривают свое отношение к Олегу «Гориславичу». В 1077 году после смерти отца Олег был выведен новым Киевским князем Всеволодом Ярославичем из Владимира-Волынского и содержался в Чернигове. Но законной, причитающейся ему «отчины» он не получил и, не желая прими-

ряться с этим, бежал в Тмуторокань к старшему брату Роману, тоже изгою. Не исключено, что его дальнейшее пребывание в Чернигове грозило заточением в поруб или смертью. Несправедливо лишенный отцовского наследства, Олег вынужден был «мечом крамолу ковать» и призывал на помощь половцев. Горьким укором и глубоким горем, — пишет В. И. Стеллецкий, — проникнуты и строки, посвященные деду Игоря и Всеволода Олегу Святославичу, но в этих же строках автор «Слова» говорит: «за обиду Олгову». Только сочувствующий, только тот человек осознает, что нанесли тому или иному лицу обиду, который близок ему, а никак не недруг, не недоброжелатель» («Слово о полку Игореве». Древнерусский текст и переводы. М., «Сов. Россия», 1981, с. 23). Именно за «обиду Олгову» погибает Борис Вячеславич, а позже и Роман, брат Олега. Его уже после заключения мира убивают половцы, а «Олга смше козаре поточиша и за море Цесарюграду. Всеволод же посади посадника Ратибора Тмуторокани».

«Историки, — пишет И. П. Еремин, — не сомневаются, что Роман был убит половцами не без ведома, а, может быть, и по прямому наущению Всеволода; не сомневаются, что Олег, другой племянник Всеволода, которого хозары «потошиша», — тоже жертва дипломатии Всеволода» (И. П. Еремин. Литература Древней Руси. Этюды и характеристики. М.—Л., «Наука», 1966, с. 81).

Олег Святославич в «Слове» назван коганом. Это высший титул княжеской власти, и так его мог назвать лишь сторонник Ольговичей. И еще не могу не процитировать слова известного современного писателя: «Судьба Олега, деда Игоря, — ярчайший пример того, как феодальные междоусобицы, борьба за власть калечили жизни многих князей, превращали их в изгоев, безуспешно борющихся за справедливость, распределение владений по наследственному праву и «старейшинству» (В. А. Чивилихин. Память. Роман-эссе. — «Наш современник», 1984, № 3, с. 127).

Много теплых слов посвящает автор «Слова» и остальным Ольговичам, а особенно Игорю. Через незлобивые упреки в адрес князя, «не сдержавшего юности» и «отворившего ворота» половцам, просматривается ярко выраженная симпатия. Личность Игоря возносится на небывалую высоту. Курский филолог И. З. Баскевич заметил, что автор «Слова» ставит рядом, наравне Русскую землю и малозвестного князя Игоря: «...за землю Рускую, за рапы Игоревы, буюго Святъславлича!», «Тяжко ти головы кроме плечю, зло ти телу кроме головы», — Руской земли безъ Игоря».

Игорь сопоставляется даже с солнцем: «Солнце светится на небесе, — Игорь князь въ Руской земли», «Страны ради, гради весели». Автор намекает на незаурядность полководческого таланта Игоря («иже истягну умъ крепостию своею и поостри сердца своего мужествомъ; наплынився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъки на землю Половецкую за землю Рускую») и неоднократно наделяет его эпитетами «храбрый», «буевой».

Со страниц «Слова» Игорь предстает как народный герой. Созданье такого образа невозможно объяснить только лишь жалостью автора поэмы к побежденному Ольговичу и задачей объединения русских князей. Нет нужды доказывать, что такой образ не мог создать Петр Бориславич — киевский летописец Рюрика, противник Ольговичей.

Около тридцати часов, не прерываясь, длилась вторая, решающая битва Игоревой рати с половцами — случай беспрецедентный в многовековой истории войн Древней Руси. Под степным палищем солнцем, без воды и отдыха сражались русичи. Уже сам этот факт свидетельствует о таланте Игоря как полководца, о его самообладании и мужестве. Стойкими и мужественными показали себя и все остальные князья, вся Игорева дружина. Все они по праву достойны славы, провозглашенной автором поэмы:

«Княземъ слава а дружине!»

В обширной литературе «Слова» часто высказывается мнение, что поход на половцев был предпринят Игорем с целью пограбить вежи половецкие и представлял не что иное, как военную авантюру.

Д. С. Лихачев же причины похода видит в стремлении Игоря «доказать свою преданность союзу русских князей против половцев», в личных переживаниях князя за свое вынужденное неучастие в февральском 1185 г. походе Святослава Киевского. Поэтому, очертя голову, бросается он в поход на половцев, ставя «себе безумно смелую задачу — с немногими собственными силами «поискать» старую черниговскую Тмуторокань, когда-то подвластную его деду Олегу Святославичу» (Д. С. Лихачев. «Слово о полку Игореве». Историко-литературный очерк. М., «Просвещение», 1982, с. 44).

Политическая ситуация, сложившаяся на Северной земле к началу 1185 года, подробно проанализирована Б. И. Яценко в статье «Северские князья в «Слове о полку Игореве»» («Русская литература», 1981, № 3, с. 106—111). К тому времени не определилась политическая ориентация северских князей. «Северская земля находилась как бы в тисках между Суздаlem и Переяславлем Русским», — пишет Яценко. Назревала половецкая опасность. Перед Игорем встает выбор — либо идти в упряжке Всеволода Большое Гнездо, которому чужды были общерусские интересы, либо пойти на сближение с Киевом и принять участие в общерусской борьбе с половцами. Второе для Игоря было желательнее. Когда Ярослав Черниговский отказался от участия в походе на половцев (февраль 1185 г.), то «Игорь Святославич, узнав о том, гневается на Ярослава, что он, сим неприятелем веря, не хочет землю Рускую оборонять» (В. Н. Татищев. История Российская, т. III. М.—Л., 1964, с. 133). Ход событий ускорил его конфликт с Владимиром Глебовичем Переяславским — племянником суздальского князя. Поссорившись с Игорем и рассчитывая на безнаказанность, Владимир пограбил несколько северских городов. Не

исключено, что это была провокация, одобренная суздальским князем. На это жестокое оскорбление Игорь ответил контрмерами «взях на щит город Глебов у Переяславля» (ПСРЛ, т. II. М., 1962, стб. 643).

В этих условиях мысль о походе на Тмуторокань была для Игоря заманчивой. В случае удачи, т. е. присоединения Тмуторокани к Новгород-Северскому княжеству, возрастал его политический вес, появлялась возможность уйти из подчинения или стать независимым от своих политических соперников — Всеволода Большое Гнездо, Ярослава Черниговского и Святослава Киевского. Конечно же, Игорь рассчитывал на удачу, считая, очевидно, что половцы ослаблены успешными походами Святослава Киевского, разобщены и через степь удастся пройти, не встречая крупных группировок врага. Помнил он, очевидно, и походы князей в степь — в одних случаях победные, в других — с напрасными многодневными поисками половцев. Надеялся он, очевидно, и на весенние перекочевки половцев в степи.

Тмутороканская ориентация автора «Слова» заметна с первой же страницы поэмы, где упоминаются «храбрый Мстислав» и «красный Роман» — тмутороканские князья. Позже автор вспомнит Олега Святославича и Бориса Вячеславича, упоминает «тмутороканского болвана» и трижды саму Тмуторокань. Намек на дальнейший поход звучит в словах Игоря: «Хощу бо, — рече, — копие приломити конец поля Половецкаго; съ вами, русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломамъ Дону». И, наконец, о цели похода Игоря сообщают Святославу Киевскому бояре, разъясняя его сон: «...се бо два сокола слетаста съ отня стола злата поискати града Тмутороканя, а любо испити шеломамъ Дону».

Все эти факты давно известны. Но есть и другие, на которые до сих пор, мне кажется, исследователи не обращали внимания.

Давайте вернемся к началу поэмы, где автор говорит о том, что Игорь «...наведе своя храбрыя плъкы на землю Половецкую за землю Руськую».

Почему «за землю Руськую»? Нападения в этот момент со стороны половцев на Новгород-Северское княжество и вообще на Русь не было. Игорь сам вышел в Половецкое поле, а по «Слову» получается, что он защищает Руськую землю. Может быть, это случайность?

С другой стороны, автор противопоставляет походу Игоря победоносный поход Святослава Киевского (июль 1184 г.): «...Святъславъ грозный великий киевский — грозою: бяшесть притрепаль своими сильными плъкы и харалужными мечи, наступи на землю Половецкую, притопта хльми и яругы...» В данном случае автор почему-то не говорит, что поход Святослава был «за землю Руськую». Может быть, и это случайность? Так почему же, несмотря на то, что поход Игоря закончился трагически, что князь погубил свою дружину, при его возвращении на Русь «девицы поют на Дунаи» и «страны ради, гради весели», т. е. радуется вся Русская земля?

Давайте внимательно сопоставим оба похода, их отличия друг от друга. Если предположить, что целью похода Игоря была Тмуторокань, то сразу же все проясняется и противоречия при чтении текста поэмы исчезают. Именно Тмуторокань еще в конце XI — начале XII века была русской землей, ею владели Ольговичи, именно ее автор «Слова» и называет «землей Руськой».

Правы исследователи, считающие, что в «Слове» все стоит на своих местах, все имеет определенный смысл и нет ничего лишнего. Как много говорит, оказывается, только часть фразы:

**Наведе своя храбрыя плъкы
на землю Половецкую
за землю Руськую.**

Автор «Слова» сообщает (или старается убедить), что целью похода Игоря было освобождение Тмуторокани («за землю Руськую»), возвращение ее в состав Руси. Именно там, на тмутороканской земле, томилась под игом Тмутороканского болвана русские люди. Вся фраза построена таким образом, что нет никакого сомнения в освободительной миссии похода — даже глагол «наведе», использованный здесь в значении «направил», исключает мысль о настижении, захвате.

Объяснительный перевод этого отрывка выглядит так:

...навел свои храбрые полки
(в освободительный поход)
на землю Половецкую
за землю Руськую (Тмуторокань).

Чтобы исчезли сомнения в правильности такого истолкования текста, обратимся к походу Святослава Киевского, который «наступи на землю Половецкую, притопта хльми и яругы...»

Одно из значений глагола «наступи» — «напал»¹, именно в таком значении он и применен в «Слове», да и вся фраза построена так, что явно виден наступательный характер похода («притопта хльми и яругы» и т. д.) и отношение к нему автора «Слова».

Поход Святослава Киевского не преследовал никаких освободительных целей. Цель его похода четко выразил автор «Слова» — это наступательный поход, предпринятый для ослабления половцев и, главное, для обеспечения безопасности южных торговых путей. Вот поэтому Святослава прославляют заморские купцы.

Правильное понимание «земли Руськой» — Тмуторокани — объясняет и остальной текст «Слова».

Становится понятным, что «храбрые русичи: сватов напоили, а сами полегли за землю Руськую» — за Тмуторокань. Вот почему автор «Слова» вкладывает в уста Святослава Киевского призыв:

¹ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II. М., 1958, с. 339.

Вступите же, господа, в золотые стремяна
за обиду сего времени,
за землю Русскую (за Тмуторокань),
за раны Игоревы,
буего Святславича!

Далекая Тмуторокань — земля Русская, отторгнутая половцами, и является в понимании автора «Слова» «обидой сего времени». Автор выступает за нерушимость русских границ, за политическое единство Руси, что не противоречит установившемуся термину «за объединение русских князей». И поэтому цель похода Игоря приобретает в его понимании общерусское значение. Ставится понятным, почему автор возносит Игоря на небывалую эпическую высоту, не соответствующую фактическому положению этого князя в Русской земле: «Солнце светится на небесе, — Игорь князь въ Руской земли».

Из рассмотренного можно сделать еще несколько выводов. Во-первых, автор «Слова» — политический единомышленник Игоря. Он выступает за освобождение русской Тмуторокани. Вместе с тем, он осуждает Игоря за его сепаратизм и выдвигает идею освобождения Тмуторокани на уровне общерусской — только объединенными усилиями всех князей можно вернуть Тмуторокань Руси.

Во-вторых, отсутствие славословия по случаю победы Святослава Киевского намекает на то, что автор «Слова» осуждает политическую недальновидность киевского князя — недостаточную активность в борьбе с восточными, донскими половцами (что привело к усилению их могущества, и это показали, в частности, события 1185 года), его нежелание вести борьбу за освобождение Тмуторокани. Не заключено ли в связи с этим политическое недоверие автора «Слова» к Святославу как великому князю киевскому в призыве к Всеволоду Большое Гнездо вступить за киевский престол? «Великий княже Всеволоде! Не мыслию ти прелетети издалеча отня злата стола поблюсти?»

Явным противоречием кажется и то, что автор вкладывает призыв постоять «за обиду сего времени» именно в уста киевского князя, который сам палец о палец не ударил для освобождения Тмуторокани. Может быть, и это одна из граней многооттеночного «Слова», скрывающая тонкую иронию и сарказм, подмеченные В. А. Чивилихиным.

Нет, я не вижу восторженного панегирика великому киевскому князю. Вряд ли «Слово» могло быть прочитано в Киеве на совещании князей в июле-августе 1185 года.

Все вышесказанное и на этот раз подтверждает несостоятельность гипотезы об авторстве Петра Бориславича — киевского боярина, которому чужда была далекая Тмуторокань и гораздо ближе был днепровский торговый путь.

Итак, во всех рассмотренных случаях Игорь не отказывается и участвует в борьбе с донскими половцами, т. е. с Кончаком. Именно эта половецкая группировка соседствовала с Черниговским, Новгород-Северским и Переяславским княжествами, была к концу XII века наиболее мощной и ак-

тивной и представляла серьезную опасность в первую очередь для этих княжеств. Поэтому понятны слова Игоря, отказавшегося от похода на Кобыяка («не можем своею земле пусты оставити»).

Если бы киевский князь внял совету Игоря и еще в 1184 году «повоевал» Кончака, то не было бы и половецкого нашествия 1185 года, в майских событиях которого Святослав не проявил достаточной оперативности и решительности — в то время, как половцы осаждали Переяславль и Владимир Глебович дважды посылал просьбы о помощи, Святослав Киевский пересылался гонцами с Давыдом Ростиславичем и Ярославом Черниговским. У него не нашлось ни настойчивости, ни желания, чтобы заставить даже своего младшего брата (черниговского Ярослава) выполнить свой воинский долг и в 1184, и в трудном 1185 годах.

Всю свою жизнь этот князь ловчил и изворачивался, показывая свое двоедушие и лицемерие. Еще при жизни отца Игоря — Святослава Ольговича — будущий великий князь Киевский был непоследователен в своих поступках, примыкая то к одной, то к другой враждующей стороне. Он же после смерти своего дяди (того же Святослава Ольговича) отобрал у своих осиротевших родственников их законное наследство и обманул их, не выделив обещанных уделов Игорю, Всеволоду и их племяннику Святославу Ольговичу (будущему князю города Рьльска). И уже в преклонном возрасте всякими хитростями старался избавиться от Рюрика, контролировавшего его деятельность. Конечно, не мог он быть и автором «Слова» (гипотеза Вл. Медведева).

Не лишены оснований предположения В. А. Чивилихина о том, что Игорь потерпел поражение из-за предательства и что коварную роль в этом мог сыграть Ярослав Черниговский, такой же двоедушный и лживый, как и его брат Святослав Киевский. Им обоим была невыгодна победа Игоря, завоевание им Тмуторокани. Несомненно, что полки Игоря шли в ловушку, иначе как объяснить, что за несколько часов к месту битвы были стянуты силы со всей земли Половецкой и это в то время, когда половцы, по Б. А. Рыбакову, должны были разбрестись по степи в связи с весенними перекочевками. Кстати, после первой же стычки на половецких вежах вместе с молодыми князьями Владимиром и Святославом вслед за убегающими половцами устремился и Ольстин Олексич. Не он ли увлек за собой молодых князей подальше в ловушку? События 800-летней давности для современного читателя пока остаются загадкой.

Еще подойдя к Сальнице, Игорь встретил своих возвращающихся разведчиков и узнал от них, что половцы вооружены и ездят наготове. Уже тогда, вероятно, князь понял, что дальнейший поход на Тмуторокань невозможен, но возвращаться, не приняв боя, было позорно. Так было принято решение напасть на половцев, используя фактор внезапности. Дальше полки Игоря продвигались ускоренным маршем, без отдыха, всю ночь. Первая же стычка на по-

ловецких вежах еще раз убедила Игоря в том, что половцы были осведомлены о приближении русского войска и путь на Тмуторокань закрыт. Дождавшись возвращения увлекшихся погоней князей, Игорь предлагает им немедленно возвращаться. Святослав Ольгович же, сославшись на обессилевших лошадей, предложил заночевать и был поддержан Всеволодом.

«Не удивительно, братья, все обдумав, нам и смерть будет принята», — подумав, сказал Игорь. На том и порешили — заночевали в степи. А наутро оказались окруженными со всех сторон несметными полчищами степняков. Об остальном рассказало «Слово».

Как-то мне довелось встретиться с московским композитором Л. В. Кулаковским, много лет работавшим над изучением музыкальной основы «Слова» и создавшим модель древнерусского мелоса «Песнь о полку Игореве». Он высказал мне свое предположение о причинах отказа молодых князей немедленно уходить с половецкой территории. По мнению композитора, этой причиной были вовсе не притомившиеся лошади, а «...красная девка половецкая». Богатая же добыча, ожидавшая русичей на половецких вежах, была заранее приготовлена в качестве приманки.

Пора завершать затянувшийся разговор о Петре Бориславиче — одном из многочисленных «претендентов» в авторы великой поэмы.

«Слово о полку Игореве» не зря называют энциклопедией древнерусской культуры. Каждая его строка, каждое слово несут огромную информацию. Автор «Слова» должен был обладать не только большими историческими знаниями, высокой политической эрудицией, совершенным знанием княжеской генеалогии, военного дела, но и иметь массу сведений, живых, еще незабытых впечатлений о походе Игоря, что было под силу лишь участнику этого похода. Использование им только лишь летописных сведений о походе и опрос участников похода исключается — слишком большое их число понадобилось бы. А кроме всего прочего, автор еще и поэт. Петр Бориславич же, как мы знаем, в походе Игоря не участвовал и его поэтический дар современниками не отмечен.

Кроме того, каждый советский человек воспринимает «Слово» как эталон нравственной чистоты, как образец великой сыновней любви к Родине, и поэтому мы наделяем его автора самыми лучшими качествами русского человека. Обладал ли эти качествами Петр Бориславич?

В Ипатьевской летописи под 1168 годом упоминается какая-то ссора Петра Бориславича с его князем Мстиславом, после чего холопы Петра и Нестора Бориславичей выкрали княжеских лошадей и пометили их боярскими клеймами. Конечно же, делалось это по указанию Бориславичей. Мстислав прогнал провинившихся бояр, и они пристроились к Давиду и Рюрику Ростиславичам, сообщив, что Мстислав собирается арестовать этих князей на пиру. А в следующем году этот же Петр Бориславич с двумя бояринами предал не только своего бывшего князя, но и всех киевлян. Когда

войска Андрея Боголюбского подошли к Киеву, то, как сообщает Никоновская летопись, «окаяннии же бояре киевстии Петр Бориславичъ с Несторъ Жирилславичъ, и Яковъ Дигеньевичъ начаша коромолити и тайно съсылатися со князем Мстиславом Андреевичем и с иными князи, како предать им град Киев» (ПСРЛ, т. 9, 1862, с. 273). Бояре, хорошо знавшие киевские укрепления, указали осаждавшим на слабые места в обороне города, и Киев был взят и разграблен. Этот же факт подтверждает и В. Н. Татищев.

Будучи дипломатом, Петр Бориславич принимал самое непосредственное участие в хитроумных политических интригах и на совесть трудился для своих хозяев-князей, не гнушаясь составлением ложных летописных приписок и даже подделкой договорных грамот. Об этих фактах сообщает Б. А. Рыбаков в той же книге «Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве» (М., «Наука», 1972, с. 235—237, 340).

Не слишком ли много порочащих фактов в малозвестной биографии киевского боярина? Конокрад, предатель, летописец-мошеник — можно ли говорить о порядочности этого человека, и о том, что ему были дороги интересы русского народа?

Анализ текста «Слова» все чаще приводит исследователей (чаще любителей) к мысли, что его автора следует искать в княжеской среде. Некоторые предлагали в авторы «Слова» даже самого князя Игоря. Такое предположение высказывали известный зоолог Н. В. Шарлемань, московский поэт Игорь Кобзев и, наконец, писатель Владимир Чивилихин. Его предположения наиболее обоснованы. Признаюсь, я не читал ничего более интересного, чем его мысли о «Слове», высказанные в романе-эссе «Память». В них много свежих и интересных наблюдений человека, горячо любящего выдающийся литературный памятник. И все же с конечным выводом (об авторстве Игоря) согласиться невозможно. При всех тех положительных качествах, которыми действительно обладал новгород-северский князь (честность, порядочность, безудержная храбрость, высокое чувство собственного достоинства), требуются и другие, более весомые доказательства его авторства. Есть в этой гипотезе и слабые, уязвимые места. Укажу лишь на самые основные, наиболее заметные.

Как совместить все те похвалы, славословие, вознесение до невероятных пределов («Солнце светится на небесе. — Игорь князь въ Руской земли»), всенародную радость, высказанные в «Слове» Игорю, с самим Игорем — автором поэмы? Если бы Игорь был автором «Слова», то это должно показаться до неприличия неуместным самовосхвалением, даже если бы он писал от третьего лица (все равно, писал-то ведь о себе!). Такой манере изложения не соответствовало и психологическое состояние Игоря, только что вернувшегося из плена. Раскаяние и чувство вины за случившееся на Каяле перед теми, кто пал смертью храбрых в далекой половецкой степи или остался в половецкой неволе, перет вдовами и сиротами владели Игорем. Было бы ко-

шунством восхвалять себя в такой ситуации.

Есть в поэме слова, осуждающие родственные союзы русских князей с половецкими ханами:

...ту пирь докончаша храбрии русичи:
сваты попоиша, а сами полегоша
за землю Рускую.

Тонкой иронией звучат эти слова и в адрес самого Игоря. В них, пожалуй, самое серьезное осуждение князя — ведь Кончак действительно был его сватом, это ханская дочь была помолвлена за сына Игоря, Владимира. Строки эти не мог написать сам Игорь.

Не мог восхвалять Игорь и своего двоюродного брата Святослава Киевского, называть его грозным и великим князем. Его подлинное лицо, его жадность, коварство, двоюродные от испытал на себе еще в детстве, когда после смерти отца был изгнан Святославом из Чернигова вместе с матерью и старшим братом Олегом. Неприязнь к этому своему родственнику, очевидно, сохранилась у Игоря на всю жизнь. Вряд ли он мог считать Святослава идеалом великого князя Киевского.

* * *

В длинном ряду претендентов в авторе «Слова» не упоминалось еще имя участника похода, молодого князя Святослава Ольговича, племянника Игоря. Гипотеза о его авторстве появилась в 1950 году из под пера скромного пермского экономиста Михаила Константиновича Домнина, но так и осталась в рукописи, почти никому не известная. А между тем, гипотеза эта во многих точках соотносится с гипотезой В. А. Чивилихина и, безусловно, заслуживает внимания. Обратимся же к ней.

«Некоторые намеки на авторство, — пишет М. К. Домнин, — содержащиеся в самом «Слове», позволяют заключить, что автором его был Святослав Олегович, князь Рыльский, четвертый участник Игорева похода на половцев, сын старшего брата Игоря, Олега Святославича, князя Новгород-Северского, умершего в 1180 году».

Намеки эти, по словам Домнина, заключены в следующих местах текста:

1. Концовка: «Певше песнь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пети: «Слава Игорю Святославичю, буй туру Всеволоду, Владимиру Игоревичю!»

Как видно, имени четвертого князя, такого же участника похода, Святослава Ольговича, в славословии князей нет; нет по той простой причине, что автором предложения воспеть князей, т. е. автором «Слова» был сам Святослав Ольгович, князь Рыльский, четвертый союзник Игоря.

2. Вступительная часть: «...трубы гудять въ Новеграде; — стоять стязи въ Путивле!» Игорь ждет мила брата Всеволода».

И здесь, при описании организации похода, метафоры, которая бы указывала на присутствие четвертого союзника Игоря — Святослава Ольговича, тоже нет.

Мы видим молниеносную быстроту сы-

новней отзывчивости Владимира, князя Путивльского, на зов своего отца. Трубы еще только затрубили поход в столице его отца Игоря в Новгороде-Северском, а уж у сына стяги стоят готовыми в Путивле. Но метафоры о сыновней готовности Святослава нет и здесь. Мы не видим, как откликается Новгороду-Северскому Рыльск, город Святослава Ольговича.

Если допустить, что автор «Слова» пропустил имя Святослава Ольговича в славословии князей по причине его смерти или допустить, что его имя было пропущено переписчиком, то совершенно непонятно, по каким причинам его имя не упоминается при описании полного единодушия князей во время сбора в поход. К тому же сведений о гибели Святослава Ольговича в бою нет. Наоборот, и летописи, и Татищев единодушно отмечают, что все князья-участники похода были пленены и разведены по разным вежам. Игорь был увезен в стойбище Кончака Чилбуком из Тарголове, Всеволода взял Роман Кзич, Владимира — Коптя из Улашевичей, а Святослава — Елдечук из Вобурчевичей.

Не упоминая Святослава Ольговича во время сбора в поход, автор «Слова», по мнению М. К. Домнина, выражает полное единодушие князей, восполняя недоговоренность во вступительной части поэмы словами «чръныя туча съ моря идуть, хотять прикрыти 4 солища». Здесь указаны все четыре князя, горящие вне зависимости от родового старшинства одинаковым солнечным светом боевого духа за землю Рускую. Сравнение князей с четырьмя солнышками под пером самого Святослава Ольговича как бы дополняет мысль о полном единодушии князей, именно ему и было удобнее заявить о своем единодушии с Игорем с помощью такого приема.

Вместе с тем, автор не нарушает принципа старшинства: говоря о битве на Каяле, он упоминает, что «два солнца померкли» (Игорь и Всеволод) и с ними «два молодых месяца» (Святослав и Владимир).

Итак, отсутствие упоминания Святослава Ольговича во вступительной части поэмы и в славословии князей М. К. Домнин объясняет тем, что именно он и был автором «Слова» и поэтому не мог славословить себя даже от третьего лица — им двигала обычная разумная человеческая скромность. Если же автор кто-то другой, то трудно объяснить умолчания о Святославе. И действительно, их объяснить трудно!

В свое время академик А. С. Орлов предположил, что автор «Слова» был выходцем из Галицкой Руси, сопровождавшим Ярославу ко двору ее мужа. Пышный панегирик в адрес Ярослава Галицкого свидетельствует о тонком знании автором «Слова» всех сторон политической жизни этого могущественного князя. Свадебные мотивы в «Слове» («Девичи поют на Дунае») возможно являлись отзвуком традиционного девичника, устроенного для Ярослава, простирающейся навсегда со своим девичеством, и повторились в «Слове», но уже по поводу прощания Ярослава с долей одинокой жены (при встрече с возвратившимся из плена Игорем). Все это в от-

ношении Святослава Ольговича объяснено, как пишет Домнин, его родственными связями с семьей Ярослава Осмомысла: отец Святослава — Олег Святославич — был женат на дочери Юрия Долгорукого, который в один год праздновал две свадьбы — одну дочь выдал именно за Олега Святославича (отца автора «Слова»), а другую — Ольгу Юрьевну — за Ярослава. Таким образом, Ярослава была двоюродной сестрой Святослава Ольговича, князя Рьльского, и он мог какое-то время гостить у галицкого князя на правах родственника и участвовать в свадебном торжестве. А если вспомнить, что его отец был сыном половчанки, то легко объяснить и наличие в «Слове» многочисленных тюркизмов.

Здесь М. К. Домнин немного ошибается. Отец Святослава — Олег Святославич — был женат дважды: в первом браке состоял с 1150 года действительно с дочерью Юрия Долгорукого, после смерти которой женился в 1165 году на Агафье, дочери Ростислава Мстиславича. Святослав родился в 1166 году уже от второго брака. Но тем не менее его родственные отношения с Ярославом Галицким несомненны, и он мог гостить у галицкого князя. Кстати, С. Н. Плаутин оспаривает тот факт, что мать Игоря была новгородской и считает, что его отец женился трижды и от третьего брака с Екатериной (упоминается в Любецком синодике) появились дети Марья, Игорь и Всеволод. Все доводы, выдвинутые В. А. Чивилихиным в пользу авторства Игоря, в такой же и даже большей степени могут быть отнесены к Святославу Ольговичу, его племяннику. При этом не вызывает никакого сомнения словословие в адрес Игоря и его осуждение в родственных связях с половцами. Обе гипотезы об авторстве этих князей — участников похода могут существовать независимо одна от другой, что еще раз свидетельствует о сложности вопроса авторства «Слова» и невозможности принять любую из них за истину — для этого требуются очень веские доказательства. А их нет.

Сведения о Святославе Ольговиче очень скудны. Умер он, по мнению большинства исследователей, после 1191 года. (В. И. Стеллецкий считает датой его смерти 1186 год.) С. Н. Плаутин упоминает его жену Анастасию и детей, которые впоследствии княжили в Рьльске и Курске. В частности, сын Святослава Олег княжил в Рьльске в 1223 году (С. Н. Плаутин. «Слово о полку Игореве». Исправленный и неисправленный тексты. Перевод и примечания. Париж, 1958, с. 59).

Наиболее слабым звеном в гипотезе об авторстве Святослава Ольговича может стать его возраст — рьльский князь участвовал в походе Игоря девятнадцатилетним юношей. Большинство же исследователей считают, что автор «Слова» был человеком пожилого возраста с богатым жизненным опытом. С другой стороны, такой возраст нельзя считать помехой для создания талантливого произведения. Достаточно вспомнить имена А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и многих других русских поэтов, уже завоевавших известность

в годы своей юности. Именно перед пятнадцатилетним лириком Александром Пушкиным преклопил свою седую голову восхищенный его талантом Державин.

«Так это же Пушкин!» — может возразить мне читатель.

«Так это же автор «Слова»! — можно ответить.

Интересные наблюдения в пользу причастия автора «Слова» к княжеским кругам Ольговичей имеются у Д. С. Лихачева. Он заметил, что при написании «Слова» его автор пользовался Новгородским вариантом «Повести временных лет». Известно, что на княжестве в Новгород Великий дважды приглашался Святослав Ольгович — не кто иной, как отец Игоря, и хотя его княжеская деятельность в этом вольнолюбивом городе была непродолжительной (1136—1138 и 1139—1141 гг.), именно при нем был составлен «Софийский временник», представляющий «собой соединение киевских летописей с новгородскими» (Д. С. Лихачев. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., «Худож. лит.», 1978, с. 100). Именно при отце Игоря в Новгороде был составлен летописный свод, объясняющий два места в «Слове» о Всеволоде Полоцком. Этот летописный свод и мог быть привезен на Черниговщину Святославом Ольговичем, после смерти которого свод перешел по наследству его старшему сыну Олегу. После же смерти этого князя новгородский летописный свод мог перейти либо в руки его сына Святослава (по М. К. Домнину — автора «Слова»), князя Рьльского, либо от старшего брата попал в библиотеку Игоря. В любом случае автор «Слова» мог пользоваться этой летописью у Ольговичей.

Автор «Слова», кроме того, как будто бы не знает киевской летописи XII века, он не упоминает ни одного события русской истории первой половины XII в., описанного в ней; не знает он, возможно, и «Киево-Печерского патерика», описывающего гибель молодого князя Ростислава в реке Стугне. Но если автор «Слова» был чернигово-северцем, то он, действительно, мог и не видеть этих киевских летописей!

Упоминание в «Слове» о мести Шарокина, связанное с использованием половецкого фольклора, можно объяснить нахождением автора в половецком плену, тем более, если «Слово» написано по свежим впечатлениям от похода. Об этом же свидетельствует и намек автора на помолвку Владимира с Кончаковной, состоявшуюся, очевидно, уже после майских событий 1185 года, т. е. сведений о том, что эта помолвка состоялась ранее, не имеется.

Важнее значение в изучении «Слова» имеет определение времени его создания. Единого мнения в этом вопросе до настоящего времени нет, но все больше исследователей приходят к мнению, что поэма создана не позднее 1185 года.

Наиболее обоснованно подтверждает это профессор Сумского пединститута П. П. Охрименко. Кроме того, что в тексте «Слова» нет ничего о событиях, проходивших после 1185 года, сам текст содержит более точные сведения о времени его написания. К ним, по мнению украинского

ученого, относятся слова: «Уже бо, братие, невеселая година встала, уже пустыни силу прикрыла». Объяснительный перевод этого отрывка следующий: «Уже невеселое время настало на Руси, уже растительность (травы и зелье — «пустыни») целинной степи прикрыла павших на поле боя воинов Игоря («силу») — их трупы покрылись (заросли) травой».

«Так, — пишет П. П. Охрименко, — можно было писать только вскоре после похода (на что указывает и начальное в приведенном предложении слово «уже»), конкретнее, именно летом или осенью (но не зимой) 1185 года, ибо в будущем году, не говоря уже о последующих годах, от «силы» (войнства, павшего в битве) остались бы только кости» (П. П. Охрименко. Проблемы хронологии, авторства и реставрации текста «Слова о полку Игореве». Сумы, 1975, с. 8). Действительно, автор «Слова» всегда предельно точен в описании событий. Так, о сражении на Немиге он пишет: «Немизе кровави брезе не бологомь бы только кости» — посеяни костями русских сыновъ». Поэтому, если бы «Слово» было написано позднее 1185 года, то его автор вынужден был бы написать, что травы и зелье («пустыни») покрыли кости, скелеты воинов, но не «силу» (не самих воинов и их трупы).

Хронологию «Слова», считает П. П. Охрименко, уточняет и его выражение «...уже... древо не бологомь (не с добра) листвие срни...», что подтверждают археологические исследования. Известно, что весна и лето 1185 года были очень засушливыми (о чем свидетельствуют, в частности, кольца древесины того времени), что вызвало необычно ранний листопад («Вопросы литературы», 1967, № 3, с. 156). Это дважды отметил и автор «Слова». Первый раз — в указанном выше отрывке, во второй раз — в «Плаче Ярославны»: «...чему, господине, простре горячую свою лучю на ладе вои? Въ поле безводне жажду имь лучи съпряже...», т. е. «зачем, владыко (солнце — С. В.), простерло ты горячие свои лучи на воинов моего лады? В поле безводном жаждою имь лучи скрутило».

«Если бы это произведение, — пишет П. П. Охрименко, — было написано не в тот год, когда совершился поход Игоря, а позднее, то вместо «уже» (в выражении «...уже... древо не бологомь листвие срни» — С. В.) было бы употреблено «тогда» или подобное по смыслу слово» (там же, с. 9). Кроме того, в последующие годы был бы запоздалым призыв автора «за обиду сего времени».

Итак, исследование текста «Слова» показывает, что оно было написано где-то в период позднего лета и осени 1185 года, с чем нельзя не согласиться.

У каждого советского человека упоминание о «Слове» вызывает чувство глубокой благодарности к безвестному автору, восемь веков назад создавшему этот неповторимый литературный шедевр, ставший нашей национальной гордостью.

Огромное, необозримое наследие «Слова» создавалось на протяжении многих веков. В его сокровищницу вошли и другие литературные памятники Древней Руси и

многочисленные его переводы, переложения на многих языках мира, литературные интерпретации, графические, сценические, экранные, музыкальные воплощения и, наконец, обширнейшая научная литература — никто, никогда не пытался подсчитать общее количество всего, что порождено «Словом», да это и невозможно — мир «Слова» поистине необъятен!

К чарующим страницам древнерусской поэмы обращались многие наши писатели, начиная с Радищева, Державина, декабристов и Пушкина. «Слово» стало неиссякаемым источником творческого вдохновения во всех сферах культурной жизни нашего народа, объектом глубокого изучения учеными многих стран мира.

Не случайно XXII сессия Генеральной конференции ЮНЕСКО, призывая научную и культурную общественность стран мира широко отметить в 1985 году 800-летний юбилей «Слова», указала на большую роль заложенных в нем идей мира и гуманизма в формировании мировой духовной культуры, на широкую международную известность его и влияние на мировой литературный процесс.

И не случайно в печати неоднократно поднимался вопрос о музее «Слова», предпринимались попытки его создания отдельными энтузиастами. Так, псковитянином Л. А. Твороговым в 1949 году был создан свой домашний музей, а также кабинет «Слова» при Псковском историко-краеведческом музее. В 1962 году благодаря усилиям учителя истории П. И. Ковешникова появился музей в одной из школ поселка Ростовской области. К сожалению, его ожидала судьба многих школьных музеев: не стало энтузиаста-руководителя — и ценная экспозиция была предана забвению. Попытки создания музея «Слова» предпринимались московскими литераторами.

К нашему всеобщему стыду, государственного музея «Слова о полку Игореве» в стране до сих пор нет. Правда, недавно принято решение о создании такого музея в Ярославле при Ярославском историко-архитектурном музее-заповеднике. Появление музея в монастыре, где хранился и был открыт Мусиным-Пушкиным список «Слова», не решает полностью возникшей проблемы — центральный государственный музей «Слова о полку Игореве» должен быть создан в местах, исторически связанных со «Словом». Ярославль же фактически непосредственного отношения к «Слову» не имеет, а список поэмы мог быть найден и в любом другом уголке страны. Принятие такого решения, очевидно, связано с тем, что Ярославль находится на оживленном туристском перекрестке — «Золотом кольце», что здесь имеются уже готовые, пригодные для такого музея здания — архитектурные памятники и что это, наконец, областной центр с удобными средствами сообщения. При отсутствии времени на подготовку к юбилею такое решение вполне обоснованно. Пусть не обижаются на меня ярославцы — я не противник музея «Слова» в Ярославле; пусть появятся такие музеи и в других городах. Честь и слава ярославским энтузиастам-музейщикам, жаль, что таких не нашлось на Чер-

нигово-Северщине, к примеру, в древнем Новгороде-Северском.

И все-таки будет большой ошибкой, если центральный музей «Слова» не будет создан в местах, исторически связанных с этим выдающимся литературным памятником. К таким местам относятся города Новгород-Северский, Путивль, Трубчевск, Чернигов и ряд других в зоне Чернигово-Северского региона. Именно сюда, а не в Москву и Ярославль, приезжают многочисленные творческие работники (поэты, прозаики, художники), чтобы побывать на материнской чернигово-северской земле «Слова», окунуться в его атмосферу, подышать воздухом его времени и получить необходимый творческий заряд, который способна дать лишь эта заповедная земля.

Именно здесь, где происходили воспеты древнерусским поэтом события, в местах, где жили герои «Слова» — его современники, музейная экспозиция будет наиболее уместной и наиболее эффективной по глубине воздействия на посетителя. Здесь продолжением экспозиции музея могла бы стать сама местность. «Слово» настолько связано своим языком, исторической географией, местным патриотизмом автора с Чернигово-Северщиной, что понять его смысл, почувствовать Древнюю Русь с ее реками, степными просторами, яругами, шеломянями можно только в этих местах. Ни Москва, ни Ярославль не дадут такого неразделимого единства музейной экспозиции с природой для глубокого восприятия «Слова», какое возможно при создании музея на Чернигово-Северщине — их окрестный ландшафт не будет соответствовать колориту Русской земли, изображенной в «Слове».

Небольшой районный центр Черниговщины — Новгород-Северский — сохранил неповторимый колорит древности. Это о нем писали Н. Грибачев, А. Кривицкий и С. Смирнов во время путешествия по реке Десне: «Именно здесь, в этих маленьких городках, неприметных красой, не в пышном убранстве, стоящих на вековых кручах, среди спокойно сменяющих друг друга картин природы, не блещущих яркими красками, особенно трогает мысль о великой истории нашего народа, упрямо пробивавшего себе путь к добру и счастью, путь,

на котором стал он ныне наиболее могучей силой века. Отсюда пошла русская земля — отчич и дедич» (Н. Грибачев, А. Кривицкий, С. Смирнов. Десна-красавица. М., 1956, с. 157).

Следует учесть и удачное географическое положение Новгорода-Северского — он расположен на стыке трех братских республик. И «Слово», прежде всего, считается наследием трех великих народов — русского, украинского и белорусского. Новгород-Северский связан прекрасным автобусным сообщением с Черниговом и Киевом. С Москвой он связан железной дорогой — ежедневно с Киевского вокзала столицы отправляется поезд «Москва—Новгород-Северский» с поэтическим названием «Десна».

Именно отсюда можно организовать целевые экскурсии в Чернигов, Путивль и другие места, связанные со «Словом», проехать по маршруту похода, побывать в местах сражения Игоревой дружины (что невозможно осуществить в Москве и Ярославле из-за их удаленности от мест событий).

Местом для размещения музея в Новгороде-Северском мог бы стать комплекс бывшего Спасо-Преображенского монастыря, основанного согласно литературной традиции еще в XI веке. Монастырь расположен на высоком живописном холме. Георгий Лаппо писал по этому поводу: «У древних исторических сооружений малых городов и в наши дни нередко тот же природный фон, то же обрамление, что и столетия назад: простор речной долины, широкие поля и луга, зеленые леса и глубокое небо. И чувство приобщения к прошлому здесь охватывает человека особенно полно» (Г. М. Лаппо. Рассказы о городах. М., «Мысль», 1972, с. 76).

Создание музея «Слово о полку Игореве» в Новгороде-Северском ставится на повестку дня самим временем, и будет положительно встречено всеми, кто горячо любит этот «прекрасный, благоухающий цветок славянской народной поэзии» как в нашей стране, так и далеко за ее пределами, что позволит сделать такой музей богатейшей сокровищницей отечественной культуры.

Виктор СЛИПЕНЧУК

ГРИБЫ И ЯГОДЫ

Сейчас, как никогда прежде, важен уровень социально-правственных отношений между людьми.

Владимир Гендряков

Мне думается, что мы воспитываем друг друга еще не достаточно хорошо. И это обнаруживается всякий раз там, где воспитание чьей-то души мы отрываем от воспитания и совершенствования своей. Разумеется, это дело непростое: чтобы воспитывать чью-то душу, надобно, по крайней мере, иметь свою собственную. Необходимость души никем не оспаривается, напротив, мы изо дня в день так часто говорим об этом, что уже и не слышим ее действительной надобности. Происходит некое преломление истины как бы в удачно расположенных зеркалах. А между тем истина потому истина, что она единственна. Когда она есть — нам всем ее вполне достаточно, а когда ее нет — даже удачно расположенные зеркала пусты, печего множить, то есть они множат пустоту. Именно это ощущение пустоты мы всегда испытываем там, где справедливость по чьему бы то ни было произволу поправа. И неважно — частное ли это событие, так сказать, местного значения, или факт глобального звучания. Тут одно от другого стоит недалеко.

Вспоминается случай, происшедший прошлым летом в одном из научно-исследовательских институтов нашего города. И не в самом институте даже, а в лесу. Реальные имена и фамилии, по известным причинам, опустим, оставим только самую суть и для догошного неверующего читателя точную дату — пусть она явится ему своеобразным адресом, отправной точкой, ежели он вознамерится доподлинно установить — был ли на самом деле этот случай? Был.

«...Ранним утром четырнадцатого числа», — как сказано в одном из знаменитых романов. Вот именно: ранним утром четырнадцатого июля было холодно и пасмурно, пахло дождем, и почему-то представлялась такая всемирная слякоть, что, выскочив в трусах на балкон и невольно поежившись от сырости, я вдруг решил: нет, сегодня за грибами не поедем. Но потом вспомнилось, как обстоятельно с вечера собирались — головки молодого лука, картошка в мундирах, огурцы — все это уже в рюкзаке, а главное — перочинный ножичек с длинным

блестящим лезвием, который для того и куплен в Москве, чтобы ходить с ним за грибами. Воображение сейчас же явило самодовольно-толстый боровик в маленькой, не по размеру, коричневой шляпке, сдвинутой набок, в окружении своих не менее самодовольных питомцев, так и просящихся в лукошко, и я, бодрясь, крикнул жене:

— Вставай... будильник проспал!

Возле института, у крыльца, среди разрозненных серых фигур, ожидающих автобуса, и нам нашлось место.

Вновь навалилась сырая пасмурность утра и возникло острое желание: не ехать. Потом любопытство взяло верх, отвлекло. Мое положение — никого не знаю, а потому стою себе и стою, наблюдаю. Мне даже стало нравиться.

— Должно быть, этот сухошавый пожилой мужчина, в кепке с луговкой на макушке, заведует какой-нибудь лабораторией, а вокруг него — его сотрудники?

Жена улыбнулась:

— И он сам, и дочь его, справа, в коричневой кофте, и полная женщина в плаще, все они — рабочие нашего опытного завода.

Подзадоренный промашкой, повернулся к следующей группе.

— Зато вот тот, с грузинскими усами и лукошком, непременно кандидат наук, а рядом, толстоплечий молодой человек, какой-нибудь спортсмен-борец?

И опять улыбка:

— С грузинскими усами — из лаборатории, но пока не кандидат. А борец, с ним его жена с мальчиком, уже защитился, его дела на утверждении.

— Во всяком случае, вон та симпатичная женщина с удивленно-чистыми, как у олененка, глазами — кандидат?

— В зеленой штормовке, что ли?.. Нет, она работник канцелярии.

Виною столь очевидных промахов была, конечно, амуниция грибников, их внешний облик, который соответствует, может быть, ложным, но закрепившимся в сознании стандартам. Припомнилась телевизионная передача «Очевидное — невероятное». Студентам, входящим в аудиторию, сообщали, что там на стене висит портрет ученого и по портрету просили описать черты характера, бросающиеся в глаза. Потом для другой группы, не меняя портрета, меняли информацию, дескать, это портрет преступника. Там, где подразумевался уче-

ный — студенты находили доброе лицо, человеколюбивый взгляд, а там, где преступник — то же лицо находили злым, а взгляд человеконенавистническим. Просто оторопь берет, как велика разрушающая сила дезинформации. Злые языки приклеют ярлык — и ты уже пугало. Как тут быть? Думаю, что мерилом всему — наша душа. Человеческое сердце имеет и глаза, и уши, и ум. Надо чаще слушать свое сердце, а не доверяться ярлыкам. Конечно, поддержать чужое мнение, пусть ложное, проще, чем иметь свое, но развитие граждански активной личности без своего мнения невозможно. Иметь собственное мнение — это уже целый мир. Отдать на откуп кому-то свое мнение, свой мир... А вдруг глупцу, у которого вместо сердца — пункт и параграф?! Не пробросаться бы!

Все это так, но уж больно колотит, и главное — иррационально по всякому поводу иметь свое мнение. Ведь есть авторитеты, которые потому и авторитеты, что их мнение истинно, а истина единственна, так что никакого откупа. А то ведь в погоне за своим мнением вся жизнь пройдет, некогда жить-то будет!

Радиолокол «пропикал» восемь утра, и все враз заволновались: где автобус?! И он, точно услышав эти вопли, вынырнул из-за угла, желтый, немножко похожий на слоненка. «Протопал» у окна института и остановился у крыльца. Ясное дело — «пазик» маленький, мест не хватило. Решили, что кое-кто будет сидеть на ведрах, а некоторые из мужчин постоят, ничего им не делается. Разместились. И тут в узком зеркале салона обозначились глаза, цепкие, строгие и еще — придиричвые.

— А кто отметит путевку? Кто старший? — шофер привстал, тыкая помятыми бумажками в живое пространство салона.

Стараясь не усложнять дела, «оленинок» в зеленой штормовке ловко выхватила их и, выпорхнув из автобуса, скрылась за стеклянными дверями института. Когда вернулась, водитель, все это время выжидательно молчавший, пряча путевки, опять подав голос, на этот раз уже и вовсе властный, не допускающий даже приблизительного равенства:

— Я еще раз спрашиваю: кто старший?

Да, такие говорят по меньшей мере только с полковниками, остальные для них — мелкота. Салон оскорбленно ожил, но надежда еще была, кое-кто пытался шутить, так что общего негодования еще не было.

— Сейчас, сейчас подойдет старший... Ну что вы, право, заладили: старший, старший... Что вас не устраивает, говорите?

— А то, что никуда я вас не повезу. У меня бензина на пятьдесят километров. А потом — я не хочу из-за вас лишаться прав... Количество людей должно соответствовать количеству мест, никаких стоячих.

Сухощавый мужчина вспыхнул:

— Да идет он... Не поеду... Ни стоять, ни лежать, ишь, генерал, количество людей, количество мест!..

Сухощавый выскочил из автобуса, за ним покинула автобус и его дочь. Салоном овладело раздражение.

— Зря ему путевку отметили. Свое получил и зачехляжился... Нельзя схватить таким... Надо путевку забрать... Ага, отдаст... Вот старший — Иван Сергеевич!..

Сухощавый перехватил старшего, шофер как-то сразу сник, уменьшился, мы тоже притихли.

Иван Сергеевич — приятной наружности крупный мужчина, средних лет, в черном сатиновом костюме, похожем на комбинезон, с цыганскими роскошными усами, напомнил мне начальника по технической части нашего батальона бронетанковых войск, не хватало на голове только шлемофона. Слушая сухощавого пожилого мужчину, он только раз стрельнул в сторону шофера своими черными пронзительными глазами и тут же замедлил шаг. Солядно, не шеша, продолжая начатый разговор, они подошли к автобусу.

— ...Я ему, говорю, а нельзя, чтоб на оборот: количество мест... количеству людей.

Иван Сергеевич одобрительно кивнул и, хотя обращался не к нам, сказал расчетливо громко:

— Если он так себя ведет — мы сейчас откажемся от автобуса. Мы заплатили во семьдесят пять рублей, и не за этот, а за большой «лиаз».

Иван Сергеевич заглянул в салон и поздоровался с нами. Шофер хотел перехватить его взгляд, но Иван Сергеевич умышленно опять повернулся к собеседнику. Хлопнув дверцей, водитель энергично пробежал под окошками.

— Какой «лиаз»?! Вот распоряжение.

Стеклянные двери института, телефонные звонки, выяснения... Наконец установили: в самом деле, автобус не тот. Кто-то предложил:

— Может, довезете нас до гаража, зачем зря бензин жечь, а там мы пересядем в свой автобус.

— Ладно уж, скажите старшему, пусть садится.

И хотя Иван Сергеевич не хуже нашего все слышал, он стоял, глядя вдаль, пока его не позвали.

Новенький «пазик» быстро домчал нас до ворот гаража, мы выгрузились. И снова ожидание. Оказывается, «лиаз» вот только что ушел, мы разминулись. Позвонили в институт на вахту: пусть, как подойдет, возвращается назад, мы — возле гаража. Ох, эти грибы и ягоды!.. Впрочем, ожидание — не такая уж плохая штука, если есть о чем поговорить, подумать. А нам всем очень хотелось поговорить о шофере, о его поведении.

— Надо же, со старшим он может быть человеком, а нет его — так мы для него никто. — негромко, но с такой искренней обидой сказала полная женщина в плаще, что мы враз притихли.

— Потому что чувствует зависимость от старшего, а не будь зависимости — он бы нас и со старшим не признал, — пояснила дочь сухощавого мужчины.

— Вот-вот, прикажет ему старший быть человеком — будет, а не прикажет...

— Ему старший-то нужен был, чтоб показать нам — во, с кем я дело имею, чтоб чувствовали мы, что он — автори-

тет, шишка на ровном месте, — вмешался сухощавый.

Нить разговора я невольно выпустил, подумалось об авторитетах, мнение которых, как мы предполагаем, всегда истинно. Впрочем, откуда у нас такая несокрушимая уверенность в непогрешимости авторитетов? Мне такая уверенность кажется очень сомнительной уже потому, что для тех, кто готов во все случаи жизни пробавляться чужим мнением, она очень даже выгодна. При случае есть возможность вильнуть: авторитеты сказали, а мы поверили, мы-то здесь при чем?!

Иван Сергеевич ходит возле ограды автопарка взад-вперед, изредка поглядывает на часы, трогает роскошный ус — ждет. И этой своей озабоченностью и тревогой как-то снимает с нас нагрузку ожидания. Все заняты разговорами о своем, житейском, по нет-нет и взглянут на Ивана Сергеевича: ага, ждет, а раз ждет — есть время говорить и думать о своем, он-то ждет автобуса за нас и для нас всех. Удивительнейшее создание — человек, он способен своим чувством переливаться в чувство и разум другого человека — отзывчивостью, пониманием, любовью. Надо нам побольше отзывчивых выдвигать в старшие, только их. Например, таких, как Иван Сергеевич. Мне сказали, что он заместитель председателя профсоюзного комитета института.

Иван Сергеевич внезапно замер, и сразу екнуло — автобус?! Большой, неуклюжий и дребезжащий, он выползал из-за угла робко и растерянно, словно не доверял своей близорукости — туда ли?

— Сюда, сюда! — радостно закричали мы, поспешно разбирая свои рюкзаки и лукошки.

«Лиаз», точно уставшее животное, на ямах тяжело переваливался с боку на бок и, едва дотащившись до ворот, остановился, заглох. Шофер — длинный и худой молодой человек, угловатый и стеснительный — в ответ на наши остроты относительно допотопности автобуса, вытягивал шею, виновато улыбался. Весь его вид говорил: да-да, вы правы. Особенно он пленил тем, что, как и мы, собирался сегодня ехать за грибами, но раз в парке не нашлось свободного шофера — он дал согласие везти нас. После чересчур напористого водителя с «пазика» он казался ангелочком, правда, неуверенным ни в чем, даже в том — доедем мы до леса или... В светло-сером отутюженном костюмчике появился дежурный механик.

— Колян, ну ты даешь! Перегородил дорогу.

Сняли с пола крышку, заглянули в мотор, подтянули гайки. Механик пособлял шоферу двумя пальчиками, больше подавал советы и комментировал обстановку в гараже.

— А что вы хотите, у нас рейсовых автобусов не хватает, ремонтировать некому. Не волнуйтесь, доедете. Вам куда?

Поднялся Иван Сергеевич, наш старший, ухватился за верхние поручни.

— Внимание, давайте решать, куда поедем?

Выждал минуту, другую.

— Раз предложенный нет — доедем до Бэ-Ключей, там налево от дороги хороший лесок, походим, посмотрим.

Повернулся к «ангелочку».

— Поедем в сторону Бэ-Ключей.

— До Бэ-Ключей доедете, — заверил механик. — Даже до Бэ-Речки доедете.

— Бэ-Ключи, Бэ-Речка...

В автобусе засмеялись. Конечно, смешно, но и грустно, потому что это не досужая острота, а действительность. «Бэ-Речка» — надпись-указатель при въезде на мост через Большую Речку, а «Бэ-Ключи» — при въезде в село Баюновские Ключи. Баюновские, слышите, какая ласковая певучесть и вдруг вместо нее — почти похабщина. Может, потому усекли имя, что краски не хватило, или в угоду пресловутой экономии, пресловутой, то есть не экономной? Вряд ли. На одном из переездов этого же направления красуется внушительный щит, возвещающий полным текстом, что перед вами ни много ни мало: «Переезд высокой культуры!» Два года назад я как-то зашел к заместителю председателя Заринского горисполкома с просьбой привести в порядок внешний вид вокзальных помещений: Бешенцева, Голубцова, Шпагина, Загонного и других. На некоторых из них не было даже названий населенных пунктов, какие-то безымянные вокзалы, угнетающие взгляд заброшенностью и запустением. Разговор получился нервным, меня отчитали как несмышляниша: суется не в свое дело, вот объявим месячник по облагораживанию деревень, тогда и без ваших просьб все поправим и обновим. Словом, надо было ждать соответствующую кампанию, а я вылез не ко времени и... получил. Кстати, я не противник кампаний вообще, некоторые своевременны, как хирургическое вмешательство. Я противник того, чтобы наша жизнь сводилась к кампаниям, она же не перечень мероприятий, выполнил — умирай. Нравственное здоровье мы обретаем или теряем по крупницам изо дня в день. Здоров — хирургия не нужна. Болен — косметической операцией по облагораживанию не обойтись, нужно более глубокое лечение, иначе «переезд высокой культуры» далее «Бэ-Ключей» и «Бэ-Речки» не распространится. Наша усеченность мышления начинается с усечения души. В погоне за материальными ценностями мы стали забывать, что они потому ценности, что дают возможность обрести духовную силу и здоровье, иными словами, возможность быть человеком. А если нет — ценности ли они? Любое количество самых дорогих вещей без отклика в душе — ничто. Предметы первой необходимости — вещи и только. И, напротив, самая неприятная вещь, какое-нибудь берестяное лукошко с ягодами, — а в душе что-то отозвалось, откликнулось. «Лукошко-то чье?..» — «Бабушкино, бабушкино». Бабушкино лукошко? О, это уже целый мир!

Мотор зарокотал, закрыли крышку пола.

— Колян, попробуй назад, — попросил механик.

Но Колян, используя пространство площадки перед воротами, развернулся без задней скорости. Выглянул в окошко.

— Раз идет вперед, назад тоже должен идти.

— Вообще-то мыслишь правильно, — согласился механик.

И мы поехали вперед по грибы и ягоды. За Новоалтайском обнаружилось, что ни у кого нет курева.

— Ничего, в Бэ-Ключах возьмем, а уж потом в лесок, — успокоил Иван Сергеевич.

В магазине, вот только что прочитав вывеску-указатель, спросил:

— Как называется ваше село?

— Баюновские Ключи, милоч, — отозвалось сразу несколько пожилых женщин, судачащих у прилавка.

— А что же на указателе пишете — и не поймешь?

— Да разве мы-то пишем — начальство... Сокращенно это.

Разговор сразу перекинулся: мол, ладно названия укорачивают, лишь бы деревню не трогали, а то сколь их за последние годы под корень укоротили — неперспективно. Дескать, нет им никакой надежды вырасти до городского облика. Из-за облика извели, а то, что этот облик кому-то был всех милей и краше, не посчитались. Зато копейку выиграли. А на что она, копейка, когда милого облика нет в душе?!

Пока был в магазине, шофер, разворачивая автобус, попытался сдать назад, не получилось, заглох мотор. Остановился поперек дороги, ни взад, ни вперед, не заводится. Зевак набежало, в особенности ребята. Одного маленького, хорошо одетого, спрашиваю:

— Село-то ваше как называется?

Посмотрел на меня с нескрываемым удивлением.

— Бэ-Ключи. Там же во-он указатель...

В сельской средней школе, которую я кончал, учительница русского языка, возвращая нам наши диктанты, изложения и сочинения, часто сетовала, что мы в большинстве, как говорим — так и пишем. А надобно наоборот. Не случайно же и поговорка сложилась: говорит, как по писаному, то есть хорошо говорит. Сегодня в подобной похвале нельзя не ощущать иронию. И это тоже наш уровень. Мне думается: постоянный настрой — получать побольше с наименьшими затратами, усердно стимулируемый материальной заинтересованностью и наглядно поддающийся учету более всего в количественном сравнении, перекочевав в область нравственную, уже наносит нам вред — мы теряем в себе человеческое. Жизнь превращается в спорт, а в спорте, как известно, есть победители и побежденные. В спорте в наибольшей цене тот, кто за единицу времени — быстрее, выше, дальше... Приобретает смысл суррогаты, когда нет ничего под рукой, и они — божий дар. И нас уже не удивляет нравственная обезличка слов; отсутствие генетической памяти, прежде победители и побежденные, нам даже помогает соединять несоединяемое. Но иногда вдруг упадет взгляд на бабушкино лукошко, и дрогнет сердце, и заболит, заболит не о третьем поколении компьютеров, а о нашем послевоенном поколении, не о ядерных головках, а о головках наших детей. Жизнь не спорт, в ней не должно быть ни победителей, ни побежден-

ных. Дедушке-садовнику и дедушке-космонавту всегда будет о чем побеседовать прежде всего потому, что оба они — дедушки.

Подгоняемые нетерпением — цель близка — воп, за околицей, — усилиями в двадцать рук развернули автобус и через каких-нибудь десять минут, наконец-то, въехали в долгожданный лесок Иван Сергеевич еще раз громко оновестил, чтобы ровню в двенадцать все, как штык, были в автобусе. И мы — о счастливый миг! — рассеялись по лесу. Вначале казалось, что росная густая трава по пояс и не менее росные заросли смешанного подлеска, встретившие нас холодным душем, там, подальше от дороги, смеялись просторным, а главное, грибным бором, но увы... К обилию росных зарослей только добавилось обилие комарья. Лес оказался не грибным, не было даже вездесущих поганок. Искусанные комарьем, промокшие и продрогшие, вернулись в автобус и в ожидании нескольких самых упорных из нас принялись за обед. Угощая шофера, пытались шутить, но вскоре, после выпада толстоплечего молодого человека, похожего на борца, ввали в уныние. Борец заявил, что не появись «апгелочек» — за грибами бы не поехали, тот хмырь на «пазике» не повез бы и, глядишь, сейчас понапрасну не пришлось бы ни мокнуть, ни простывать.

Напрасно—не напрасно, выигравшие—проигравшие, простывшие—не простывшие... Как просто все. Грибы—своего рода приз «За волю к победе». Впрочем, ирония вряд ли уместна. Легкость, с какою зло овладевает одеждами добра, — всего лишь легкость, с какою мы меняем свои ориентиры.

— Да будет вам унывать, сейчас в Бобровку двинем, там под Бобровкой — ого-го! — крутя цыганский ус, воскликнул Иван Сергеевич. И мы посветлели, заулыбались, нам вернули игрушку, то есть надежду на приз.

Возле деревни Фирсово всеми овладело радостное предчувствие удачи. Навстречу нам попадались грибники с полными корзинами белых грибов. Не стоит рассказывать о приливе сил, о чувстве локтя, с какими мы подталкивали на песчаных кручах наш буксующий автобус. Всех этих подталкиваний за глаза хватило бы каждому из нас на дюжину нормальных поездов. Проезжая грибные места (в них нас убеждало обилие легкового транспорта у дороги), заспорили: здесь останавливаться или проехать дальше, за Бобровку? Среди тех, кто настаивал: «здесь», выделялся своей активностью молодежавый бородач, лысый, крепкий, похожий на Эдисона. Его жена, младший научный сотрудник, маленькая, очкастая и длинношеяя, на все выкрики своей сильной половины улыбочиво крутила головой, но прямого участия в споре не принимала. Мне кажется, многим хотелось, чтобы автобус остановился «здесь». Но, как часто это случается в отношении к активным, горячность бородача против него же и сыграла. «Кто он такой, чтобы командовать?! Пришел за своей пигалицей и ищи!.. Дома над ней командуй!..» Толстоплечий молодой человек, привстав с последнего сидения, потребовал:

— Махнем за Бобровку!

Пауза возникла. Иван Сергеевич по обыкновению выждал с минуту и, хотя требование толстоплевого вовсе не отражало общего настроения, заключил:

— Раз все за Бобровку — едем за Бобровку.

Конечно, бородач почувствовал, что с его мнением не то чтобы не посчитались — его подавили. Насупился, вперился взглядом в окошко, стараясь в особенности не смотреть на свою жену, которая в изумлении крутила головой, ища хотя бы чей-нибудь живой взгляд, но... Потом и она застыла, смотря прямо перед собой. Однако весь ее вид, беззащитно наивный, теперь излучал какое-то неистребимое детское упрямство, даже гордость: мы победили, мы!.. То ли виною нелепая голубая фуражка и очки из-под козырька, то ли нежелание считаться с тем, что есть, и гордо пребывать в победителях в своем мире, но она и ее муж вдруг предстали мне какими-то такими беспросветными неудачниками, что стало жаль их. В самом деле, ей далеко за тридцать, а она младший научный сотрудник, без темы, точнее, без авторитетного руководителя... Впрочем, не будем спешить.

За Бобровкой остановились на пересечении двух широких дорог. Зная, что у начальников особое чувство к писателям и при случае они не считают зазорным прислушиваться к ним, попросил Ивана Сергеевича как-то так определить время, чтобы на обратном пути под Бобровкой мы тоже могли остановиться. Иван Сергеевич кивнул и, отпуская нас в лес, назначил время.

— В распоряжении — один час. На обратном пути под Бобровкой еще на часик остановимся, чтоб всем не обидно было.

Сообщение о предстоящей остановке, о которой вот только что горячо, по безуспешно настаивал бородач, всеми было воспринято с шумной веселостью, как счастливо разъяснившееся недоразумение. И только виновники, он и она, как будто знали, что все так будет, коротко переглянулись, лица их осветились тем особым ровным и мягким светом, который освещает нас, когда мы смотрим на радующихся детей. Глядя на них, невольно подумалось: да полно же, подходил ли я с просьбой к Ивану Сергеевичу? Нет-нет, это как-то само, в самом воздухе что-то передвинулось, а я... Я — последняя буква в алфавите, об этом помнят и умеют ценить неудачники, понимая, что они — последняя надежда, дальше — пустота в зеркалах.

Час пролетел мгновенно. Нам повезло, моя жена нашла колонию белых грибов во главе с великаном, собственно, он окликнул ее, а после, грозно проследив и удовлетворившись, что все его окружение наконец-то благополучно разместило в лукошке, перебрался сам. В автобусе великан переходил из рук в руки. Великолепно сбитый, с непомерно толстой ножкой и косо посаженной шляпкой, он вызвал разные чувства. Бородач и его супруга, сразу обрадовавшаяся, — «ой, такого гиганта на всю жизнь запомню!» — так долго любовались им, что моя жена, зорко присматривающая за великаном, несколько раз ревниво объявила: это я нашла, я увидела и нашла. Хотя гриб

есть гриб, его кулипарное назначение общеизвестно, замечание толстоплевого молодого человека, со смаком сообщившего, что еще пару таких грибов и на жареху вполне хватит, покорило. Почему?

Под Бобровкой не все вышли из автобуса. Остались толстоплекий со своей женой и ребенком, Иван Сергеевич и еще несколько человек, оставшие кормить комаров и, очевидно, уже набравшие грибов на одну жареху. Эдисоны вышли первыми, оно и понятно, больше всех рвались в этот лес. А лес под Бобровкой замечательный, сосновые косогоры, светлые березовые поляны, правда, стадо коров порядком разорило грибные колонии, зато и грибники отпугнуло. Мы за какой-то час набрали почти полные корзины маслят и сыроежек. Так увлеклись, что к назначенному часу успели только-только. Молодой человек, похожий на борца, встретил нас не совсем дружелюбно, точно опоздавших. Но по-настоящему он обрушился на Эдисонов. Эдисоны пришли позже. Счастливые и виноватые, они внесли в автобус полный кузовок белых.

— Невероятно... Белые... Везет же людям... Ах... ах...

— Да-да, белые, а я что говорил, помините?.. А вы не послушали... А теперь пожалуйте, — несколько высокомерно отвечал на общую зависть бородач, а его супруга, несмотря на гневные паскоки толстоплевого, цвела и благоухала. Видно, печасто сопутствует им удача.

Когда Эдисоны заняли свои места и можно было отправляться домой, вдруг обнаружилось, что нет вахтерши института, Полины Ивановой. «Такая высокая, в белом накомарнике». Пожилой сухощавый мужчина, оказавшись, слышал, как она звала своего сына, восьмиклассника Сашу, он тогда еще предупредил всех своих, чтобы не аукались, не сбивали ее. Иван Сергеевич принял решение: ждать десять минут, до семнадцати ноль-ноль, в восемнадцать автобус должен быть в автопарке. Желающие вышли на косогор, стали хором звать:

— Ива-по-ва... По-ли-на!..

Энергичный молодой человек, окончательно взявший на себя ответственность за нашу дисциплину, тоже звал, но и возмущался.

— Не можешь ходить в лес — сиди в автобусе, как другие. Вообще-то куда они дедут, лес что парк, рядом Бобровка, автострада... сотни машин.

Прошло десять минут, кто-то предложил разбиться на группы, прочесать лес.

— Какая срунда, не досчитаемся тех, кто есть, — очень сильно возразил молодой человек.

Спустились на автобусе вниз по автостраде — может, они там, внизу, на дороге, ждут. Нет, не ждут. Еще раз вышли из автобуса, еще раз хором покричали: — По-ли-на! И поехали. Домой поехали, в Барнаул.

Как бы там ни было, а каждый из нас всегда испытывает безотчетное чувство облегчения, направляясь домой. Что-то похуже испытывали и мы. В конце концов, сильный молодой человек прав: время бы-

ло назначено, мы и так уже опаздываем в автопарк, а потом лес — не дремучая чаща, рядом Бобровка, автострада, сотни машин, не бросят... Кто не бросит? Мы-то... Сына, видать, не нашла, потому и не вернулись. Да мне-то что, больше всех надо? Начальник здесь не я, слава богу, что не я...

Жена Эдисона вытянула шею, поверх голов оглядела салон.

— Ведь едем же! А они... Как же так, товарищи?

Сверху вниз посмотрела на своего бородача — он демонстративно скрестил руки на груди. Говор смолк. Не помню, сколько уж длилось общее молчание, но оно не тяготило, хотелось молчать и молчать. В Фирсове, не меняя позы, бородач сказал:

— В принципе надо было ждать, сельзя бросать...

Очкарик так и взмыла над нами.

— Иван Сергеевич, поворачивайте автобус!

И сразу отозвались: и сухощавый пожилой мужчина, и его дочь в коричневой кофте, и олененок в зеленой штормовке, и полная женщина в плаще, неожиданно запричитавшая:

— Да что же мы... Сажу и чуть не плачу, оставили... и едем, едем!..

На косогоре, пока рядились, прочесывать лес или, как говорят молодой человек, «это совсем уж глупо-глупо», Эдисоны пошли прочесывать. Мы увязались за ними, за нами еще человек пятнадцать. Разбрелись, потом уже и сами, чтобы не блудить, через каждые двадцать шагов аукались, звали:

— По-ли-на... И-ва-но-ва!..

На просторной березовой поляне встретили пастухов.

— Ну уж если здесь блудить?!

Хорошо, что среди нас не было сильного молодого человека, он бы слова пастухов немедленно повернул против нас. Жена Эдисона спросила:

— Не видели женщину, такая высокая в брюках и накомарнике, с нею сын-подросток?

— Видели, воп там, — пастухи показали в сторону Бобровки. — С полчаса назад; стояла легковая машина, а женщина в белом накомарнике и мальчик чуть поодаль собирали грибы.

— Спокойно собирали?

— Спокойно.

— Спокойно бы Полина не смогла, это не они, — уверенно заключила наш научный сотрудник, и поиски возобновились.

Возле автобуса сообщение пастухов было расценено иначе.

— Это они, едем. Если что... попытаемся вызвать директорскую машину, милицию — и сюда, — неуверенно сказал Иван Сергеевич. И так же неуверенно подал свой голос шофер, смущенно показав на часы, дескать, автобус оплачен до восемнадцати поль-ноль, мы уже и так запаздываем.

— В конце концов, сбросимся по рублю, что мы... — рьяно вмешался бородач, похожий на Эдисона, и опять его вмешательство неприятно царянуло, будто гвоздем по стеклу. Молодой сильный человек громко хмыкнул.

— Ну, допустим, вам с таким лушком можно и по трешке!

Конечно, выпад был грубым и несправедливым, однако молодого человека почему-то никто не одернул. Напротив, в ответ на его слова все в автобусе как-то весело всколыхнулось, вольно или невольно высказав ему этим полное одобрение.

— Да куда они не денутся, пока мы тут — они уже дома сидят, поехали, — голосом, не терпящим возражений, сказал сильный молодой человек. И мы поехали. Домой. В Барнаул. Оставив в лесу женщину с мальчиком. И только ли их?!

По дороге зорко следили по сторонам, брали всех голосующих, попутно спрашивали: не видели женщину в белом накомарнике, с нею мальчик лет четырнадцать в спортивной синей куртке. Нет, не видели.

— Раз мы всех подбираем, и их кто-нибудь подберет.

Странное дело, теперь этот довод, высказанный вслух, казался убедительным.

По приезде в город Эдисоны попросили посадить их возле первого же телефона-автомата. Их высадили. Все понимали, что они вышли возле телефона-автомата не случайно, наверняка будут звонить в институт на вахту, потом на квартиру Полине Ивановой. А вдруг Полины нет, тогда что?! А дом вот он, рядом, от «жилплощадки» во все стороны Барнаула рукой подать. Выручил все тот же молодой человек. Кивнул шоферу — езжай, уже седьмой час. И мы поехали, как будто ничего не произошло, как будто все так и надо, и каждый выходит (сам себе хозяин) на той остановке, которая поближе к его дому.

Вскоре автобус опустел. Все разошлись. Наконец и шофер, отметив у дежурного автопарка прибытие, поставил «лиаз» на место и, хлопнув дверцей, тоже пошел домой.

Все! Больше ничего не произошло. То есть никто из нас не вызывал ни директорской машины, ни милиции. Да и зачем? Полина Иванова вместе со своим сыном Сашей приехали на попутке где-то в одиннадцатом часу, по летнему времени еще за светом. Кстати, грибов набрали они что-то около четырех ведер, едва донесли. Благо, попутчики на личных «жигулях» смиловались, добросили прямо до подъезда. Вошли в квартиру с грибами, а из Бобровки — этом, очень долго смеялся над Эдисонами, то вернулись, вполостили известных нам пастухов, те — участкового, а уж он потом и дозвонился до Полины. Говорят, сильный молодой человек, когда узнал об этом, очень долго смеялся над Эдисонами. Ну люди! А что люди? Люди — всегда люди. Впрочем...

Сергей КАШИРИН

ГЛУБИННЫЕ РОДНИКИ

ГЕННАДИЙ ПАНОВ. «ТИХИЙ КОЛОКОЛ» (СТИХОТВОРЕНИЯ, СКАЗЫ, ПОЭМЫ).
ИЗДАТЕЛЬСТВО «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ», М., 1982.ГЕННАДИЙ ПАНОВ. «ОТЧИНА» (СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ).
АЛТАЙСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО, БАРНАУЛ, 1984.

Существует мнение, что при оценке новых стихов удачными можно считать такие, из которых сразу же, после первого же прочтения, что-то запомнилось, врезалось в память. Ведь если читатель, едва пробежав глазами или впервые услышав кем-то продекламированное стихотворение, тут же повторяет наизусть какие-то строки, значит, они его чем-то тронули, взволновали, порадовали.

А поэма? А поэтический сборник? Тут, очевидно, нужен уже иной критерий. Но вот, только что закрыв последнюю страницу нового сборника Геннадия Панова «Отчина», я вдруг вспомнил строки из его другой книги, вышедшей два года назад:

Я, Панов из села Паново,
говорю о своем селе.

Что в них вроде бы особенного? Ладно бы, глубокая мысль, афоризм или оригинальная метафора, так нет, нечто сугубо личное для автора. Тут, на первый взгляд, даже некая претензия, что ли. Но, еще не осмыслив до конца, что к чему, в этих словах ощущаешь нечто очень важное, приятельное, определяющее содержание не только одной автобиографической поэмы, а и всего творчества поэта.

Произнесены или написаны эти стихи с нескрываемой гордостью. Впрочем, что нам гадать — произнесены или написаны? Конечно же, прежде всего произнесены. Они родились в душе автора, вернее, вырвались из его души как бы сами собой, как первая струйка воды из глубинного родника. Ведь это же замечательно, что человек гордится своим селом! И не просто гордится, а еще и заявляет об этом во всеулышание, не в пример иным людям, так сказать, стесняющимся своего сельского происхождения.

Ну а чем же оно, это село, знаменито? Я вот о нем до сих пор, то есть до прочтения этих поэтических строк и знать не знал, и слыхом не слыхивал. Мало ли у нас на Руси больших и малых деревень и деревушек — не сочтешь! О своем родном крае Геннадий Панов пишет:

Миг в Сибири велик. И Сибирь велика.

Так где же оно там, в Сибири, его любимое село Паново? Вероятно, такое же затерянное в бескрайних российских просторах, как и тысячи других. «Тамбов на карте генеральной, — как писал Михаил Юрьевич Лермонтов, — кружком означен не всегда», так что уж тут вести речь о каком-то далеком-далеком, глубинном сибирском селе! Между тем Геннадий Панов вспоминает о нем не раз и не два, а прямо-таки из стихотворения в стихотворение. То называя, то не называя его, он ведет нас туда, говоря не только о своем детстве и юности, не только о сегодняшних днях, но даже о тех временах, о которых писал еще Лермонтов.

Это не может не пасторожить: а не уводит ли автор меня, читателя, в замкнутый круг своих впечатлений? Не слишком ли он самонадеян, не ограничивает ли пределы собственных творческих интересов и возможностей? А если нет, то чем обогатит нас, увлекая в старую, кондовую сибирскую глушь?

В этой связи невольно думается и о том, что перед нами еще один поэт так называемой деревенской темы. В большом ряду известных писателей, посвятивших свое творчество сельской действительности, его имя — новое. Это вовсе не означает, что на литературном поприще он делает лишь первые шаги. Нет, стихи Геннадия Панова уже не раз печатались на страницах всесоюзной периодики, а в Алтайском книжном издательстве вышло пять его поэтических сборников. Но ведь принято считать, будто бы книга, вышедшая в столице, — нечто совсем иное. Поэтому и следует, пожалуй, рассматривая новую книгу Геннадия Панова «Отчина», обратиться прежде всего к предыдущей, выпущенной издательством «Молодая гвардия». Тем более, что они, обе эти книги, тесно между собой связаны и по срокам выпуска являются для автора серьезными вехами на пути его творческой зрелости.

Читая ранее многие стихи Геннадия Панова, я почему-то испытывал такое ощущение, будто бы на многих из них лежит изрядный налет книжности. Думается, на мысль об этом наталкивала прежде всего склонность автора к многочисленным (на

мой взгляд) эпиграфам и посвящениям. Так, в частности, в одном только трилистнике «Холмы и думы» мы видим и посвящение, и два эпиграфа. Невольно закрадывается сомнение: не многовато ли для одного небольшого произведения? Тем паче, что и тема трилистника тоже, в общем-то, «книжная», постоянно варьируемая в литературе: поэт и его призвание, поэт и время.

Тут, стало быть, в первую голову важно то, как эта «вечная тема» решается. Геннадий Панов, надо сразу же отдать ему должное, решает ее, эту вечно новую для каждого поэта тему, по-своему, вполне самостоятельно. Перед нами — взволнованный, страстный монолог, точнее — раздумья вслух. Автор окидывает взглядом не просто доступные обозрению близлежащие холмы, а все необычные просторы нашей русской земли, и с любовью, с пафосом говорит о ее славном прошлом и настоящем, о ее замечательных людях.

И в самом названии трилистника «Холмы и думы», и в его эпически-раздумчивой интонации, и во всем содержании, а более всего — во второй части, где автор размышляет о взаимосвязи времен и поколений, постоянно ощущается связь поэта с фольклорными традициями. Тут, вопреки собственным опасениям, не много ли, мол, эпиграфов, я вдруг подумал, что этой, второй части трилистника, можно было бы предпослать еще один! «О Русская земля! уже ты за холмом!» Да, да, из «Слова о полку Игореве». Если «Холмы и думы» навеяны народно-поэтическим творчеством и даже «Словом о полку Игореве», то это ничуть не уменьшает литературных достоинств и не умаляет содержания трилистника. А содержание этого произведения при более внимательном его рассмотрении явно перешагивает рамки темы «поэт и время». Автор то и дело касается таких проблем, таких болевых точек современности, которые вызывают подчас щемящее чувство и побуждают к серьезным раздумьям о нашей сегодняшней действительности и о будущем, о нашей ответственности за настоящее и за грядущее.

Так, в частности, вспоминая о больших, многодетных русских семьях, поэт вдруг со вздохом замечает:

А ныне в пятистенке над Катунью
и в теремке из кружев и затей
пойди найди певунью-хохотунью,
чей стол прекрасно тесен от детей.

Или вот он размышляет о героизме наших людей, о ратных и трудовых подвигах, радуется нашим сегодняшним свершениям, но тут же с тревогой прислушивается к тому, как «где-то поздно меж звезд дух гнетет самолет да по крышам дожди рикошетят жестоко». Пытаясь постичь глубинную сущность многогранных жизненных явлений, еще не всегда и не все он может с достаточной полнотой объяснить себе и читателям. И об этом он говорит прямо, приходя в своих раздумьях и поисках к конкретному выводу:

Нелегко отвечать на вопросы —
а надо!

Творчество — отражение жизни. Однако не только отражение, но и осмысление. А осмысливать сложную современную действительность не так-то просто. Честное признание в этом подкупает, рождает у читателей доверие.

Круг тем и жизненных вопросов, волнующих Геннадия Панова, показывают уже сами названия его стихотворений. Среди них — пейзажные зарисовки «Веснянка», «О всем хорошем на земле», «Береза». В этом же ряду живописные картинки «Водопад Корбу», «Кулундинский канал» и стихи о животных — «В зоопарке», «Про недолгую жизнь быка». Здесь же светлые лирические этюды «Имя твое», «Ночь любви», «Огоньку в твоём окне» и полемически заостренные полуинвективы «У Никитских ворот», «Как листья осенью окрест...» Но большинство стихов — это размышления «о времени и о себе», о родной земле, о ее прошлом и ее будущем.

Разнообразные в жанровом выражении, стихи Геннадия Панова разнообразны и по краскам, и по интонациям, и по композиционному построению.

Над Отрадным, как отрада, тишина...

Или вот еще, из стихотворения «Дядя Сеня»:

Ты прав:
забыл я запах трав,
забыл, как ладят стог с прикладом.
И, если что не так, как надо,
поправь — как надо! — стогоправ.

Такие примеры можно приводить еще и еще — они встречаются буквально в каждом стихотворении, сказе или в строфах поэмы. Лучшие из них показывают, что эта уточненная звукопись — не самоцель. В их образности наряду с аллитерацией всегда пульсирует мысль, они обращены к уму и сердцу читателя.

Богатой палитрой пользуется поэт в своей пейзажной лирике. Он показывает нам, как весной «светлым-светла ракита, ветла опушена». Вместе с ним мы словно бы впервые видим, как летом в полдень сосна роняет «на песок и в туесок янтарный сок». Но слово — не фотография, оно говорит не о красках вообще, а делает наглядным само поэтическое чувство, доносит его до души, до сердца. В этом убеждает, в частности, стихотворение «Подсолнухи бабушки Веры». В пору босоногого детства суровых военных лет, вспоминает автор, деревенские ребятишки никогда не лазили в огород этой старой женщины, «хоть он был жердячком абы как обнесен». Шел ей тогда «сто второй или третий», она уже плохо видела, и все же в дни цветения подолгу стояла с батожком возле прясла, любясь единственно видимой ей красотой — цветущими подсолнухами.

Сценка впечатляет уже сама по себе. Чувству достаточно маленького толчка, чтобы пробудилось благоговейное понимание прекрасного в природе и в человеческих взаимоотношениях. Но, видя жизнь более обостренным, внутренним, так сказать, душевным зрением, поэт завершает рассказ

на иной, неожиданно контрастной и поистине обжигающей ноте:

...Тот, кто видит в подсолнухах
только постное масло —
нашу бабушку Веру
никогда не поймет!

Подобного рода эмоциональные взрывы встречаются в стихах Геннадия Панова чаще всего в концовках. Поэту удается, как правило, сделать их ударными, афористичными и запоминающимися. Примечательно еще и то, что такие концовки при всей их неожиданности всегда органически подготавливаются всем развитием лирического сюжета, хотя улавливаешь это не сразу.

Характерно в этом отношении стихотворение «Сладкий пряник». Это предельно искренний, пронизанный болью разговор автора с другом детства, к которому он и сегодня обращается «по-свойски», как в те давние военные годы: «Помнишь, Женька...» В далеком сорок пятом Женька, встретив одного из возвратившихся с фронта солдат, бросился к нему с криком «Папка!». Увы, обозначался мальчишка. Пришедший с войны — не папка, и принес он горькую весть: отец Женьки пал на его глазах смертью храбрых в бою. И, неловко утешая плачущего мальчугана, многое повидавший фронтовик в растерянности сунул ему в руку сладкий пряник: «Поешь, сынок». А тот и не знает, что это такое: не только не ел — не видел он пряников в свои детские годы.

Содержание стихотворения, как мы видим, не отличается новизной. Среди множества стихов различных авторов о детях, обездоленных войной, можно вспомнить немало таких, где шла речь о прянике, кусочке сахара или просто краюхе хлеба, вот так же отданных кем-то из солдат осиротевшему и голодному ребенку. И на этом чаще всего ставилась точка, ибо самый безыскусный рассказ о таком случае многое говорит читателю. Да и в данном стихотворении тема вроде бы уже решена. Какой уж там «сладкий пряник» — он горше горького. Однако Геннадий Панов пишет о тяготах военного детства с позиций сегодняшних дней: «Мы в тылу здесь картошку ели, чтобы фронт отступать не смел». И дальше, все усиливая содержание, автор переосмысливает довольно распространенное событие военных лет, идя не от книжно-литературных ассоциаций, а от самой жизни. Поэтому в заключительной строфе — новый поворот, новое обобщение и потому еще более впечатляющее решение:

Нам с утра испекали драники —
и на улице дотемна...
Если б только на эти пряники
нас

обкрадывала

война!..

Отмечая тяготение Геннадия Панова к драматичности, нельзя не подчеркнуть, что в его стихах нет и грана скепсиса или надруга.

Расхожим стало мнение о том, будто бы значимость поэтической книги и творческие

возможности автора ее тем выше и богаче, чем шире тематика стихов и даже их «география». Похоже, отдал дань этому и Геннадий Панов. Как мы уже видели, он продемонстрировал нам свое умение касаться и образно решать значительный круг проблем. Широка и «география», о чем также можно судить уже по самим заголовкам стихотворений. В книге «Тихий колокол» это, например, «Красная площадь», «На Чуйском тракте», «Азия», в сборнике «Отчина» — «В сибирской степи», «В Причумышье», «На Новодевичьем кладбище», «У Никитских ворот», «Русь срединная». И все же, где бы поэт ни побывал, о чем бы ни писал, самым дорогим для него остается тот уголок земли, где он родился и вырос. Это — заглавный мотив всей его лирики, который поднимает ее до высокого гражданского и патриотического звучания.

При чтении сборника «Тихий колокол» бросается в глаза такая деталь. Буквально через несколько страниц после стихотворения «Подсолнухи бабушки Веры» — заголовков «Подсолнух на балконе». Ну пусть два стихотворения о подсолнухах в одной книге — это не так уж и много, а все же, делай скидку на пристрастие автора или не делай, это своего рода повтор. А зачем? Конечно, подсолнух на балконе каждому бросается в глаза, да такое ли это необычное явление, чтобы им восхищаться и посвящать ему стихи? Но, вместо ожидаемых сантиментов, все содержание этого стихотворения, а в особенности его последняя строфа, пронизаны многозначной и полемической мыслью:

Растет подсолнух на балконе
на тридевятом этаже.
И все же голову он клонит
к земле, к спасительной меже.

Внутренний смысл, символика открытвенны и прозрачны. Немало в наши дни «подсолнухов», оторвавшихся от земли и ищущих личных выгод на «балконах». Безоблачна погода на их небосклоне, полный достаток в квартире, и «Волга» стоит в собственном гараже, но при всем вот таком благополучии пагубной оказывается оторванность от «спасительной межи». И, как ни хитри перед самим собой, неизбежны в душе власть и зов родных весей. Отсюда и внутренняя неудовлетворенность. Так и мечется человек, «владелец балкона», так и живет, по существу, пустоцветом.

Открыто, с вызовом противопоставляет себя таким людям лирический герой Геннадия Панова. Он во всеуслышание, в полный голос, даже с пафосом и в то же время как бы с подначкой, с этакой иронической улыбкой заявляет: «Я живу, товарищи, в Паново — далеко, с балкона не видеть».

Само название этой деревни, конечно же, мало что говорит широкому читателю. А для Геннадия Панова, как и для многих других наших поэтов, с познания «малой» родины начинается и сама поэзия, и познание всей нашей великой Отчизны, и любовь к ней. Да ведь и любовь к людям, к народу не дается человеку заранее, с его

появлением на свет. Ее истоки, ее глубинные родники — с привязанности к матери и отцу, к делам и заветам предков, ко всему тому, что окружает тебя со дней твоих первых осознанных шагов.

Едва ли не самым значительным среди лирических стихов у Геннадия Панова, на мой взгляд, является трилистник «Мамины песни». Своей первой главкой это произведение явно продолжает ранее рассмотренный нами трилистник «Холмы и думы». Но если там автор стремился окинуть поэтическим взором всю русскую землю, то здесь его внимание сосредоточено на жизни отчего села. Правда, наверняка сам того не замечая, лирический герой сперва словно бы стесняется своей принадлежности к деревне, на которую снисходительно взирают иные «высоко взлетевшие» выходцы из нее. Или, может, это, по молодости, стесняется сам поэт? Не потому ли он не сразу находит верный тон, сбивается на этакую разухабистую декламацию, рассказывает о своем родном селе с совершенно излишним здесь бодречеством и рисовкой:

Место — во! —
курорт, а не опала:
бор сосновый, речка и мосток.
От Москвы не много и не мало —
тыщи три по шпалам на восток.

При всем том автор не склонен, однако, идеализировать сегодняшнюю деревенскую действительность. В ней, как и в любом жизненном и социальном явлении, постоянно идет процесс обновления, борьба нового со старым. А эта борьба, как известно, не бывает безболезненной. Поэт знает это, и в его повествовании о нынешней жизни родной деревни на смену бодрчески-задиристой интонации приходит раздумчивая, серьезная, и лирический герой начинает смотреть на самого себя с должной самокритичностью.

Вся ткань трилистника «Мамины песни» каждой своей нервинкой связана с его центральным образом — образом матери, простой русской труженицы колхозного села. Вся жизнь она трудилась, что называется, не покладая рук, растила сыновей. Выросли и поразлетелись сыновья, «а она, болезная, одна...» И вырывается у сына, приехавшего погостить, грустное как вздох: «Сидит моя мама и тужит...» Но и тужит, и печалится мать не о себе. Она давно уже поседела, здоровье уже не то, что было когда-то, но работать приходится не меньше, чем прежде: «за полив колодец — весь до дна!..» А любовь, тревоги, заботы — все как в прошлом, так и сейчас отдаются детям, близким людям, родной деревне. В ее делах, в ее жизни, в благородном характере матери ищет и находит нравственную опору лирический герой трилистника.

Патриотическая тема у Геннадия Панова развивается по двум направлениям. Одно из них — лирическое, второе можно назвать эпико-сказовым. У него немало стихов, посвященных селу Паново и его людям, а также нашей истории. Это, в частности, стихотворения «Дожди», «Рассказ

агронома», «Дед» и еще в большей мере рассмотренные выше трилистники, напоминающие собой главки незавершенных поэм и баллад. Можно предположить, что автор, создавая их, вплотную приблизился к созданию большого художественного произведения. Так или иначе, но и второй раздел книги «Тихий колокол» открывается сводом пяти сказов о земляках-барнаульцах. Собранные под одним заголовком «У большой воды», эти сказы уводят нас в очень давние времена, простирающиеся вплоть до той туманной дали столетий, где уже ощущается бездонность и неисчерпаемость исторического пути нашего народа.

Для поэта народ — творец истории. В свете этого ленинского положения он и рассматривает судьбы своих известных и мало известных земляков, соотнося и связывая их жизнь с жизнью и судьбой всей страны. Удался ему при этом и образ создателя «огнедействующей машины» Ивана Ползунова, и образ прадеда самого автора, «гонявшего ямшину» на сибирском тракте Ребринга — Большие Бутырки, и образы целого ряда других, так называемых эпизодических лиц. При чтении становятся близкими знакомыми «работающие да умелые» мужики — каждый со своим словом, со своей ухваткой, со своим жестом, хотя и обрисованы они подчас лишь двумя-тремя штрихами.

Отчетливо просматривается в сказах смысловая и интонационно-образительная связь с устной народной поэзией. Но, опираясь на фольклорную традицию, поэт придает сказовым мотивам вполне современное звучание:

Не сердчай — скучай, речка Сухона,
укрепите дух, Соловки!
Там, за Камнем, земляца — ух она! —
широка до Оби-реки.

Основная тема сказов — тяжелая, беспроектная жизнь народных низов и приближение революционной развязки. К сожалению, решение автор берет готовое, прибегая в заключении к литературной реминисценции: «Чаша с краями полна». После этого идут строки: «Может, всего-то осталось маленькой капле упасть», но они не усиливают, а лишь варьируют заимствованную мысль.

По своей идейной направленности к сказам о земляках-барнаульцах примыкает поэма «Сын села». Или, как помечено в подзаголовке, «поэма-хроника в судьбах». Здесь главки — те же сказы, каждый из которых посвящен кому-либо из бывших и сегодняшних жителей села Паново. Это и повествование о простых тружениках — «жизнь как раз на таких стоит», и своего рода летопись событий, вбирающая в себя не только далекое прошлое, но и революцию, и годы Великой Отечественной войны, и послевоенное время — вплоть до наших дней.

Построено произведение по принципу стремительно и контрастно сменяющих друг друга кадров, дающихся, как правило, крупным планом. Среди них и живописные сельские картины, и психологические портреты крестьян, и лирико-эпические мини-

тюре, где автор смотрит на происходящее то словно бы глазами человека тех давних лет, то с высоты нашего времени. Все эти фрагменты образуют хотя и мозаичную, но довольно-таки широкую, так сказать, многовековую панораму жизни русского села.

Отказавшись от изображения какого-либо центрального образа, автор сам выступает рассказчиком и от своего имени и как бы от лица истории. Это не только художественный прием, но и нечто большее. Главную свою задачу, судя по всему, поэт видит в том, чтобы возбудить у читателя-современника историческую память, неотрывную от гордости за деяния наших славных предков.

Сказы о земляках и поэма «Сын села» интересны еще и тем, что они являются своеобразными поэтическими документами села Паново. Ведь стоит это сибирское село «два столетия и двадцать лет», — пишет автор. Используя архивы и воспоминания старожилов села, он сумел проследить свою родословную до самых ее истоков, до самых глубинных родников — до дней основания деревни. Немногие из нас могут похвастаться таким знанием личной генеалогии! И вместе с тем перед нами не стихотворная фактография, а художественные произведения.

Недостатком этих произведений является разве что их фрагментарность, при которой неизбежны пробелы в освещении исторического фона, что предполагает историческую подготовленность читателя. Нет в них и того естественно развивающегося действия, какое мы привыкли видеть в больших поэтических произведениях, созданных мастерами нашей словесности.

«Привыкли...» Написалось слово само собой, и тут же пришла мысль: а ведь это именно так — привыкли! Есть и у нас, читателей, свои, выработанные многолетней привычкой, стереотипы в оценке прочитанного, и всякое отступление от привычных стереотипов, всякое новшество мы готовы подчас встретить чуть ли не в штучки. Но значит ли это, что писатель должен потрафлять нашим вкусам?

Мне вот, к примеру, не нравится, что поэт Геннадий Панов берет в качестве эпиграфов к своим произведениям многочисленные и пространственные цитаты из книг различных авторов, а ему выписка из дневника генерал-полковника Ф. Гальдера послужила толчком и отправной точкой для создания автобиографической поэмы «Глубинный родник». Более того, цитата эта стала своего рода вступлением к поэме и даже как бы завязкой, то есть — составной частью поэмы. Отними эту цитату, взятую из ежедневных дневниковых записей начальника генерального штаба сухопутных гитлеровских войск, вычеркни — и поэма утратит свою художественную целостность. Да, пожалуй, утратит и свою значимость.

А дело вот в чем, 11 июля 1942 года гитлеровский генерал Ф. Гальдер сделал в своем дневнике запись о готовящемся наступлении фашистских войск «до Волги и Кавказа». Геннадий Панов прочел эти строки, конечно же, много лет спустя, но они ударили его в самое сердце. Очень уж многое всколыхнулось в памяти! И из самого

сердца с тоской, с болью и гневом вырвались ответные слова:

В этот год, в этот день, в этот час, в этот миг
к материнской груди я в Сибири приник:
лишний рот для страны,
нужный в будущем штык!
(Вот чего не учел педантичный дневник.)

Так в форме страстного полемического монолога начинается эта необычная, поистине трагедийная автобиографическая поэма. Далеким тылом была Сибирь, говорит поэт, но и там на каждом шагу — именно на каждом шагу! — ощущалась большая всенародная беда. Не обошла она и только что увидевшего свет младенца: от тяжелой работы и постоянного недоедания «грудь у мамы пуста». Спасая сына, мать спешит с ним на руках в деревню к бабушке, где «буренка сено жует. А тут — ночь, «степь промерзла до звезд», и на пути слабой одинокой женщины — волчья стая...

Здесь — болевая точка и символически-философский узел поэмы. Война объединила все злые силы против добра, против человека, против самой жизни. На фронте всему живому грозят двуногие звери, а в зимней безлюдной степи — голодные волки.

А что может быть дороже детской жизни? Жизнь вообще, а новая, еще неокрепшая и невинная, — это святая святых на нашей земле. Недаром испокон веков мать в минуту смертельной опасности готова ради спасения ребенка без раздумий пожертвовать собой. Все живое, даже хищники, не преступает извечного в самой природе закона сохранения и продолжения рода: «У волчицы — волчата. У мамы — сынок. Отступила волчица. (Храни ее бог!)»

Не тронула голодная волчица одинокую мать с ребенком! В этом свете еще более бесчеловечной выглядит жестокость фашистских варваров. Уж у них-то, для них ничего святого не существует. Они — хуже зверей.

Так поэма приобретает высокое философское и морально-правственное звучание. Поэт поднимает вечные общечеловеческие вопросы о праве жить и праве защищать свою жизнь, о любви к матери и любви к Родине, о долге сыновнем и патриотическом, о войне и мире. И решает он эти вопросы не умозрительно, не путем отвлеченных рассуждений, а на основе личного и глубоко выстраданного, что придает произведению особо острую эмоциональность и впечатляющую силу.

Рядом с патриотической темой, дополняя и усиливая ее, в книге «Тихий колокол» звучит еще один постоянный мотив — мотив красоты. Строки о ней можно встретить едва ли не на каждой странице. В стихотворении «Красная площадь» поэт воспекает державные зубцы Кремля, а в сказах о земляках — родное поле: «Хороша, черноземна пахота — посади весло и взойдет». Вместе с автором любимея мы красотой женских лиц и богатейшей статьей сибирских мужиков, красотой людей, занятых мирным трудом, и красотой их характеров. В сонетах «Венок Шукшину» Геннадий Па-

нов декларирует свою эстетическую позицию напрямую, намеренно прямолинейно:

Хочу постичь земную красоту,
в родные дали вглядываясь зорко
и с высоты обычного пригорка,
и с высоты заоблачного Ту.

В который раз восхищаясь куполами древнего храма или ширью колхозных полей, поэт благодарит не только мастера и сеятеля сегодняшних дней, но и пращура, который знал, что «никак нельзя без хлеба и нельзя — без красоты». (Сказ «Ставление Знаменского храма».) Однако постепенно понимание красоты расширяется и углубляется, нравственно-эстетические основы жизни и творчества Геннадия Панова сплетаются с их социальными истоками, с тревогой за настоящее и будущее отчей земли. Наиболее зримо проявляется это в его лирической поэме «Тихий колокол».

Вошла эта поэма и в книгу «Отчина». Она многопланова и менее всего повествовательна, так что и пересказать ее непросто. Едет лирический герой на современном грузовике в родное село, беседует с водителем о том о сем, потом по дороге они подсаживают и подвозят шедшую пешком старушку, разговаривают с ней — вот внешняя канва сюжета. А сам сюжет — это движение мысли. Автор размышляет о том, что видит и слышит, словом, раздумывает о жизни, а в жизни, как водится, переплетено и простое, и сложное, и старое, и новое. Откуда-то издалека льется тихий звон колокола, словно в давнишние дни — церковного, и вот машина уже не машина, то есть не машина последней модификации, а «Русь-тройка наших дней», только летят навстречу не версты, а высоковольтные столбы.

Картина сменяет картину, и опять есть о чем поразмыслить. Вот — «заглазенье церковка» (отсюда, вероятно, тоже мог разосниться, плыть над полями тихий звон колокола), но вывеска на церковке — «Хозмаг». Естественно, колокол «сдан давно в утиль», и никакого уважения к архитектурной красоте. Но почему, почему люди кое-где не берегут такую красоту, оставленную им в наследство дедами и прадедами? Все ли старое надо непременно пускать на слом?

А тут еще и попутчица — бабушка Фрося, словно угадывая мысли лирического героя, вздыхает, подсыпает, так сказать, соли: «Все рушим и ломаем — и до могилкок добрались...»

То с веселой усмешкой, то с добродушной и умной иронией, а то и с невольной грустью рисует поэт картины сегодняшней сельской действительности и размышляет, пытается ответить на возникающие в связи с этим жизненно важные вопросы: «Ищу в любом большом вопросе диалектический ответ». Да ведь ответ-то найти зачастую не так-то просто. Помните: «Нелегко отвечать на вопросы — а надо!» Отсюда и раздумья.

Да и как не задуматься, если вот и старушка, бабушка Фрося, не без гордости рассказывает, что в кухне у нее теперь и «вода с-под крана», и телевизор в квартире, но не из села в город, а из города в село приходится поэту везти родителям лук

и колбасу. Как не задуматься, если один из земляков уже два раза «в космосе гостил», а здесь, на проселочной дороге, утонул в осоке сгнивший мосток...

Многое отзывается в душе лирического героя печалью, многое вызывает озабоченность и тревогу, но за каждой мыслью в его раздумьях ощущается испытанное сердце человека зрелого, закаленного и трудом, и преодолением собственных промахов, и бедой, и счастьем. Он сознает, что счастье само собой не приходит. Все то хорошее, чего достигли и люди родного села, и весь наш народ — все это достигнуто честным отношением к заботам об общем благе, все завоевано в упорной борьбе. Жизнь, конечно же, сложна и сегодня, в ней немало противоречий и недочетов, но, несмотря ни на какие трудности, неодолимо движение страны к новым высотам добра, справедливости и красоты:

День нынешний и день вчерашний —
разбег и мост в грядущий день
страны больших державных башен
и самых малых деревень.

Идея непрерывности исторического пути народа и притягательной силы наших светлых идеалов — господствующий пафос поэмы «Тихий колокол». Да, впрочем, и не только этой поэмы, а всего творчества Геннадия Панова, что достаточно полно видно по двум рассматриваемым книгам. В них не только воспеваются и осмысливаются, но и критически анализируются наша ежедневная, бурная, быстро меняющаяся действительность, развитие национального характера великого русского народа и его конкретные, зримые дела, будни и праздники. И наша история, славные дела предков, отечественная культура, страницы прошлого в летописи родной деревни и всего края — все это тоже обретает под пером поэта неразрывную связь с современностью.

Пожалуй, еще в большей мере, чем поэма «Тихий колокол», в книге «Отчина» привлечет внимание читателей сделанный Геннадием Пановым вольный пересказ «Слова о полку Игореве». Уже в одном том факте, что поэт обратился к этому гениальному памятнику русской литературы, видна большая творческая смелость.

В том виде, в каком мы привыкли его читать в подлиннике, «Слово о полку Игореве» — проза. Правда, нам известно и то, что многие поэты переводили его и стихами. Даже некоторые ученые применили так называемый ритмический перевод. И, конечно же, совсем не случайно: с первых же строк своих, с песенного зачина и до конца «Слово» читается как произведение поэтическое — именно как стихи, как поэма или песня. Уже неоднократно выдвигались стилистические концепции, а не так давно было высказано предположение о том, что «Слово», скорее всего, пелось. Не исключается, что исследователи когда-нибудь воскресят по ритмике «Слова» и его мелодию.

В ряду стихотворных переложений древнерусского текста этого выдающегося памятника нашей отечественной словесности известно также его толкование как по-

эмы-оратории. Совсем недавно новый перевод полупрозой-полустихами сделал поэт Игорь Шкляревский. А молодой поэт Андрей Чернов при изучении «Слова» обнаружил в нем деление на стихотворные строфы и пришел к твердому выводу, что оно написано стихами, причем его текст — не просто стихи, а стихи рифмованные. Появился еще один перевод в стихах, максимально приближенный к подлиннику.

А тайн у «Слова» по-прежнему остается много. И вот — еще одна попытка вольного стихотворного перевода, точнее — вольного пересказа. Что можно сказать о нем?

Прежде всего следует отметить, что работа Геннадия Панова по-своему оригинальна и читается с большим интересом. Любопытно, что сделанный им стихотворный пересказ зачина сразу же, при первом же прочтении захватывает настолько, будто бы читаешь не переложение, а подлинник. Все здесь точно и, так сказать, естественно, автор, то бишь, переводчик, предельно близок к тексту, а это как раз то, что требуется, иначе мы, читатели, при малейшей фальши тотчас насторожились бы и не стали дальше читать. Ведь «Слово о полку Игореве» хорошо известно любому русскому человеку, каждый наверняка знает наизусть многие его строки, и в особенности — его речитативно-песенный, былинный зачин.

Прочтя вольный пересказ «Слова» до конца, я с большим удовлетворением, с большой радостью отметил, что стихотворный перевод Геннадию Панову удался — все читается поистине на одном дыхании и с неослабевающим интересом. Сохранены не только текстовая точность и основная идея, но и основное настроение первоисточника в каждой его части. С завидной точностью, на мой взгляд, переданы при этом интонация и зачастую даже ритмика, многие строки и строфы прямо-таки врезаются в память — это ли не свидетельство явной удачи!

Давно существовало и утвердилось мнение, будто бы ни подлинный текст «Слова», ни его перевод не следует читать как стихи, так как его ритм является синтаксически-смысловым. Но, вопреки этому, каждый из нас не мог не ощущать декламационного, что ли, звучания — очевидно, автор «Слова» был сказителем и не писал, разумеется, а слагал и затем, исполняя для слушателей, именно декламировал (говоря современным слогом) свое произведение под музыкальный аккомпанемент. Все это, на мой взгляд, чутко уловил Геннадий Панов. Размер и ритмика каждой части его вольного пересказа как нельзя более удачно отвечают содержанию подлинника. В этом можно убедиться даже при сопоставлении текста. И несмотря на то, что он с предельной вольностью пользуется строфикой и мелодикой, нигде ему не изменяют вкус и чувствительность меры.

В подтверждение этого можно было бы привести не один пример, сопоставляя текст подлинника и текст его вольного пересказа

в исполнении Геннадия Панова. Но для этого, на мой взгляд, нужен отдельный разговор, особая статья, посвященная только лишь данному предмету. Думается, такая работа появится, и, пожалуй, не одна. А пока хотелось бы сделать лишь несколько замечаний. Подзаголовком «вольный пересказ» поэт как бы выговорил себе право свободно распоряжаться оригиналом и заранее отгородился от критики за любые отступления от текста. Но здесь не тот случай, когда переводчик мог бы заниматься любой интерпретацией. Поэтому даже сделанные Геннадием Пановым названия выделенных им глав все-таки кажутся лишними. Здесь он как бы не доверяет читателю, а ведь читатель-то в данном случае у него как раз самый посвященный. И в еще большей мере недопустимы в этой связи вольности — или погрешности? — языковые, стилистические.

А они, к сожалению, есть. Не буду касаться, так сказать, хотя и с большой натяжкой, но допустимых, но некоторые слишком уж режут слух. Вот, скажем, двустишие: «Волки воют по оврагам, и орлам скоро с ними пир делить напополам» — это не то что просторечное, а как бы пародийно-игривое «напополам» явно неуместно. Или вот еще: «Стар Владимир-князь, а вот возьми пригвозди к горам его гвоздьми...» Право, тавтология более чем неудачная, вряд ли кто из русских скажет: «Пригуби губами». В этих и подобных им огрехах большой беды вроде и нет, а все же их лучше бы устранить.

И еще одно, совсем уже частное замечание. Даже не замечание, а как бы размышление вслух. Включив перевод «Слова о полку Игореве» в свою книгу «Тайник», вышедшую в издательстве «Советский писатель», Игорь Шкляревский предпослал этому своему произведению небольшое авторское вступление. При этом он отметил, что его перевод «Слова» был прочитан еще в рукописи и подкорректирован ленинградским академиком Дмитрием Сергеевичем Лихачевым. При публикации вольного пересказа «Слова», сделанного Геннадием Пановым, вероятно, в книге тоже следовало дать нечто вроде краткого авторского или редакционно-издательского вступления.

...Более пристрастные критики, вероятно, выскажут какие-то свои суждения и замечания, но достоинства рассмотренных книг, на мой взгляд, значительно больше, чем погрешности. Судя по этим, в известной степени итоговому для поэта в период его сорокалетия, поэтическим сборникам расширение его творчества состоялось. Точнее — оно продолжается, причем идет по благотворному пути. Его стихи, сказки и поэмы написаны с той степенью слияния чувства и мысли, что их хочется читать и перечитывать. Народные по своему складу и ладу, по верно взятому тону, полному бодрости и оптимизма, поэтические произведения Геннадия Панова многое дают читателю для серьезных раздумий, невольно заставляя соизмерять рассказанное автором со своими мыслями и делами.

И. КАЛИНИНА,
кандидат филологических наук

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

Название сборника «Шукшинские чтения» сочетает в себе два значения: с одной стороны, заставляет вспомнить традиционные строго научные издания, с другой — воспроизводит название ставшего на Алтае праздника, ежегодно проходящего на родине В. М. Шукшина в день его рождения. Это и объясняет и оправдывает по обстоятельству, что в книге собраны материалы разных жанров: статьи, эссе, обзоры, биографические материалы, воспоминания. Вместе они должны добавить некоторые штрихи к портрету писателя, режиссера, актера Шукшина.

Не забудем и то, что в книге создается новый контекст, или, проще говоря, иное соединение суждений о Шукшине, принадлежащих писателям, критикам, деятелям киноискусства, родственникам и близким людям, в котором даже уже знакомые читателю публикации приобретают ранее неизвестное значение. Так в кругу новых собеседников наши старые и проверенные суждения вдруг оборачиваются нам самим еще незнакомой стороной.

Неоднократно печаталась статья В. М. Шукшина «Признание в любви» — она открывает и эту книгу, выполняя здесь роль первого слова писателя в посвященной ему беседе, и это первое слово — о родине, большой и малой, которая не только взывает к чувству гражданского долга, но и врачует его душевные раны, стало быть, лично необходима ему: «Может быть, мне это нужно, думаю я, чтобы постоянно ощущать в себе житейский «запас прочности»: всегда есть куда вернуться, если станет невмоготу. Одно дело жить и бороться, когда есть куда вернуться, другое дело, когда отступать некуда. Я думаю, что русского человека выручает сознание этого вот — есть куда отступать, есть где отдышаться, собраться с духом. И какая-то огромная мощь чудится мне там, на родине, какая-то животворная сила, которой надо коснуться, чтобы обрести утраченный напор в крови...

Родина... она и живет постоянно в сердце, и образ ее светлый погаснет со мной вместе». Именно так о ее отношении к Родине призывает вновь и вновь обращаться к творчеству Шукшина, здесь, на Алтае, заботиться об издании его произведений, собирать материалы к его биографии, искать возможности сказать несказанное слово о писателе, объединяет вокруг имени его новые и новые силы...

«Твой сын, Россия, горячий брат наш...» — назвал свою статью о Шукшине В. Распутин. Это слово писателя, близкого Шукшину по духу. Специально написанная для этого сборника, она добавляет многое к нашим представлениям о Распутине, проясняет его гражданскую и творческую позицию. Обращаясь к шукшинским произведениям, он показывает, как герой не выдерживает бесприютного одиночества и вслепую, неуверенно и судорожно, ищет пути, чтобы быть вместе с народом и из холодного понятия вернуться в живую его плоть, чтобы, не довольствуясь ценностью физического существования, получить духовное значение».

Распутин говорит о деятельной любви Шукшина к родине, его умении бороться за ту правду, которую он уяснил для себя и жестко связал с нравственностью. В самой стилистике статьи Распутина — ее открытом пафосе, повышенной экспрессивности — сказывается родственное Шукшину стремление «ворваться во всякую человеческую душу», как бы поддерживает и продолжается то дело, которому Шукшин посвятил жизнь. Распутин настаивает на актуальности выдвинутых Шукшиным проблем, доказывает необходимость не отступать перед ними, убеждает в том, что писателю в первую очередь надлежит обеспокоиться ими и заставить других принять всенародные заботы как свои.

Высокая нота писательской публицистики сменяется последовательно эссе И. Золотусского, критическим, строго научным разбором А. Бочарова, воспоминаниями, публикациями. Такая композиция обнаруживает отчетливую рационалистическую основу и, быть может, вносит даже своего рода оценочный момент, закрепленный в своеобразной «иерархии построения». Место, которое занимает каждый материал сборника, — строго свое, и важно не перепутать назначение и смысл каждого. Здесь же можно видеть и указание, на что тот или иной материал не претендует. А не претендуют эти материалы на всеохватность и универсальность. Скорее, сборник такого рода призван удовлетворить разный интерес к Шукшину: к его биографии, кругу общения и т. д. Не все испытывают к Шукшину интерес научный, многие — скорее, как к «брату нашему», поэтому воспоминания, факты, письма здесь уместны и, более того, представляются особым родом утверждения демократизма творчества Шукшина, который к себе «допускал» всех, не

устанавливая интеллектуального и всякого другого ценза.

В книге воссоздается круг общения В. М. Шукшина, в живых контактах с разными людьми, выявляется человеческий дар Шукшина, без которого, вероятно, не могла бы состояться и его творческая судьба. Наверное, и то, что Шукшин стремился охватить разные сферы искусства, был и писателем, и режиссером, и актером, — в основе своей продиктовано стремлением расширить сферу общения человека с другими через искусство.

Разные грани личности Шукшина среди людей выявляет и очерк Брагила «Тезки» (о дружбе его с писателем В. Беловым), и письма Шукшина к брату и матери, воспоминания Г. Буркова, Ю. Скопа и др. При всем разнообразии и различных «литературных», так сказать, достоинствах все материалы показывают Шукшина в мучительных исканиях своего, кровного, в стремлении освободиться от суетного и поверхностного. Шукшин видится человеком всегда работающим, т. е. думающим, ставящим и в частной переписке, например, проблемы, основополагающие для его творчества и, быть может, искусства вообще. Так, будучи еще студентом, в письмах к И. Попову, он через отношение к известным фильмам, вырабатывает свой взгляд на искусство. Причем видно, как Шукшин поразительно быстро «взрослеет» как художник, год от года более сложные задачи ставит перед собой. В письме 1967 года он пишет о том, что «не выходят у нас еще т. н. «простые» люди... Мы отказываем этим «простым» людям в уме, в сложной психологии и оставляем им лежащее наверху...» В письме 1969 года Шукшин говорит о задачах собственных, художнических: «Попробуй написать рассказ, где ничего не происходит, где жизнь течет себе и течет, а вместе с тем надо, чтоб читатель задумался — это ой как трудно!»

Соотнося материалы писем, публикаций, воспоминаний с творчеством писателя, читатель получает неопровержимое свидетельство того, что творчество — дело всей жизни Шукшина, без разделения на сферу работы и отдыха, без выходных для души, обязательной трудиться.

Эта работа тем не менее не отнимала у Шукшина мечту. Многие участники «чтений» говорят о том, что Шукшин был одержим мечтами — о своем Степане Разине, фильме, в котором он мог бы создать зрительный образ любимого героя, отдать ему свое лицо и голос, ощущая сопричастность его судьбе, разинскую «разбойность по отношению к самому себе». Г. Бурков говорит о мечте Шукшина создать свой театр: «В нем и виделась мне истоки возрождения искусства народного, о котором он сам

думал». И далее актер пишет: «Если попытаться как-то обозначить явление Шукшина, то для себя я предпочел такое неуклюжее, как авторское творчество. Снимался ли Шукшин как актер, режиссировал ли фильм, писал ли рассказ или сценарии, он при всей разности этих занятий оставался Шукшиным».

«Явление Шукшина», которое не до конца еще раскрыто и которое вряд ли может быть осмыслено современниками в полной мере, заставило работающих над сборником собрать разные материалы о нем, рассчитывая в какой-то мере и на будущее. При этом, думается, отношение к документам не должно быть таким отстраненным, холодным и даже формальным, как в иных исследовательских к ним комментариях. Так, в комментариях к письмам, обращенным к матери, читаем: «...письма большого художника всегда становятся достойным обществом, так как являют собой высокий пример гражданственности и нравственности». Конечно, это так, но рядом с письмами такие соображения являют пример такой ученой занудливости, которая и желая этого, может нивелировать своеобразие художника тем хотя бы, что так можно сказать о любом другом писателе. «Достоинство общества», «являет пример»... — соотносится ли это с «горячим» характером Шукшина? Впрочем, вопрос этот особого рода и выходит за пределы собственно литературы. То есть порождает внутри себя новый уровень требований, сообщает своего рода перспективу роста будущим изданиям на Алтае.

Особо следует отметить то, что здесь много фотографий, немало их публикуется впервые, и это еще один из аспектов содержания книги, значение которой в созвучии всех материалов, мнений, оценок, в едином стремлении сказать о Шукшине не интересную частность, а самое главное.

Сборник «Шукшинские чтения» отвечает запросам современного читателя, интересующегося не только исследовательскими интерпретациями творчества, но и фактами, которые он сам может соотнести с собственным представлением о писателе, создавая и образ своего Шукшина. Так живет образ писателя в определенном социальном контексте, так мы учимся знать и понимать его как близкого, разделяющего наши заботы «брата по человечеству».

Последовательная концепция личности Шукшина, достаточно высокий идейно-художественный уровень публикаций, постановка сложных, основополагающих проблем, эмоциональная насыщенность делают книгу значительным явлением современной научно-художественной публицистики. И, несомненно, что сборник такого рода должен стать на Алтае традиционным.

Николай БУДАНОВ

КАТЬКИНЫ УШИ

Катьку он не очень любил. Она была похожа на свою мать — его тетку, — такая же длинная, нескладная, с вечно поджатыми губами. И в очках. Когда Катька и ее мамаша приходили в гости, Борька сухо здоровался с ними и удирал на кухню. Но Катька плелась за ним и каким-то занудно-взрослым голосом уговаривала:

— Боря, давай что-нибудь почитаем. Мы с мамой купили очень интересную книгу, там биографии великих композиторов.

— Ну вот и читай вместе со своей мамочкой про своих композиторов.

Но Катька не отставала.

— Борис, а скажи, пожалуйста, чему ты посвящаешь свое свободное время?

— Отстань, зануда...

— Какой ты грубый, — обидевшись, сказала она голосом своей маменьки и так же поджала губы. Однако не ушла.

Борька подумал о матери, о том, что ей тоже несладко разговаривать сейчас в другой комнате с его теткой, но ничем нельзя было помочь ни себе, ни матери. Надежда оставалась лишь на скорый приход отца.

Катька все-таки решила наказать его своим уходом. Когда она пошла из кухни, в окно хлынули потоки солнца, затопили всю нескладную Катькину фигурку, и Борька увидел, что Катькины уши... просвечивают. Это было так неожиданно, что он даже решил остановить Катьку. Но та уже вышла. Тогда он захотел ее позвать, чтобы еще раз посмотреть на это необычное зрелище.

Он заглянул в комнату, увидел Катьку, с открытым ртом слушающую беседу взрослых, позвал почти шепотом:

— Кать, идем покажу что-то... — а сам бегом на кухню, чтобы успеть еще раз увидеть то чудо.

Катя входит на кухню, попадает в солнечный поток, и все повторяется. Ее уши светятся нежным розовым светом.

Борька не выдержал, расхохотался.

— Обманул, да? У самого ничего нет и рад... Так я и знала... Все вы дураки, только жалко, что и двоюродный брат тоже.

— Кать, не обижайся, я хотел посмотреть, как ты светишься на солнце. У тебя уши, как здоровые вареники, просвечивают... Ха-ха, умора!

Вот уж чего, а такого она от Борьки не ожидала, ему показалося, что даже ноги у Катьки побелели от злости; дверь хлопнула, и стекло со звоном полетело на пол.

— Мама, ма-а... — донесся истошный Катькин крик. — Он сам, он сам такой...

В кухню вбегает Борькина мама, хватая его за руку, тянет в ванную комнату, успевая при этом сказать: «Настоящие мужчины слабых не обижают». Борька уже за дверь, за закрытой дверью, скулит вполголоса. «А если они дуры?» Он слышит приглушенное теткино шипенье:

— Ну, знаешь, Ира, это выходит за все рамки. Он должен извиниться перед нами, иначе нашей ноги не будет в этом доме. И скажи своему, чтобы он больше занимался воспитанием собственного недоросля, а не птичками.

— Маша, я тебя просила называть моего мужа по имени. И потом, почему Боря должен извиняться и перед тобой? Это их детские дела, его и Кати.

— Вот-вот, яблоко от яблони недалеко... — И стучает входная дверь. Наступает тишина. Борька знает, что до прихода отца он будет заперт, роптать бесполезно.

«Почему они все не любят отца? — думает Борька. — Ни бабушка, ни дедушка, ни тетя Маша, ни дядя Костя (мамин брат). И за что не любят?» А главное, в глаза ему никто и никогда этого не говорит. Может, боятся? Вся родня называет его отца «птичником», хотя Борька точно знает, что отец его — орнитолог. А они все в одну дуду: «Птичник!» А сами-то, сами еще те птицы. Он, Борька, любит отца, тот берет его и маму каждое лето в свои экспедиции за птицами (отец называет «в поле», хотя почти всегда они проводят «поле» в лесу). Особенно не любит отца тетя Маша, это она вечно шипит и поучает маму:

— Ира, я, конечно, понимаю: с милым рай и в шалаше, что твой милый семи пядей во лбу (это не совсем понятно Борьке), что когда-то он засияет яркой звездой на научном небосклоне, но ему уже тридцать пять, а где его диссертация? Где она?

— Спроси у него сама.

— Ира, я не о том. Тебе-то уже тридцать, на тебе вечно этот штопаный свитер, эти дурацкие джинсы; ребенку уже десять лет, а в вашем шалаше нет ничего. Нет, ты открой глаза: мамину шубу ты донашиваешь шестой год, а твой Дарвин забил однокомнатный шалаш чучелами, книгами, везде летает эта чирикающая гадость. И потом, почему ты не выгоняешь его курить на лестницу?.. Он, видите ли, думает о сохранении природы, он витает, он выше, а кто должен думать о твоей молодости?

Мама обычно молчит или кормит ручного скворца Ребуса, когда же иссякает терпение, она чуть слышно свистит, и на столе перед разговорчивой тетей Машей встает на задние лапки любимица дома — белая крыса Варюха и начинает сердито «чуфыкать».

Тетя Маша прекрасно знает, что Варюха совсем ручная, но брезгливость побеждает в ней желание поучить уму-разуму «нищую дурочку», и, поджав губы, она демонстративно удаляется.

Потом Борька думает о Кате, которую ему часто жалко. Во-первых, потому, что она, подражая своей матери, изображает брезгливость и страх перед крысой Варькой, хотя точно знает, что Варька ручная, очень умная и добрая; во-вторых, Катька очкастая; а в-третьих, похожа на сушеную воблу. Но это все можно поправить, надо только разок взять ее с собой в экспедицию. Отцу он скажет примерно так:

— Знаешь, а давай вылечим Катьку от старости, возьмем с собой в экспедицию, ведь нам она не чужая.

Интересно, что отец скажет на это? А уши все равно смешные, это сколько же комаров на такие уши насыдет?..

Но, наверно, тетя Маша заквохчет:

— Ну знаете, я не хочу, чтобы мой ребенок из-за этой вашей дешевой романтики запускал французский, а тем более музыку.

Тогда мама скажет ей так:

— Но пойми, Маша, ведь Катенька — живой ребенок, она должна видеть чистое небо, лес, настоящие цветы.

— Значит, ты хочешь, чтобы и моя дочь стала такой же, как и твои «приветики»?

И они будут еще долго спорить, но победит, конечно, тетя Маша. А Катьку жалко...

Вот и звонок: это отец. Борька слышит через дверь, как он целует маму, а потом спрашивает ее: «А где наш «мыслящий тростничок»? На что мама отвечает: «Он сегодня не мыслящий, а оскорбляющий и заперт в ванной».

Отец заходит к Борьке.

— Чадо, здравствуй!

— Здравствуй, пап... А я с Катькой... ну, того...

— Ладно, ладно... — улыбается отец, берет Борьку за руки и кричит на всю квартиру: — Ира, у нас в доме живут целых двадцать восемь канареек, и все до одной поют!

— Ну и что? — спрашивает мама.

— Так ведь петь-то они не должны...

— И это говоришь ты, орнитолог?

— Да нет, не как орнитолог, как человек. Родина канареек — далекие Канарские острова, вывезли их оттуда в незапамятные времена, и они же должны от тоски по своим островам забыть все песни. А они знай себе распевают. И не печалются. Кто-то даже сладенькую сказочку про них придумал: это, мол, они от тоски позолотели, а раньше были зелеными. Но от тоски скорее позеленеешь, а не позолотеешь... А я люблю степных птиц. Кто-нибудь слышал, чтобы дрофа в неволе запела, чтобы жила в сытной неволе? Шиш с маслом! Дрофа — настоящая птица, в ней есть достоинство, понимаешь, любезный отрок?

Наливая суп, мама спрашивает:

— Интересно, а мы с тобой какие птицы?

Отец надувает щеки и начинает булькотеть голосом бабушки:

— Подумаешь, какие важные птицы... Мы с вами — воробьи.

— Ну уж, мог бы и получше что-нибудь придумать.

— А чем, собственно, плохи воробьи? Это самая веселая птица.

Кто не унывает и поет даже в лютые морозы? Воробей! А ты говоришь...

— Ну ладно, воробьи, клюйте, пока не остыло.

Крыса Варька, кот Сенька и скворец Ребус ждут своей очереди. Ребус прыгает по подоконнику и время от времени вскрикивает: «Дрррружнее, ррыбятя!» а кот скребет Борькину штанину. Пахнет гречневой кашей, хлебом и повидлом.

После ужина все сидят на семейном диване — мама с вязанием, у Борьки на коленях — кот, на плече у папы — крыса Варька. Она подает папе спички (Варька очень умная и многое умеет), и тот закуривает. Ребус весело кричит со шкафа: «Ррыбятя, перрекурр!»

— Отец, у нас на кухне стекло разбилось, сквозняк, — начинает мама разговор.

— Это к счастью.

— Но не посуда же...

— Все равно к лучшему, вон Ребус недавно чуть не разбился об это самое стекло.

Тут вступает и Борька:

— Пап, я, кажется, Катьку обидел. Но я же не виноват, что у нее уши большие и светятся насквозь. Я засмеялся, а она психанула.

— Тут ты не прав, — замечает отец. — Женщинам не всегда можно правду говорить.

— Но ты сам говорил, что правду нужно говорить всем людям, а женщина что, не человек?

Отец засовывает Варьку во внутренний карман пиджака, тушит папиросу, начинает ходить по комнате.

— Нет, почему же... Женщина — человек, но человек слабый, легко ранимый, иногда правду она может принять за грубость.

— Пап, а давай отпросим Катьку с нами в экспедицию?

— А что, можно попробовать. Только согласится ли тетя Маша отпустить с нами свою розовоухую Катьку? А Катьке, действительно, не мешало бы отдохнуть от города. Десять лет человеку, а она еще лесом живым не дышала, зверя настоящего не видела.

Мама как-то робко возражает:

— Но у них ведь собака есть...

— Ира, ну какая это собака? Так, пародия на собаку в триста грамм весом. От нее даже псиной не пахнет. Жрет жеваные конфеты и не поймешь, то ли чихает, то ли лает... Давайте-ка лучше подумаем, как уговорить Катькину маменьку?..

— Ох, и не знаю, Воробей Дарвинович... — неуверенно отвечает мама. — Но попробуем...

— Ррыбята, куррите! — прерывает скворец их разговор.

— Ох, Ребус, Ребус, — качает отец головой. — Умная, кажется, птица, даже в Индии бываешь, а все никак не запомнишь, что не «рыбята», а «ребята».

— Ррыбята! — упрямо отвечает скворец.

Укладываясь спать, Борька берет в постель кота Сеньку. Кот греет ему живот, мурчит что-то свое, а Борька думает о Катьке, вспоминает, ее розовые большие уши.

Во сне он ведет Катьку за руку по утреннему лесу, а впереди бежит крыса Варька и говорит человеческим голосом: «Катя, держись за Борю, держись крепче». Они идут по широкой лесной просеке, солнце еще не прорвалось сквозь листву, и трава в росе. Сыро и прохладно. Варька останавливается, говорит Боре: «Знаешь, Кате надо отдохнуть, она устала».

Катя присаживается на зеленую подушку мха, потом ложится на спину и закрывает глаза. Они сидят рядом, смотрят, как солнце заливает своим радостным светом спящую Катю, потом им кажется, что тело Кати начинает приподниматься. Она улыбается во сне, чуть заметно, как рыба плавниками, отталкивается ладошками от солнечных лучей, и вот уже парит выше деревьев.

Крыса Варька, такая белая в солнечном свете, говорит: «Только солнце может вылечить усталость и грусть. Пусть она поплавает, а мы подождем».

Борька просыпается от грохота. Это гремит за окном первая весенняя гроза.

В

па-

пег-

от-

не

сом,

амм

и не

как

чае

е

кры-

реет

нае

и бе-

сь за

пн

дн

н

на

лива-

тело

етно,

ей, и

лько

а мы

я ве-

